

ВАСИЛИЙ
СМИРНОВ

ЗИНА ПОРТНОВА

о родные • подвиги • земли

О родные • молодёжь • земли

БИБЛИОТЕКА
ЮНОГО
ПАТРИОТА

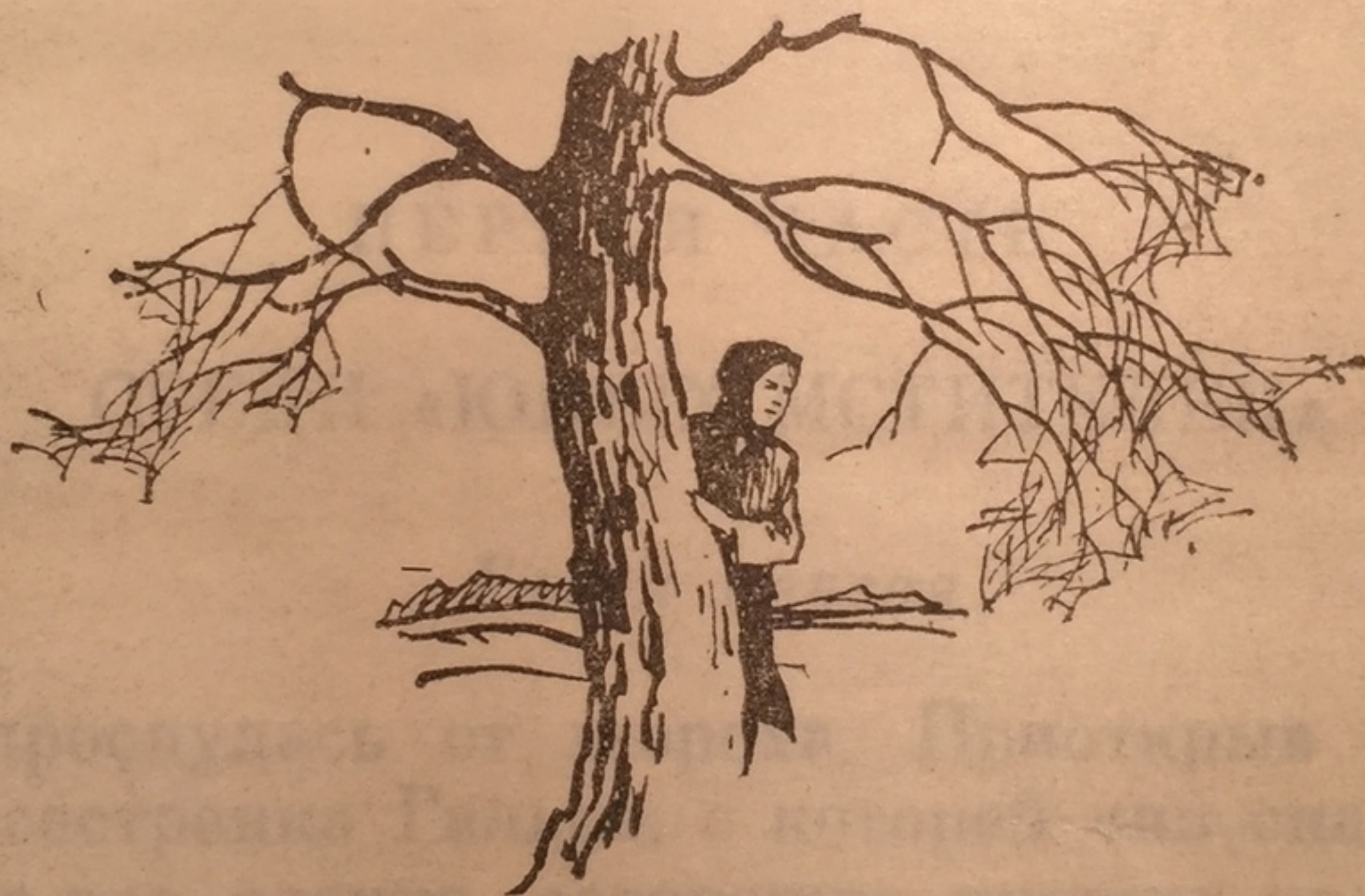

Герой Советского Союза
ЗИНАИДА ПОРТНОВА

ВАСИЛИЙ СМИРНОВ

ЗИНА ПОРТНОВА

повесть

Ордена Трудового
Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Министерства обороны СССР
Москва • 1980

P2
C50

С 70302-193
068(02)-80 БЗВ № 9-21.80.4702010200.

© Воениздат, 1980

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Первая часть. Среди юных мстителей	5
Вторая часть. В партизанском отряде	154
Эпилог	220

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

СРЕДИ «ЮНЫХ МСТИТЕЛЕЙ»

Глава первая

Зина проснулась от шороха. Приоткрыв глаза, увидела, как сестренка Галька, с которой они спали в сенях, вылезла из-под одеяла, осторожно прошла по коридорчику и, звякнув щеколдой, бочком проскользнула за дверь.

«Куда это она?» — тревожно подумала Зина, окончательно проснувшись, и, быстро накинув халатик, тоже выбежала на усадьбу.

Вокруг ни души. Ранняя зорька чуть позолотила верхушки тополей и лип на короткой деревенской улочке, полого спускающейся к реке. Обильная роса словно сединой покрыла луговину. Зина не сразу заметила сестренку. Галька стояла неприметно возле тына, босая, с распущенными волосами, в одной короткой рубашонке, и,

протянув ручонки в сторону, откуда поднималось солнышко, разговаривала.

«С кем это она?» — Зина, едва слышно ступая, подошла ближе и услышала жалобно-плаксивый Галькин голосок:

— Живем мы у бабушки... Но здесь немцы! Нам так страшно. Мама!.. Мамочка!.. Где ты?.. Забери нас отсюда...

Зина схватила Гальку за руку и, не говоря ни слова, потащила обратно в сени.

— Ложись и спи, противная девчонка!.. — шепотом строго приказала она, когда озябшая Галька послушно юркнула под одеяло. — Больше меня не тревожь... Разбудила в такую рань. И без тебя так тошно, что жизнь немила. — И, не выдержав, сама расплакалась, обняла и крепко поцеловала «противную» девчонку, дороже, милее которой для Зины теперь на белом свете никого не было.

Казалось, целая вечность прошла с тех пор, как они застряли у бабушки в деревне, а Галька отчаянно тоскует, рвется обратно в Ленинград.

Галька, свернувшись калачиком, вскоре заснула. На ее светлых ресницах застыли слезинки. А Зина заснуть уже больше не могла. По улице с шумом и треском проехала одна машина, другая... слышалась немецкая речь, прозвучала автоматная очередь... И снова все стихло.

Стреляют... убивают... И так каждый день.

Зина лежала закрыв глаза рядом с сестренкой на тощем, набитом соломой тюфяке, а в памяти оживало недавнее прошлое, казавшееся теперь таким далеким. Вот она, веселая, счастливая, сбегает со школьного крыльца. Кружевной воротничок ее синего ученического халатика подхвачен красным галстуком, в пепельные косички вплетены красивые банты. Вслед за ней, прыгая через

ступеньку, спускаются оживленные, веселые одноклассницы.

Над головой теплое солнышко, а вокруг молодая яркая зелень деревьев. Позади седьмой класс. Они уже почти взрослые. Осенью восьмиклассников будут принимать в комсомол. А впереди летние каникулы...

У перекрестка подружки неохотно расстались. Зина направилась по своей тихой, малолюдной Балтийской улице, размахивая портфелем, улыбаясь встречным от переполнявшей ее радости.

Вот и небольшой трехэтажный дом под номером 24. У подъезда Зина замедлила шаги и присела на лавочке, рядом с полуслепой старушкой.

— Отдыхаете, бабуля?.. Может, вас проводить домой?

— Спасибо, Зиночка, спасибо, милая. Я только что вышла...

Зина погладила взъерошенного кота, растянувшегося на ступеньке крыльца.

— Греешься на солнышке, Митька?.. Грейся, грейся, беспризорник ты мой. Наверно, тебя сегодня и не покормили. Подожди, я тебе что-нибудь вынесу... — И тут же строго пожурила воробьев, затеявших шумную, пискливую потасовку на тополе: — Ну чего вы раскричались, драчуны? Митька же на вас поглядывает.

Поднявшись к себе на третий этаж, Зина тихонько отперла входную дверь и остановилась на пороге комнаты. Галка не слышала, как вошла сестра. Усевшись, поджав ноги, на диване, она тормошила свою большую куклу Ольгу — «учила читать».

— Какая буква? — строго вопрошала Галка. — А это какая? — И притворно-горько вздыхала: — Почему ты такая бестолковая? Беда мне с тобой...

Вскинув голову с бронзовыми кудряшками, Галка наконец заметила Зину и бросилась к ней, кубарем скатившись с дивана:

— Что принесла?.. Похвальную грамоту дали?

Прыгая вокруг сестры, Галька засыпала ее вопросами. Зина положила на стол табель и грамоту за успехи в учебе.

Галька не умела еще читать, но сразу же поняла, что сестра, как и в прошлом году, отличница.

— А это почему же не с круглой буквы начинается? — придирчиво осведомилась она, ткнув пальцем в оценку, непохожую начертанием букв на остальные.

— «Хорошо» по русскому языку... Не дотянула до «отлично», — вздохнула Зина.

— А когда меня записывать в школу поведешь?.. Мама ведь некогда, она на работе.

— Тебя уже записали.

...За стеной раздался резкий выстрел. За ним — другой. Зина в испуге вскочила с постели. Прильнула к щели бревенчатой стены. Мимо избы по дороге прошли немцы, громко и отрывисто разговаривая. Они вели двух арестованных в солдатских гимнастерках, очевидно окруженцев, и, видимо, развлекались, стреляя в воздух.

Мучительная, страшная действительность, от которой опять защемило сердце. Зина с трудом заставила себя снова мысленно вернуться в родной Ленинград. Тогда, в первый день школьных каникул, она пошла вместе с девочками к Нарвским воротам. Здесь находилось огромное здание Дворца культуры. Во Дворце Зина часто заглядывала в детскую библиотеку. Читать она очень любила, особенно книги о гражданской войне, о подвигах и путешествиях. Пожалуй, не менее страстным ее увлечением был балетный кружок, в котором она занималась уже второй год.

— Из тебя может получиться балерина, — хвалили ее зимой девочки, когда она успешно исполнила свою роль в детском балете «Аистенок».

Звенели трамваи, мчались машины — было шумно илюдно, а девочки, сгрудившись стайкой, шли по тротуару, заглядывая в витрины магазинов, толкая друг друга

и дурачась. Тараторили о всякой всячине и, главным образом, о пионерском лагере.

Обычно Зина ездила летом с сестренкой и матерью к бабушке в Белоруссию. И теперь она больше всех радовалась предстоящей лагерной поездке.

— Давайте продумаем, чем мы в лагере будем заниматься? — предложила она.

— Будем в лес ходить!.. На речку, купаться!.. Землянику собирать!.. Цветы!.. В кружки запишемся, — отвечали Зине сразу несколько голосов.

А на следующий день все радужные Зинины планы летнего отдыха разом рухнули. Под вечер явилась с работы расстроенная мать и сказала:

— Переносят мой отпуск — заболела сменщица. Придется тебе, Зина, хочешь ты или не хочешь, ехать с Галькой в деревню, к бабушке.

— Ну вот... — помрачнела Зина. — Какой год я все с ней езжу! — И тут же осеклась, увидев, как мать строго сдвинула брови.

Такая же круглолицая, как и Зина, светловолосая, выглядевшая моложе своих тридцати восьми лет, Анна Исаковна относилась к дочерям строже и требовательнее, чем отец, Мартын Нестерович, работавший крановщиком на Кировском заводе.

Зина в этот день едва дождалась, когда он придет с работы. Ей казалось, отец слишком долго умывался на кухне. Слышно было, как он плескался водой и отфыркивался. Вернулся в комнату, вытираясь полотенцем. Высокий, черноволосый. С добродушной улыбкой оглядел домашних.

— Что все такие унылые? Какая муха вас укусила?

— Мне отпуск не дают. Вот и решаем, как нам быть с Галькой?

Мартын Нестерович задумался.

— Я бы с удовольствием поехал сам с ребятами, по-

ловил бы рыбу в Оболи, походил по грибы... Но у меня отпуск осенью.

Несколько минут царило тягостное молчание.

— Ладно, мама, — наконец произнесла Зина, тяжело вздохнув, — не расстраивайся, раз надо, я поеду в деревню с Галькой. — Она подошла, обняла и поцеловала мать.

— Вот и хорошо!.. Вот и хорошо!.. — запрыгала Галька, очень довольная, что с ней поедет Зина, и, не обращая внимания на хмурое лицо старшей сестры, повисла у ней на руке.

— Смотри в деревне меня слушайся, а то сразу обратно уеду... — строгим, учительским тоном предупредила Зина.

Вечером она не пошла к подругам, осталась дома. Перебирала свои книги, тетрадки — приводила в порядок этажерку. Машинально вытирая пыль со статуэтки, небольшой фарфоровой лыжницы — награды за первое место в школьных лыжных состязаниях, Зина с грустью думала, какой предстоит трудный и неприятный разговор с девчонками. Можно представить, какой они поднимут шум, как станут упрекать, что она — староста класса — не едет в лагерь, так легко уступает своим домашним и отделяется от отряда.

Последний день в Ленинграде пролетел незаметно в дорожных сборах. Мать, поездив с Зиной за необходимыми покупками по магазинам, ушла на работу в вечернюю смену, предоставив дочерям самостоятельно решать, что возьмут с собой.

— Какие мне игрушки брать? — спрашивает Галя, разложив на диване все свое богатство: куклы, кубики, книжки с картинками.

— Сама соображай, ты же не маленькая, — откликается старшая сестра, занятая своими делами.

Горка разных игрушек растет на диване.

— Это что! Ты все собираешься взять? — ужасается Зина. — Пожалуй, ты всю квартиру заберешь! — И она

решительно отодвигает Галькины игрушки в сторону. — С ума сойти! — ворчит она сердито. — Ничего лишнего нельзя брать, понимаешь? Мы не на вечность же едем в деревню, а только на лето... — И Зина снова погружается в сборы, однако одним глазом все же следит теперь за Галькой.

— Возьму Ольгу, — решает Галька, отобрав из кучи игрушек самую большую куклу с льняными кудряшками, в ярко-зеленом платье, и обращается к оставшимся плюшевым и резиновым зверюшкам: — Скучать не будете? Я ведь ненадолго, на лето. Скоро вернусь...

— Ты что, и Ольгу забираешь? — снова восклицает Зина.

— Она не сможет без меня. Она же не выживет, — начинает хныкать Галька.

— Выживет, прекрасно выживет... Она хоть отдохнет без тебя, — откликается Зина.

— Она же здесь зачахнет, — повторяет запомнившиеся слова матери Галька. — Ольге необходим деревенский воздух. Она же малокровная.

Все же Зина настояла на своем: большую куклу отложили в сторону.

А вечером Зинины одноклассницы собрались снова. Веселой гурьбой втиснулись в переполненный трамвай и поехали на набережную к Зимнему. Здесь было многолюдно. Казалось, что все школьники и студенты высыпали сюда в этот теплый и светлый июньский вечер — толпились возле массивных гранитных парапетов, любовались широкой полноводной Невой. Слышались песни, звуки гитары.

Как-то получилось, что Зина и Сережа Есин, ее одноклассник, отделились от ребят: оживленно разговаривая, ушли вперед и затерялись в людской массе.

Сережу Есина Зина считала интересным человеком. Ей нравилось его сходство с поэтом Есениным созвучием имен и внешностью, но главное — Сережка любил поэ-

зию и, по тайным сведениям девчонок, сам сочинял стихи. Он мог совершенно неожиданно прервать разговор, остановиться и, запрокинув голову, начать декламировать. Так поступил он и теперь. Внезапно взметнув руку, с увлечением произнес:

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.
Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни... огни.

— Знаешь откуда?

— Ну еще бы... — ответила Зина. — Блок! А почему тебе сейчас вспомнились эти строки?

— А ты знаешь... Мне кажется, «Двенадцать» шли тогда, в ноябрьский вечер, по этой же самой набережной.

— Ты так думаешь?

— Уверен.

— Сереженька, а ты теперь не можешь прочесть что-нибудь свое? Пожалуйста.

— Хорошо, прочту. Только ты никому не говори и не смейся. Ладно? — И, пристально посмотрев на Зину, он решился прочесть:

У тебя глаза что зори.
И сама ты — цвет.
Расскажи, в каком же поле
Родилась на свет...

А когда закончил чтение, смущенно прошептал:

— Это я посвящаю тебе...

И тут случилось то, чего Зина и сама от себя не ожидала. В порыве нежной благодарности она обхватила Сережину голову и поцеловала его в губы. Первый раз в жизни поцеловала мальчишку, сама поцеловала. И, покраснев как кумач, потупившись, спросила:

— Ты не сердишься?

— Не сержусь, — ответил Сережа и умолк, однако глаза его сияли.

Прервать это неловкое молчание Сережка решил своеобразно: он кинулся к цветочной клумбе и спросил:

— Хочешь, я тебе сорву?

— Что ты... — испугалась Зина. — Разве можно...

— А какой твой самый любимый цветок?

— Ромашка, — отозвалась Зина.

— Но ромашек здесь нет, это же не садовый цветок, а полевой...

— Поэтому и любимый, что полевой.

— А почему?

— Почему да почему... Ну... у ромашки такие белоснежные лепестки, а посередине — солнышко. Ромашка даже ночью светится, не веришь?

— Ты фантазерка... А хочешь, я тебя тоже буду звать Ромашкой?

— Сегодня?

— Нет, всегда. — И, осмелившись, Сережка осторожно взял ее за руку.

Зина своей руки не отняла.

...Особенно ярко в память врезался какой-то тревожный, суматошный отъезд.

Обычная суতোлка на Витебском вокзале, где семью Портновых уже поджидала родная сестра Анны Исаковны — Ирина со своими сыновьями Ленькой и Нестеркой.

Перед отъездом договорились, что Зина с Галькой и тетя Ира с мальчиками не сразу поедут к бабушке на Витебщину, а вначале в город Волковыск, где муж тети Иры работал начальником вокзала. Побыв с неделю в Волковыске, Зина с Галей должны будут уже одни отправиться к бабушке в деревню.

— Воли ты девчонкам не давай, — напутствовала Анна Исаковна свою сестру, а Зине наказывала: — За Галькой поглядывай...

— Слушайся Зину, — в свою очередь напоминал Гале отец.

Подошло время отправления поезда. На перроне возле окна вагона остались только Мартын Нестерович с женой. Не выдержав, Зина сорвалась с места и выскочила на перрон.

— Мамочка!.. Приезжай скорее... — попросила она, крепко обнимая мать.

— Меня вот так не просит, — шутил отец, тихонько посмеиваясь в свои черные усы.

— Иди, Зиночка, иди, а то поезд тронется! — волновалась мать.

Зина все медлила. Со слезами на глазах она переводила взор с отца на мать.

Тронулся поезд. Зина, в последний раз крепко обняв и поцеловав отца и мать, на глазах у которой тоже навернулись слезы, уже на ходу вскочила на подножку вагона и, обернувшись, замахала рукой...

В Волковыск приехали в полдень двадцать первого июня. Вечером гуляли по улицам города, долго не ложились спать. А утром на рассвете все проснулись от воя самолетов, грохота взрывающихся бомб. Началась война!..

Когда Зина выбежала из дому на улицу, там творилось что-то невообразимое. Все стремились поскорее уехать из объятых пламенем, в клубах черного дыма города. Только в сумерках, когда подали состав, мужу тети Иры удалось с трудом втиснуть в вагон своих гостей. Поезд уже был битком набит, а народ все пробивался, лезли не только в двери, но и в окна.

В Минск поезд пришел утром и попал под налет вражеских самолетов. Кругом рвались бомбы, горели строения, оглушительно стреляли зенитки... Крики, плач, вой... Вагон, в котором ехала со своими Зина, не пострадал, но несколько других из их состава сгорели... После отбоя воздушной тревоги уцелевшие вагоны прицепили к дру-

тому составу, и поезд, часто останавливаясь, пошел дальше на восток.

Сменялись за окном полустанки. По проселочным дорогам, над которыми висели облака густой пыли, двигались тракторы, комбайны, грузовики, подводы, шли люди... Лишь на третьи сутки их поезд дотащился до Орши и там окончательно застрял. До Витебска пришлось добираться на разных железнодорожных составах, то и дело попадавших под бомбежку вражеских самолетов.

В Витебске движения по железнодорожным магистралям уже не было. Они попали в город как раз во время налета. С оглушающим ревом пикировали вражеские «юнкерсы» с черными крестами на крыльях, на вокзальные строения падали бомбы... Рушились здания... Поспешно разбегались люди... Слышались крики, стоны... Когда налет кончился, Зина с ребятами долго сидела в привокзальном сквере на своих вещах, с тревогой поглядывая на солнечное, безоблачное небо. А тетя Ира, в измятом, полуразорванном платье, с небрежно скрученными в валик на затылке волосами, в стоптанных порыжелых ботинках, без чулок, все еще сновала по станционным путям, забитым эшелонами с военным грузом и беженцами, пытаясь найти возможность пристроиться с детьми к одному из них.

Вернувшись, она изнеможенно, вытирая рукавом катившийся по лицу пот, сказала:

— Будем пешком пробираться в деревню к бабушке. Иного выхода у нас нет...

И, взвалив на себя вещи, смешавшись с толпой таких же беженцев, они поплелись по шоссе, в сторону Оболи, которая находилась километрах в восьмидесяти от Витебска.

На третьи сутки все вздохнули с облегчением: показались знакомые места. Вот и Оболь — станционный поселок с широкими, но короткими улицами. Небольшое здание вокзала из красного кирпича. Неподалеку — водо-

качка... И совсем рядышком, за мостом, над рекой, на пригорке, деревня Зуя, где живет бабушка Ефросинья Ивановна... На углу проулка небольшая, срубленная еще в прошлом веке, почерневшая избушка с одним подслеповатым окошком, другое, боковое, глядит на усадьбу. Ветхий частокол из ивовых прутьев, на котором торчат крынки, а на дощатом крылечке... стоит седая худощавая старушка в длинной темной юбке и, прищурив глаза, вглядывается в приближающихся пешеходов, навьюченных узлами.

— Бабушка!.. — первая с криком бросается к старушке Галька и повисает у ней на шее.

Зина, не дойдя до крыльца, сваливается на завалинку — уже нет сил стоять на ногах.

К удивлению Зины, на крыльце показалась долговая фигура старшего брата Анны Исаковны и тети Иры — дяди Вани. За ним выбежала черненькая, как цыганочка, маленькая девочка в коротком голубом платице с куклой в руках.

Незадолго до начала войны дядя Ваня с младшей дочкой — четырехлетней Любочкой — тоже приехал из Ленинграда провести отпуск в Зуе.

— Иван, а мы думали, ты уже в Ленинграде!.. — отдышавшись, с недоумением воскликнула тетя Ира.

— Задержался... Любочка прихворнула, — ответил он с виноватой улыбкой на худощавом, с нездоровым румянцем лице, словно бы оправдываясь. — Все откладывал отъезд со дня на день. Завтра обязательно уеду.

— Опоздал... — кратко бросила брату тетя Ира. — Поезда на Ленинград уже не ходят.

...Не в силах больше заснуть, Зина в полудреме лежала с закрытыми глазами. Рядом чуть посапывала крепко уснувшая Галька. Малышка... Она еще не понимает всего происходящего! Не понимает страшного, что случилось с ними...

Дом начал пробуждаться. Первой, как всегда, встала

бабушка. По своей старческой привычке закричала, захохотала. И вскоре с небольшим ведерком в руках прошла через сени, спустилась по ступенькам во двор. И там слышался ее голос:

— Вставай, родимая!.. Вставай!.. Стой!.. Не маши хвостом...

Зазвенели струйки молока о ведро.

Подойдя к корове, бабушка стала растапливать печку, теперь уже разговаривая с кошкой, урчавшей над блюдцем с молоком. Немного спустя в сенях появилась тетя Ира в пестром ситцевом халатике. Слегка пошатываясь от сна, с полотенцем в руках, она пошла умываться. Проснулся спавший на сеновале дядя Ваня. Стали подавать голоса и ребята: Ленька, Нестерка, маленькая Любаша.

Когда вся семья собралась за столом, снова возник мучивший всех вопрос: как жить дальше?

— Раз застряли, — рассуждал дядя Ваня, держа на коленях Любочку, — надо сидеть на месте.

— И умирать тоже будем здесь, на месте? — с горькой усмешкой спросила брата тетя Ира.

— Что же ты предлагаешь? Какой выход?

— Был выход... — Не сдержавшись, она заплакала: — Говорила я, нужно немедленно уходить...

Тете Ире теперь казалось, что стоило тогда, в первый день, им тронуться в путь — и они сумели бы вернуться в Ленинград.

— Глупо ты рассуждаешь! — пресек спор дядя Ваня и вышел из-за стола.

Зина сидела, низко опустив голову, кусая губы. Сколько же раз тетя Ира будет вспоминать и попрекать дядю Ваню в том, что они здесь застряли! Хотя он, по существу, ни в чем не виноват, а скорее уж виновата она, Зина, — это она удержала всех!

А случилось это так. На второй день их жизни в деревне стали решать — оставаться ли у бабушки, пока события прояснятся окончательно, или, влившись в поток

беженцев, не медля, уходить пешком дальше, в сторону Ленинграда. В избе на полу лежали узлы с вещами, на узлах сидели, прижимаясь друг к другу, Галька и смуглолицая Любочка, внимательно прислушиваясь к тому, о чем так громко спорят взрослые.

Тетя Ира и Зина стояли на том, чтобы немедленно уходить.

— Отдохнули немного — и в путь... — настойчиво предлагала тетя Ира. — Не будет попутного транспорта, пешком пойдем.

Дядя Ваня с решением медлил.

— Пешком мы всегда сможем уйти... — рассуждал он. — Никто нас не задержит. Но нужно все предварительно точно узнать, продумать. Уйдем, все бросим, а завтра, может, поезда пойдут... — развел он свои беспальные руки.

Контуженный во время финской войны, он отморозил пальцы рук, и мысль идти пешком и нести на себе маленькую Любочку и вещи страшила его.

— Ах как жаль, что не уехал в первые дни! — снова сокрушался он. — Ведь вот, как на грех, тогда Любочка прихворнула, да я был уверен, что немцев не допустят до Витебска.

В их разговоры не вмешивалась только баба Фрося — так звали ребята свою бабушку. Казалось, всецело поглощенная хозяйственными заботами, она все время суетилась, то выходя из избы, то возвращаясь обратно с ведром или чугуном.

— Не хочешь идти пешком, так надо искать подводу, — продолжала убеждать брата тетя Ира. — Не понимаю тебя, Иван... Чего мы медлим, ждем? — уже кричала она.

— Да-а, застряли мы... — растерянно бормотал он, нервно шагая взад и вперед по избе. И наконец решительно высказался: — Подождем до утра. Утро вечера мудренее. Завтра со свежими силами двинемся в путь.

Зина не утерпела и побежала на шоссе, проходившее рядом с деревней. Там стоял сплошной гул. В одну сторону шли беженцы, двигались машины и подводы с эвакуированным имуществом. Навстречу им шли военные машины с боеприпасами и красноармейцами. Возле дороги на обочине канавы лежали скрюченные трупы погибших при бомбежке. На перекрестке толпились люди... Кричали, плакали, ругались... В этой людской сумятице нельзя было ничего понять. Зина уже собиралась вернуться домой, как ее сзади окликнули:

— Зинка!

Перед ней стоял в рваной куртке, заношенных серых брюках двоюродный брат Илья — темноволосый сероглазый паренек, он был всего лишь на два года старше Зины.

Зина радостно бросилась к нему. Они обнялись. Зина торопливо стала рассказывать, как попала в Зую. Но разговор их прервала незнакомая Зине круглолицая девушка, торопливо шагавшая по тропинке.

— Пошли скорее в школу! — окликнула она Илью. — Там все наши собираются.

И он заспешил к ней, кивнув Зине:

— Увидимся.

Зина вернулась домой в еще более подавленном состоянии. У крыльца на нее настороженно глядел породный петух Иванушка, как его в свое время окрестила Зина, горделиво щеголявший своим золотисто-черным оперением, с мясистой королевской короной на голове.

— Ничего у меня нет, Иванушка, — развела руками Зина. — Не до тебя теперь. Застряли мы... Не можем домой вернуться.

В избе стояла кутерьма, на неподметенном полу лежали неразобранные вещи, валялись обрывки бумаги, какие-то тряпки.

Отчаявшись найти какую-нибудь попутную машину или подводу, тетя Ира раздобыла где-то у соседей тележку-тачку на низких колесах и теперь прикидывала с дядей Ваней, как лучше приспособить ее.

— Возьмем с собой только продукты да самое необходимое, — говорила она.

Бабушка по-прежнему, словно не слыша их разговоров, хлопотала у печки.

И вдруг за окном слабо звучавшая ночью на западе канонада усилилась. Где-то совсем близко слышались взрывы, загрохотали орудия. Все стали связывать узлы, засуетились: надо уходить, пока не поздно...

— Тебе, мать, помочь что собрать?.. — обратился дядя Ваня к бабушке.

— Никуда я не пойду... — Бабушка присела на лавку. Слезы потекли по ее морщинистым дряблым щекам. — Лучше дома помирать, чем на дороге...

Все в растерянности смотрели на Ефросинью Ивановну, только теперь спохватившись, что в суете сборов забыли спросить: согласна ли восьмидесятилетняя бабушка уходить с ними? в состоянии ли она решиться на такой шаг?

— Мы тебя силой не тянем... — с мольбой и страданием смотрел на мать дядя Ваня. — Ты пойми, не можем мы тебя бросить на произвол судьбы... — Его голос срывался от волнения.

Сердце Зины сжималось от мучительной жалости, от щемящей тревоги. Казавшееся таким простым решение немедленно уходить вдруг обернулось другой стороной: они все молодые, способны ехать и на подножке вагона, идти пешком, тащить на спине и на плечах свои вещи. Но такая старенькая бабушка Фрося не выдержит — свалится и умрет по дороге.

В избе с низким закопченным потолком было сумрачно и душно от жарко натопленной печи, пахло хлебом,

который сегодня спозаранок напекла бабушка. Самовар на столе уже остыл, к нему так и не прикоснулись.

— Как же нам теперь? — растерянно спрашивала заплаканная тетя Ира.

— Вы уходите!.. — вскрикнула Зина и запнулась. — Возьмите с собой и Гальку... А я... я... здесь останусь. — На глазах ее заблестели слезы. — Не любите вы бабушку! — вдруг вспыхнув, с вызовом бросила она родным.

Безнадежно махнув рукой, дядя Ваня, согнувшись, вышел из избы.

В эту ночь в избе Ефросиньи Ивановны почти никто не спал. А наутро возник новый план. Зина вместе с дядей Ваней ушли в соседнюю деревню Мостище к дальним родственникам Дементьевым посоветоваться: нельзя ли на время военных действий определить к ним бабушку? С таким решением Зина была согласна. Не возражала и бабушка.

Но и этому плану не суждено было осуществиться. В деревне на калитке Дементьевых висел замок. Окна наглухо забиты...

— Уехали... Вчера эвакуировались на лошади, — сообщила соседка.

— На лошади... — упавшим голосом машинально повторил дядя Ваня, опускаясь на ступеньки крыльца.

Усталые и растерянные возвращались они в Зую. А вокруг мирно зеленели поля. По краям дороги желтели одуванчики. В парном после дождя солнечном воздухе ощущался непрерывный звон: слышался стрекот кузнечиков, гудели и жужжали шмели и осы, на своем языке разговаривали неутомимые труженицы пчелы. Зине хотелось закрыть глаза, выбросить все тревоги из головы, а потом открыть и убедиться, что никакой войны нет. Что это только сон. Тяжелый, кошмарный...

Едва они вошли в деревню, сразу почувствовали неладное. Вокруг мертвая тишина. На деревенских проул-

ках ни души, а проселочная дорога и луговина возле изб запорошены куриными и утиными перьями.

— Слава богу, уцелели! — бросилась к ним на крыльце бабушка и испуганно перекрестилась. — В деревне были немцы! Не заходили к нам. Только всех курей, супостаты, половили, перестреляли.

Показалась белая как полотно тетя Ира. Вслед из чулана выскочили ребята.

— Боимся выходить, — призналась она.

Мальчишки принялись рассказывать, как на дороге появились со скрежетом и грохотом немецкие легкие танки.

— С черными крестами на броне, — наперебой говорили Ленька и Нестерка. — А за танками, на двух транспортерах, — пехота.

— Из избы мы не выглядывали, боялись, — остановила сыновей тетя Ира. — Они недолго пробыли в деревне. Ловили и стреляли на улице кур, уток. Но в избу к нам не заходили.

— Слава богу, не заглянули... — вторила ей напуганная бабушка. — Уехали...

— Что же делать?! Что делать? — растерянно плюхнувшись на лавку, бормотал ошеломленный таким крутым поворотом событий дядя Ваня.

Тетя Ира предложила закопать в подполе наиболее ценные вещи и документы.

— Может быть, не найдут, — неуверенно сказала она, спускаясь в подпол.

Вслед за ней спустился и дядя Ваня.

Когда Зина с сестренкой вышла на усадьбу, в деревне было тихо и безлюдно. Только с шоссе доносился гул машин.

— Смотри, — дернула сестру за платье Галька.

Из картофельной борозды, пугливо озираясь, вылезло какое-то странное, взъерошенное существо.

— Иванушка... — прошептала Галька, едва узнав своего любимца.

Полузадушенный и полуощипанный петух с жалобным, хриплым клекотом стал созывать свое семейство. Не сразу на его призыв откликнулась только молоденькая рябая курочка, да из-под сарая вышли белые, как одуванчики, малыши-цыплята, но без наседки.

— Зиночка! — окликнул кто-то из-за тына, и тут же над ним показалась черноволосая голова соседки Нины Азолиной. — К вам немцы не заходили?

— Нет, а к вам?

— Тоже нет... Слава богу!..

Раньше, когда Зина приезжала к бабушке, она часто забегала к своей ровеснице — веселой и боевой Нине. Вместе они ходили на реку купаться, играли в волейбол.

— Ты боишься?..

— Очень!

— Я тоже... — призналась Нина. — Говорят, гитлеровцы на северо-западе замкнули кольцо окружения. Уже обратно возвращаются беженцы.

...В этот же день в деревне появилась новая воинская часть врага. В окно Зина видела, как солдаты заволокли улицу.

«Может быть, к нам не придут...» — со слабой надеждой думала Зина, но ошиблась. В сенях что-то загремело, распахнулась дверь, и в избу ввалился долговязый солдат в серой пилотке с металлическим орлом, в измятом кителе мышиного цвета, с автоматом на груди. Оставив дверь открытой, он, ни слова не говоря и будто никого не замечая, проследовал на кухню, стал шарить по полкам. Нашел в корзиночке яйца, кусок сала, все это выгреб. Видя, что больше поживиться нечем, так же молча, ни на кого не глядя, вышел, толкнув локтем попавшуюся на пу-

ти бабушку и громко топая коваными ботинками. Он оставил после себя тяжелый запах табака и давно не стиранного белья.

Так впервые Зина увидела в лицо заклятого врага советских людей.

Гитлеровец пришел... Он мог сделать с ней, с Галькой, тетей Ирой, бабушкой что угодно, и никакой защиты от него не было.

В этот день Галька больше уже не увидела своего любимца петуха.

— Немцы Ивана съели, — плача, объясняла она потом своей приятельнице, маленькой Любаше.

А Любаша все боялась, как бы немцы не съели и старого кота Ушастика, мирно дремавшего, свернувшись калачиком, на лавке, возле печки.

Вдвоем с Любашей Галька перенесла кота в лукошке на кухню и прикрыла сверху мешком, уговаривая его не вылезать.

Теперь ленинградцы и сами старались пореже выходить из дома.

А войска в деревню прибывали. Оккупанты располагались на постой, занимая лучшие избы. В ветхую избу бабушки Фроси немцы, к счастью, больше не заглядывали.

Порой в деревне раздавались выстрелы — солдаты стреляли в собак, охотились за уцелевшими курами. Весь вечер до поздней ночи на дороге урчали тяжелые грузовики, слышалась чужая гортанная речь. Тиликали губные гармошки.

Глава вторая

Прошла неделя, другая... И вот однажды утром, когда семья собралась за столом, Галька, сидевшая у окошка, вдруг скатилась с лавки и бросилась к Зине:

— К нам полицаи идут... Прячь меня. Я боюсь.

— Уже... — Дядя Ваня побледнел. — Так я и знал. —

Высокий, широкоплечий, с темными длинными волосами, расчесанными назад, на первый взгляд он казался богатырем, однако впалая грудь и болезненный цвет лица выдавали съедавшую его чахотку. Тетя Ира кинулась было прятаться в кухню, но дядя Ваня остановил ее, вскинув свою беспалую руку. — Бесполезно... От них не спрячешься. — И, вынув кисет с табаком, стал закуривать.

— Не к нам... — успокоил всех Ленька, тоже подскочивший к окну. — Они к Азолиным пошли.

Тетя Ира, тяжело вздохнув, снова присела на лавку у стены.

— Зайдут на обратном пути, — предположил дядя Ваня, нервно затягиваясь сигаркой.

В избе установилось напряженное молчание.

И тут, словно нарочно, на середину избы вылез Ушастик и, усердно облизывая лапу, стал «замывать гостей».

— Это еще что?! — застонала тетя Ира и вышвырнула кота за дверь.

Через несколько минут, громко топая, заскрипели под тяжелыми шагами половицы в сенях, и в избу ввалились двое полицаев с белыми нарукавными повязками.

— Здравствуйте!.. Гостей не ждете? А мы вот к вам пожаловали... — заговорил, видимо, старший из них, лет пятидесяти, темноволосый, с уже тронутыми сединой висками и потому особенно резко выделяющимися смоляными усами на впалом лице.

Другой, помоложе, белобрысый, молча осматривался кругом.

Дядя Ваня освободил место за столом, пересел в угол, рядом с сестрой и Зиной.

— Проводим регистрацию всего населения, всех трудоспособных, — пояснил чернявый, удобно устроившись за столом с тетрадкой и карандашом в руках. — Хозяйка дома? — Он оглядел бабушку. — Как зовут? Лет сколько?

— Ефросинья Ивановна Яблокова, — ответила бабушка. — А лет мне со дня рождения восемьдесят шесть... — И добавила: — Старая уже. Помирать пора.

— Ничего, поживете еще. Семья у вас большая?

— Десять сынков и дочек у меня было... — Она взглянула на дядю Ваню: — Старшенький... А это... — указала на тетю Иру, — моя младшенькая.

— Точно отвечай! — грубо прервал ее белобрысый. — Не приписывай чужих к своему семейству...

— Эх, Чиж, — пожевав губами, с укоризной произнесла бабушка, — ничего-то ты не смыслишь, хотя и наш односельчанин. Надел белую повязку, нацепил кобуру, а как был недотепой, так и остался. Кого же я приписываю-то?

Белобрысый, которого бабушка назвала деревенским прозвищем, было вспыхнул, схватился за кобуру револьвера, но под успокаивающим взглядом другого полиция остыл.

Зина удивилась. Бабушка держалась с полицейскими очень свободно, очевидно нисколько не боясь их. А Зина очень боялась. Она впервые так близко видела этих предателей и старалась понять: что же это за люди?

Теперь черноусый полицейский глядел на дядю Ваню.

— Как звать?

— Иван Яблоков, — неохотно пробурчал дядя Ваня. Полицейский, записав, выжидающе глядел на него.

— Сорок два года... — добавил дядя Ваня, положив на колени свои изувеченные руки.

Зина не сомневалась, что полицейский спросит, где дядя Ваня потерял пальцы. Но полицейский, только мельком взглянув на его руки, сделал какую-то отметку в своем списке и уже строже спросил:

— Вы же не местный? Откуда прибыли?

— Как же не местный!.. — заспорил дядя Ваня. — Здесь, в деревне, я родился и вырос... — Из Ленинграда приехал с дочкой, к матери, на лето. И вот... застрял.

— А где в Ленинграде работали?

— На машиностроительном заводе.

— На Путиловском? — вдруг переспросил другой полицейский.

Очевидно, кто-нибудь из соседей уже сообщил им.

— Кажется, так раньше назывался, — слегка растерявшись, неохотно признался дядя Ваня.

— Ты говори правду, — предупредил его Чиж, — ежели преждевременно на тот свет не хочешь попасть.

— Я и говорю правду.

— Кто в Ленинграде остался?

— Жена и две дочери-школьницы, — ответил дядя Ваня, тяжело вздохнув и крепче прижимая к себе Любочку.

Записав дядю Ваню, усач полицейский обратился к тете Ире:

— Ваша фамилия, красавица?

— Ирина Езовитова, — заметно волнуясь, ответила тетя Ира.

— Сколько лет?

— Тридцать четыре.

Усач полицейский не зря называл тетю Иру красавицей. Среднего роста, стройная, со слегка изогнутыми бровями, с длинными густыми темно-русыми волосами, лежавшими волнами на плечах, а теперь небрежно собранными на затылке, она выглядела значительно моложе своих лет и была очень хороша собой. Зина отметила про себя, что тетка умолчала о том, что из Ленинграда она не сразу попала к бабушке в деревню. На вопрос о муже и месте его работы ответила неправду, заявив, что муж беспартийный, остался в Ленинграде и работает бухгалтером в торговой организации.

Года своим детям почему-то немного убавила. Старшему Ленке, сказала, — десять, а Нестерке — восемь.

— Смотри говори точно, — предупредил Чиж, подметив, что тетя Ира отвечает не совсем уверенно. Он сидел

развалясь, все время курил, ежеминутно сплевывая на пол. Сапоги его воняли дегтем, а от самого разило потом.

Тетя Ира сделала возмущенное лицо, недовольно вздернула покатыми плечами.

«Все же тетя Ира хитрее своего брата», — подумала Зина.

Полицейский, оставив тетю Иру в покое, что-то записал в свою тетрадь. Зина еще более насторожилась. Усач полицейский, прищурив глаза, теперь глядел на нее.

— А тебе, дочка, сколько лет?

Зину так и передернуло от слова «дочка».

— Четырнадцать, — сквозь зубы неохотно ответила она, не зная, говорить ли ему правду.

— Тоже из Ленинграда?

— Да...

Полицейский, доброжелательно глядя на Зину, вкравчиво спросил:

— Комсомолка?

— Нет.

— Служивый, а служивый, — вдруг вмешалась в разговор бабушка, — ты наш, местный, али приезжий?

— Приезжий, из Полоцка, — ответил усач, недоуменно глядя на бабушку.

— Кончай... Нечего тут рассусоливать! — сердито бросил Чиж и, шумно поднявшись, вышел из избы.

Усач, медля вставать из-за стола, предупредил:

— Никто из вас, зарегистрированных, под угрозой сурового наказания не имеет права покидать или менять свое местожительство. — И тут же «посоветовал» дяде Ване и тете Ире поскорее устраиваться на работу. — В противном случае, как не связанных с сельским хозяйством и нездешних, вас отправят в Германию, — предупредил он.

— Чувствительно благодарим, — вежливо отозвался дядя Ваня, приложив руки к груди.

Зину покорибили и его жест, и какие-то чужие, неискренние слова.

— Посторонних чтобы никого не пускать ночевать! За каждого случайного ночлежника голову потеряете. С партизанами тоже никаких связей не иметь!

— Сами понимаем, — покорно отозвался дядя Ваня, склонив свою длинноволосую голову набок и снова приложив руки к груди.

Подчеркнутая покорность дяди Вани, тон голоса, выражение его лица крайне удивили Зину. Таким он, кажется, раньше не был.

— Горюнович! — слышался за окном голос белобрысого.

— Сейчас иду, — отозвался усач, убирая свою тетрадь и вылезая из-за стола. — Ну, живите, не унывайте, — почему-то счел он своим долгом подбодрить присутствовавших.

Когда полицейский ушел, дядя Ваня, закуривая самокрутку, сердито бросил ему вслед:

— Разговорчивый фараон. Жизнь веселит. Власть теперь получил. — И тут же пояснил: — Фараонами мы городских в царское время звали.

— Может, не все они звери, — отозвалась тетя Ира. — С виду доброжелательный, разговорчивый...

— Пока в руки к ним не попадешь, — уточнил дядя Ваня. — Вот его спутник сразу виден. Наплевал, нагадил. А этот... маскируется под добрячка. Скользкий какой-то. И нашим, и вашим. — Дядя Ваня тяжело, с надрывом, закашлялся. — С этим... Горюновичем и разговаривать-то не знаешь как. Ухо остро нужно держать...

Вскоре после визита полицейских в избу к Ефросинье Ивановне Яблоковой дядю Ваню вызвали в комендатуру гестапо.

— Ну, — тревожно спросила тетя Ира, когда, вернувшись домой, дядя Ваня тяжело опустился на лавку, — зачем вызывали?

— Допрашивали, не коммунист ли я, чем теперь занимаюсь.

— А ты что ответил?

— Сказал как есть — в партии не состою. Показал им свои руки. К счастью, поверили, что производственная травма. Но приказали взяться за посильную работу и назначили бригадиром похоронной бригады. Сказали мне, что много теперь убитых наших в окрестных лесах, дожидаются погребения... Очищайте, говорят, окрестные леса от красной заразы. Чтобы ни одного трупа на земле не лежало. — Дядя Ваня вынул из кармана список бригады, который ему дали в комендатуре: — Одну молодежь включили, начиная с четырнадцати лет. Тебя тоже, — кивнул он головой племяннице.

— Я не пойду, — затряслась Зина. — Я очень боюсь покойников.

Она только теперь сообразила, какую допустила ошибку, сказав полицейским, что ей четырнадцать лет.

— Глупая... — Дядя Ваня с сожалением глядел на племянницу. — Сама не пойдешь, так заставят или отправят в Германию, церемониться с тобой не станут.

— Не пойду, не пойду! — ожесточаясь, повторяла Зина и в конце концов расплакалась.

К ней подбежала Галька и испуганно прижалась.

Успокаивая рыдавшую Зину, тетя Ира стала упрекать брата, что не сумел отстоять племянницу.

— Благодарю бога, что и тебя не записали, — урезонивал сестру дядя Ваня. — И потом, как я понял, наших хоронить будем. Понимать должна. Наших!

...Утром на окраине деревни, возле колодца, собрались завербованные, с лопатами, топорами.

Заметив среди собравшихся своего двоюродного брата Володю Езовитова, Зина бросилась к нему:

— Володя, меня забирают, заставляют зарывать мертвецов.

— Меня тоже, — мрачно пробурчал Володя. Высокий, стройный, серьезный, он, как и Илья, казался Зине почти взрослым парнем, хотя они были почти ровесники.

— Можете отправляться, — сказал дяде Ване дежуривший здесь полицейский, когда собралось человек двадцать. — Доложишь вечером, кто как работал.

В ближнем лесу уже стали попадаться трупы. Но дядя Ваня, не останавливаясь, вел свою бригаду вглубь, решив начать с дальнего леса.

С жутким любопытством Зина озиралась по сторонам.

Особенно много было трупов на обширной болотистой низине, заросшей кривым листовенным мелколесьем. Очевидно, на этом участке леса немцы, окружив советскую воинскую часть, обстреливали ее из орудий, бомбили с воздуха: верхушки многих берез и осинника были начисто срезаны, чернели воронки.

— Смотрите себе под ноги! — предупредил дядя Ваня. — Как бы на мину не нарваться.

Чем дальше они углублялись в лес, тем сильнее преследовал Зину тошнотворный запах.

Пройдя еще немного, дядя Ваня остановился.

— Вот отсюда мы и начнем... — сказал он. Достал из своей брезентовой сумки ворох разных тряпок и стал раздавать, советуя: — Завяжите нос и рот... легче дышать будет.

В болотной трясине чернели завязшие легкие орудия, зарядные ящики со снарядами, на лесной дороге валялись разбитые повозки, автомашины. И тут же рядом с военным имуществом в траве, на болотных кочках, на дороге и на полянах лежали скрюченные мертвые люди.

— Ой-ой, сколько... и все наши, — раздался за спиной Зины сдавленный шепот.

Увиденные здесь страшные следы смерти потрясли Зину. Руки, державшие лопату, тряслись.

А вокруг зеленела густая трава, нежные полевые цветы прикасались к застывшим лицам убитых. Краснела крупными спелыми ягодами лесная земляника, словно трава и зеленый мох были забрызганы кровью.

После долгих часов тяжелой работы бригада возвращалась домой. Шли, растянувшись длинной цепочкой.

Некоторые ребята тайком прихватили найденные винтовки, пулеметные ленты... Зине показалось, что дядя Ваня только делает вид, что ничего не замечает. Сама она шла, пошатываясь от охватившей ее слабости, удрученная и опустошенная.

Через несколько дней, когда похоронная бригада закончила работу, дядя Ваня, отметившись в комендатуре, вернулся домой в хорошем настроении.

— Местные власти к нам теперь относятся благосклоннее, — сообщил он тете Ире.

— Выслуживаешься! — сквозь зубы процедила она.

На этот раз покладистый, спокойный дядя Ваня не стерпел.

— Приходится... А почему — сама соображай: нас занесли в список лиц, которых собирались отправить в лагерь, а теперь разрешили жить в деревне. Раз-ре-ши-ли... Думаешь, тебя, жену коммуниста, они помилуют?.. Ты почему-то не хочешь понять, что плетью обуха не перешибешь. Не понимаешь, в какой обстановке мы живем. Мне моя жизнь не дорога, мне осталось немного... Видишь, что творится вокруг? Находимся словно в мясорубке... убивают, расстреливают. Главное — детей уберечь. Ведь страну после войны им, молодежи, придется восстанавливать.

Вечером Зина тихо сказала тете Ире:

— Дядя Ваня опять кашляет с кровью.

Изменившись в лице, тетя Ира ничего не ответила.

Глава третья

Зина подошла к калитке и остановилась, опешив: мимо избы под конвоем гнали пятерых босых красноармейцев в расстегнутых, без ремней, гимнастерках. Очевидно, их захватили где-то поблизости, в лесу.

— Сестренка, попить бы, — прохрипел один из них, когда конвоиры на минуту остановились.

Зина метнулась за водой, но за спиной прогремел выстрел, и просивший пить, худощавый, изможденный парнишка, свалился на землю. Остальных немцы погнали дальше.

Испуганная Зина вбежала в избу.

— Опять изверги убивают. — Бабушка перекрестилась.

Тетя Ира поспешно спряталась на кухню.

Вскоре прибежали где-то пропадавшие Ленька и Нестерка — «братья-разбойники», как их прозвали родные за многочисленные проказы, — и, всхлипывая, сообщили:

— Четверых наших пленных у кладбища расстреляли...

Смерть становилась обычным явлением в Зуе: почти каждый день гитлеровцы расстреливали советских людей. Жители старались как можно реже появляться на улице. Поэтому, когда через несколько дней под окнами избы Яблоковых послышались крик и шум, Зина и тетя Ира побоялись выйти на крыльцо. В раскрытое окошко они увидели полицейского Чижа, который, размахивая револьвером, допрашивал двух женщин и девочку-подростка:

— Кто такие?.. Куда бежали?..

Женщины что-то испуганно отвечали ему. Смуглоли-

чая девочка с небольшим вещевым мешком за плечами молчала.

— Ты шагай своей дорогой, — наконец разрешил полицаи девочке, а женщин, подталкивая в спину, повел к станционному поселку. — Там разберемся, кто вы такие, — слышала Зина уже издали его по-бабьи визгливый голос.

Голубоглазая смуглянка лет двенадцати, босая, в запыленном ситцевом платье, тяжело дыша, присела рядом с тыном на бревнах. Тонкие плечи вздрагивали.

— Хлебушка у вас не найдется? — обратилась она к тете Ире. И тут же пояснила: — Мы испугались, побежали, а он и разъярился. Вредный!..

Зина вынесла из избы небольшой кусок хлеба.

— Спасибо! — поблагодарила девочка, низко, по-деревенски кланяясь. Хлеб она есть не стала, аккуратно завернула в платочек и спрятала. — Забрали моих попутчиц, — со слезами на глазах пожаловалась она... Что теперь делать? Одной несподручно идти.

Из избы выбежали Галька, Ленька и Нестерка, окружили девочку.

— Ты откуда? — участливо спросила тетя Ира.

— Издалече... Нас страшно бомбили... Мы прятались в канавах, в овраге. Наш детский дом сгорел. А мы, все девчонки и мальчишки, разбежались. Немцы пришли... Мою подружку Раечку убили... Осталась я одна. С этими женщинами по дороге я познакомилась. Вот теперь забрали и их...

Диковатые глаза на не по-детски серьезном лице девочки сверкали каким-то горячечным блеском. И говорила она неестественно бесстрастным, спокойным голосом.

— А теперь куда путь держишь? — продолжала расспрашивать тетя Ира.

— Как куда?! В Пушкино, под Ленинград. Там у меня двоюродная сестра живет.

Тетя Ира и Зина изумленно переглянулись.

— Как же ты... так пешком и пойдешь? — недоверчиво переспросила тетя Ира.

— Где к машине прицеплюсь, а где поездом. А то и пешком. Я сильная, как-нибудь дойду.

— А фронт как ты перейдешь?..

— Я маленькая... Незаметно как-нибудь проскочу. — В ее голосе была такая непоколебимая уверенность, что Зина и мальчишки смотрели на нее с невольным восхищением.

— А ты не боишься? Вдруг убьют по дороге? — тетя Ира пытливо посмотрела на девочку.

Та потушилась.

— Меня уже убивали, но не убили... А смерти я не боюсь, только пугаюсь.

Стоявшая рядом с Зиной Галька вдруг встрепенулась и дернула сестру за платье:

— Пойдем и мы?

— Куда?

— Домой, к маме... в Ленинград.

Зина обняла Гальку, крепко прижала к своей груди.

Беженка неохотно встала, вскинула на плечи вещевой мешок и, еще раз поблагодарив за хлеб, медленно побрела к большаку.

— Да-а... решительная девчонка, — вздохнула, глядя девочке вслед, тетя Ира. — Не то что мы — нытики.

Разговор с голубоглазой смуглянкой поднял новую сумятицу в душах растерянных ленинградцев.

— Нужно и нам уходить... — настойчиво предлагали мальчишки матери.

— Неразумные... Разве хватит у нас сил... Местные беженцы на подводах да на машинах и то вернулись. Слышали, вон Дементьевы, к которым дядя Ваня с Зиной ходили, уехали было на подводе, а пришлось вернуться...

Возражала тетя Ира как-то неуверенно, словно сама сомневалась в своих доводах. Очевидно, ее сыновья это подметили. Ходили они по усадьбе вдвоем, обнявшись, о чем-то долго шептались, а перед вечером Нестерка подошел к Зине:

— Выйди на усадьбу... разговор есть.

Ленька сидел у липы и держал на коленях вырванную из учебника карту европейской части Советского Союза. Тут же на луговине лежали сумка от противогаза, котелок, алюминиевая фляжка, складной нож в деревянной оправе.

— Решай, Зинка, пойдешь с нами или нет?

— Куда?!

— Неужели не соображаешь?.. В Ленинград.

— Пойду! — вырвалось было у Зины.

— Только гляди не проговорись об этом нашей маме, тогда все сорвется. — Нестерка для убедительности потряс головой, растрепав свой длинный чубчик, отчего стал похож на взъерошенного галчонка.

— Надо подумать... — ответила Зина уже уклончиво. Предложение уходить тайком охладило ее пыл. — А Галька как же? Она тоже с нами пойдет?

Нестерка нахмурился.

— Не-ет, — протянул он, — она маленькая. С нашей мамой пусть останется.

— Разве можно Гальку брать с собой? — поддержал брата спокойный, медлительный Ленька, который во всем подчинялся бойкому, ловкому на разные выдумки младшему брату. И, видя, что Зина молчит, нетерпеливо спросил: — Ну как, согласна?

— Завтра утречком и пойдём, — уточнил Нестерка.

— Вот что, братья мои дорогие, без Гальки я не тронусь с места, поняли?

Растерянные братья отошли в сторону. Недолго пошептавшись, вернулись.

— Ладно уж, бери Гальку. Морока с ней. Но, смотри,

точка и могила! — вытаращив глаза, Нестерка произнес свое устрашающее заклинание.

При упоминании о могиле Зину слегка передернуло. Она почувствовала, что разговор с мальчишками становится каким-то нелепым. Одна бы она, не задумываясь, пошла куда угодно. Теперь, когда началась война и многое пришлось пережить и испытать, она уже не боится, как прежде, ни темноты, ни бомбежки, ни покойников. Но уходить тайком от своих! Заставить переживать тетю Иру и бабушку!

— Ты, никак, уже сдрейфила? — Нестерка пытливо вглядывался в Зинино лицо. — Мы ж Гальку берем.

Братья, насторожившись, смотрели на Зину.

— Ты смотри никому ни гугу! Особенно матери и дяде Ване... Не выдашь нас? — забеспокоился Нестерка.

— Не беспокойтесь, не выдам.

— Дай честное пионерское! — потребовал Нестерка.

И Зине пришлось дать им честное пионерское слово.

Какова же была ее растерянность, когда на следующее утро тетя Ира спросила:

— Ты что, с моими мальчишками собираешься уходить в Ленинград? — Она пытливо смотрела на Зину.

«Все, догадалась! Все знает!» — смущенно вспыхнув, подумала Зина.

— Когда тебя старшие звали, ты отказалась. А теперь что? — выговаривала ей тетя Ира.

Зина выскользнула из избы, разыскала на усадьбе ребят.

— Никуда я не пойду. — С укором взглянула на них: — Тетя Ира все уже знает. Сама догадалась, что вы бежать решили.

Как-то за ужином дядя Ваня сообщил, что в поселке оккупационные власти начинают отбирать у населения скотину, и выразил опасение:

— Как бы и к нам не нагрянули.

Он будто напороочил.

Утро следующего дня началось в деревне суматохой.

Реквизировали скот в первую очередь в семьях, где были коммунисты или воины в Красной Армии. Пришли полицейские и в избу к Ефросинье Ивановне. Старший из них, высокий, бравый, светловолосый, с маленькими заплывшими глазками, со списком в руках, заорал в сенях:

— Ефросинья Яблокова кто будет?

— Это я... — Бабушка поспешно вышла навстречу, вытирая мокрые жилистые руки о фартук.

— Пришли, бабка, за твоей коровой. Всем нам, белорусам, нужно всемерно помогать доблестной германской армии. Кончится война, тебе другую корову выделят.

Лицо Ефросиньи Ивановны потемнело.

— Не дам! — сказала она резко.

— Как это не дашь? — изумился старший полицейский со списком в руках.

— Не дам, и все!

Вслед за бабушкой вышли дядя Ваня, тетя Ира, бежали ребята. С испугом смотрели они на полицейских и немецких автоматчиков, заполнивших сени и крыльцо перед домом.

— Ну-у, бабка, ты не ерепенься! — прикрикнул полицейский. — Добром не отдашь, сами возьмем. — И распорядился: — Выводи корову!

Немцы вышли за калитку, а один из полицейских, спустившись со ступенек, направился в сарай за коровой.

— Не уводите. Видите, сколько детей у нас? — одновременно со слезными причитаниями бабушки стал просить было и дядя Ваня, подступая к полицейскому, который, широко распахнув ворота, выводил корову, набросив ей на шею поводок.

Один из гитлеровцев, нацелив на дядю Ваню, а затем на тетю Иру свой автомат, заставил их отступить, угрожая криком, коверкая русские слова:

— Пуль! Пуль... стрелять!

Выскочив вслед за взрослыми и ребятами из избы, Зина в нерешительности остановилась у крыльца, все еще не веря, что Белокопытку, которую она помнила с давней поры еще игривой, рыженькой телочкой, с которой так потешно было забавляться, уведут навсегда.

Пока полицейай отталкивал бабушку, Белокопытка вырвалась и устремилась обратно во двор. Полицейский догнал ее, снова накиннул веревку на шею, и Белокопытка пошла на поводу, недовольно мотая головой и упираясь.

И тут произошло то, чего никто не ожидал. Девочка-подросток в пестром платье бросилась к полицейским; растолкав их, вырвала из рук оторопевшего полицейая веревку и, обхватив корову за теплую шею, закричала тонким, прерывающимся голосом:

— Не дадим! Не дадим!.. Мы все с голодудохнем... Не отдадим!

Мальчишки, следуя примеру Зины, тоже подбежали к корове и, обхватывая ее руками, старались заслонить от полицейских. Те, грязно ругаясь, стали отталкивать ребят. Один из полицейских, пытаясь вырвать из рук Зины поводок, споткнулся, едва не упав, и сшиб маленькую Любашу.

Возле избы уже собрался народ. Слышались голоса:

— У бабки Яблоковой корову забирают...

А Зина, подхватив на руки заплаканную маленькую Любашу, подскочила к немецкому офицеру, стоявшему поодаль и с холодной надменностью наблюдавшему эту сцену.

— Оставьте нам корову, господин офицер!.. Чем мы Любочку будем кормить. Оставьте...

Офицер недовольно сморщился, повернулся медленно к полицейским, солдатам, махнул рукой и громко по-русски произнес:

— Оставить...

И, отстранив Зину, вышел с усадьбы на улицу.

Вслед за ним к калитке направились солдаты и полицейские.

— Германское командование, проявляя гуманность, в виде исключения, сжалилось и дарит вам корову! — счел нужным напоследок сообщить переводчик, обращаясь к бабушке.

А Зина, все еще не веря в то, что у нее хватило смелости отстоять Белокопытку, присела на завалинку, стараясь успокоиться, чувствуя, как обессиленно дрожат у нее руки и ноги.

Глава четвертая

О контрнаступлении Красной Армии, которого жители деревни с таким нетерпением ждали, уже не было разговора. Все понимали: на фронте происходит что-то неожиданное и страшное, раз гитлеровцы так быстро оказались за сотни километров от границ — в районе Витебска и Полоцка.

Немецкие сводки, расклеенные на заборах, сообщали об огромных успехах гитлеровских войск, которые уже находятся под Ленинградом и на пути к Москве, о том, что Красная Армия окончательно разбита и в руках «доблестных войск фюрера» сотни тысяч пленных.

«Неужели это все правда?» — с ужасом думала Зина, и ее сердце тоскливо сжималось. Утешала надежда, что отец и мать не в оккупации, остались в Ленинграде. Она теперь избегала говорить с тетей Ирой о Ленинграде, напоминать ей о родных. Видела: тетя Ира очень страдает, предчувствуя, что погиб муж.

— Преждевременно хоронишь, — старался успокоить ее брат. — Он железнодорожник, с каким-нибудь эшелонном, наверно, пробился к своим. Это мы с ребятами здесь застряли.

Хотя и сам дядя Ваня с каждым днем становился мрачнее, теперь он уже часто вслух задавал себе тер-

завший его вопрос: как это он, участник гражданской войны, так опростоволосился, остался в деревне?

Пожалуй, единственным членом семьи, не потерявшим бодрости, живости, не впавшим, как остальные, в отчаяние, была бабушка. «Что людям, то и нам!» — откликалась она своей обычной поговоркой, когда возникал какой-либо тревожный разговор. Ее явно утешало, что в избе так много близких и она не одна.

Общительный, разговорчивый дядя Ваня, не в пример сестре и племяннице, дома долго не засиживался, все чаще стал наведываться к соседям, уходить в поселок.

Зине казалось странным, что дядя Ваня не только охотно вступал в разговор с любым встречным, но и общался с полицейскими, даже угощал их махоркой. Спрашивал, сколько они получают за свою службу, как относятся к ним гитлеровцы. А когда тетя Ира упрекнула его, что ведет он себя с полицаями слишком панибратски, дядя Ваня заявил:

— Я правду ищу. Живем мы теперь, как кроты в норе. Нет у нас ни газет, ни радио. Разговаривая с ними, что-нибудь новое узнаю.

Однажды, вернувшись из поселка, он сообщил:

— Немцы уже не так ретиво хвастаются своими победами. Есть слух, что наши под Смоленском сильно им по зубам дали. Значит, наши уже задерживают гитлеровцев, не дают им ходу дальше. — Помолчав, добавил: — В станционном поселке беспокойно. На днях подожгли склад с хлебом, развинтили рельсы на узкоколейке, обрывали провода телеграфной связи.

«Значит, есть люди, которые не хотят покоряться гитлеровцам», — обрадовалась Зина.

От дяди Вани она узнала, что в станционном поселке появилась полевая жандармерия.

— На рукаве у них череп со скрещенными костями. Говорят, эти страшнее гестапо. Расстреливают без допроса.

Однажды дядя Ваня вернулся из поселка не один. К большой радости домашних, привел двоюродную сестру Зины — Ниночку Давыдову.

— Вот встретил Нину, наше Солнышко... — сказал он, пропуская вперед круглолицую светловолосую девушку с короткой стрижкой, в измятом дорожном платье и рваных ботинках.

Весной в Ленинграде Нина, которую в семье с детских лет ласково называли Солнышком, вышла замуж за военного летчика и сразу же уехала с ним в пограничную воинскую часть.

— Ниночка!.. И ты с нами?.. — бросилась к ней бабушка, обнимая и целуя.

Поздоровавшись, Нина устало опустилась на лавку.

— С вами... с вами, — повторяла она, привлекая к себе и нежно целуя Любашу и Гальку. — Ой, как я только уцелела, как добралась до Оболи, и сама не знаю!.. — принялась рассказывать она за чаем о своих мытарствах в пути.

Зина очень любила свою двоюродную сестру. Хотела походить на нее. Смелая и решительная, Нина лихо ездила и на велосипеде, и на мотоцикле, не боялась одернуть хулигана. И теперь у Зины мелькнула надежда: «Может, с приездом Солнышка жизнь в Зуе станет не такой унылой?»

Но Солнышко жить у бабушки отказалась, понимая, как тесно в избушке. Поселилась в соседнем поселке торфозавода, в пустовавшей комнате рабочего жилого барака.

— Боюсь я за Солнышко. Жена военного летчика, заберут ее немцы, — беспокоился дядя Ваня.

На всякий случай строго внушал ребятам ни с кем не говорить о своей родственнице. Бабушку дядя Ваня тоже предупредил:

— Ни слова...

— Разве я не понимаю... — ворчала Ефросинья Ивановна. — Что я, уж такая глупая!

Вскоре дядя Ваня явился очень встревоженным.

— Оказывается, наша соседка, Нинка Азолина, в комендатуру гестапо поступила.

Все были ошеломлены, и, пожалуй, больше всех Зина. Было просто непостижимо, как это комсомолка Нинка Азолина могла пойти работать на немцев! Синеглазая, разговорчивая Нинка, обладавшая столькими талантами — умела и петь, и играть на гитаре, — в которую она, Зина, просто была влюблена, вдруг стала предательницей!

Жизнь в Зуе становилась с каждым днем труднее. Приходилось экономить все. Спать вынуждены были ложиться в сумерках: керосин не достанешь ни за какие деньги. Утро для Ефросиньи Ивановны начиналось с тревожной заботы — как и чем накормить своих жильцов?

— Обьедаем мы тебя, — первым вслух высказался дядя Ваня, когда они за обедом хлебали пустые щи.

— Обьедаем, а что же делать? — согласилась с ним тетя Ира и машинально положила на стол кусок хлеба.

Все за столом примолкли, даже ребята.

— Доится еще Белокопытка... — попыталась утешить их бабушка. — Как-нибудь проживем. Бог не без милости.

Сама она, даже не пробуя молока, все отдавала детям. Взрослые сидели на овощах.

Картошка на огороде была рано вырыта и почти наполовину съедена.

Оккупационные власти не торопились с раздачей земли в личное пользование населения. На месте колхозов были созданы общинные хозяйства. Многие в деревне ходили теперь в поле рыть общинную картошку. Рыли

осторожно, с оглядкой, поскольку урожай с общинного хозяйства должен был поступать в закрома оккупантов.

После обеда дядя Ваня скомандовал:

— День сегодня погожий, солнечный, айда урожай снимать! — и, захватив с собой мешок и маленькую лопату, отправился в поле.

— Мы тоже сейчас двинемся, — сказала тетя Ира, разыскивая, во что обуться. Она ушла одна, чтобы не привлекать внимания полицаев, вслед за матерью ушли Ленька и Нестерка.

Зина с Галей отправились в другую сторону.

— Нароем много-много, — мечтала Галька, бодро шагая нога в ногу с Зиной. Со старшей сестрой она готова была идти куда угодно.

Картофельное поле с уже тронутой морозом почерневшей ботвой пестрело многочисленными проплешинами. В этих местах картофель был вырыт, оставались только мелкие кусты. Сестры усердно принялись за работу. Зина маленькими вилами, приподнимая, выворачивала пласт земли с ботвой, а Галька, ползая на коленях, обрывала от ботвы клубни и бросала их в мешок. Но ей это занятие быстро надоело. Она бросала уже лениво, неохотно.

— У меня руки болят, — ныла она.

— Еще немного нароем — и домой, — уговаривала Зина сестренку и вздыхала: — Мелочь одна попадает, крупную до нас собрали.

Они работали рядом с опушкой. Вдруг кустарник зашелестел, и раздался мужской хрипловатый голос:

— Девочка, а девочка!..

Зина испуганно обернулась. Из кустарника выглядывала черноволосая голова в пилотке со звездочкой.

— Не бойся, мы свои. Подойди поближе.

Зина выпрямилась, с вилами в руках нерешительно сделала несколько шагов. В кустах стоял красноармеец в гимнастерке, затянутой ремнем, но без оружия. «Навер-

ное, окруженец», — сразу же определила Зина. К ней подбежала Галька.

— Девчушки! Вдали что за дорога? Куда она ведет?

— На Полоцк, а в другую сторону — на Витебск, — сразу же отозвалась Зина, в то время как Галька, прищурив глаза, с любопытством рассматривала незнакомца.

— Вы кто, дядя? — робко спросила Галька. — Не полицаи?

— Нет, девчурка, нет, — улыбнувшись, успокоил ее красноармеец.

Зина, вспомнив предостережение дяди Вани о переодетых полицейских, пытливо разглядывала человека в красноармейской форме, совсем еще юного, с измученным, усталым лицом. Из кустарника к ним вышел другой, в такой же форме, но с малиновыми кубиками в петлицах гимнастерки. Этот, заросший рыжеватой бородкой, выглядел постарше.

— Колхозница? — строго осведомился он и, не дожидаясь ответа, стал расспрашивать, находятся ли в окрестных деревнях немецкие гарнизоны и как можно переправиться через реку, есть ли поблизости лодка или брод.

Зина отвечала уклончиво. Ей очень хотелось помочь красноармейцам, и в то же время возникшее подозрение заставляло отвечать на их вопросы неопределенно, по существу, отмалчиваться.

— Ты что, не местная, приезжая? — догадался наконец рыжебородый.

Зина, вздохнув, кивнула головой:

— Из Ленинграда мы... Приехали на каникулы и застряли с сестренкой в деревне.

— Значит, приезжая?.. Ты меня не бойся. Я ведь тоже из Ленинграда.

— А где вы там жили? — встрепелась Зина.

— Ишь ты какая... Допрашиваешь? — Военный улынулся, и строгое лицо его с заметными рябинками на ще-

ках сразу стало привлекательным, добродушным. — Возле Нарвской заставы. Знакомо тебе это место?

— Ой, как же! — невольно вырвалось у Зины. «Очевидно, говорит правду», — подумала она, успокаиваясь, но все же спросила: — А на площади что стоит?

— Триумфальная арка стоит, да не бойся, девочка. Мы свои. Ты вот что, раз моя землячка-ленинградка, помогла бы нам переправиться через реку. Раненые есть у нас и больные. Помогла бы, а?.. Где лучше и безопаснее, можешь указать?

— Могу, — вспыхнула радостью Зина, сразу уверившись, что перед ней свои. Теперь казалось слишком своим русское, открытое голубоглазое лицо этого военного с мягким, немного окающим говором. — Тут кругом немцы, — предупредила Зина, воткнув вилы в землю и держа за плечи перед собой прижавшуюся Гальку. — В Оболи — это станционный поселок — большой гарнизон. К линии железной дороги и к шоссе не выходите — там охрана...

Зина рассказала красноармейцам все, что было ей известно. И условилась, где она вечером будет их ждать.

Когда красноармейцы скрылись в лесу, Галька спросила:

— Будем рыть или пойдем домой?

— Еще немного пороем и пойдем, — ответила Зина, все еще находясь под впечатлением встречи. Было необычайно радостно, что она встретила своих, что воины Красной Армии доверились ей, девчонке, и попросили помощи. — Ты не вздумай своим подружкам на улице болтать, что мы встретили красноармейцев, — предупредила она сестренку. — Болтают только предатели.

— Нет! Я буду молчать, — с очень серьезным лицом ответила Галька. — Что я, маленькая?!

Когда сестры вернулись домой, в избе никого, кроме бабушки и Любаши, еще не было.

— Пришли? Родные вы мои, — засуетилась бабушка. Галька не замедлила похвастаться:

— Полную корзинку мы нарыли.

— Что-то наших долго нет, — беспокоилась бабушка. — Не забрали бы их! Лютуют полицаи...

Но тут за окном появились мальчики и за ними тетя Ира, все тоже с грузом.

— Нужно рыть теперь каждый день, — сказала тетя Ира, устало сбрасывая мешок, — пока погода стоит. Завтра снова все пойдем.

— Хорошо, — рассеянно ответила Зина: ее тревожила новая забота.

Ей хотелось посвятить в свою тайну дядю Ваню, посоветоваться, попросить помощи. Но он все не появлялся. А времени терять было нельзя.

— Я скоро приду, — предупредила Зина тетю Иру и пошла к реке, огибающей полукругом деревню.

От недавних дождей Оболь стала шире, разлилась в низинах. Зина знала один брод. Но он слишком близок к мосту, охраняемому немцами днем и ночью. Рядом с мостом чернеют неошкуренные штабеля бревен. На лесопилке под надзором гитлеровцев работают пленные. К лесопилке близко подходить нельзя — застрелят. На берегу, в кустарнике, полузатопленная лодка, но о ней нечего и помышлять. На виду она у охраны, да и, возможно, дырявая. Сгоряча пообещав красноармейцам помочь, она не знала, что теперь делать. Спросить у людей, где другой брод, — сразу же выдашь себя. И вдруг Зину озарило. Илья! Двоюродный брат Илья! Вот кто может помочь! Он комсомолец. Ему можно раскрыть тайну. И она помчалась к Илье.

У перекрестка дорог замерла: на телеграфном столбе с оборванными проводами белел свежий приказ комендатуры гестапо:

«Предупреждаем: За помощь красноармейцам разбитых советских войск, блуждающих теперь в окрестных ле-

сах и болотах, — расстрел. Сообщайте местным властям о их местонахождении и лицах, помогающих им».

Илью Зина обнаружила возле сарая. В избе у них квартировали солдаты, и Илья старался туда почти не входить. Он усердно обрабатывал толстый обрезок бревна. В его умелых, привычных к топору и лопате, вилам и молотку руках с каждым ударом тесло послушно вырубало мягкую сердцевину, образуя широкую щель. Илья сказал Зине, что хочет спрятать в этом бревне винтовку, которую летом принес из лесу. Отложив тесло на длинной ручке в сторону, Илья вытер рукавом ситцевой рубашки загорелый потный лоб.

— Ты что, Зинок, такая взволнованная? — спросил он, заметив по лицу Зины, что ее привели к нему какие-то необычные обстоятельства. — Что-нибудь случилось у вас?

— Дело есть, Илюша... — немного поколебавшись, вымолвила Зина. — Но это тайна. Чтоб никому больше ни слова. Понятно? Большая тайна.

Необычная для Зины скороговорка выдавала ее глубокое волнение.

— Говори! — Илья загорелся любопытством.

Они отошли в сторону и присели на бугорок. Зина шепотом рассказала Илье о своей встрече с красноармейцами.

— Поможешь? — спросила она.

— Какие могут быть разговоры! — с готовностью согласился Илья и стал забрасывать Зину вопросами: сколько окруженцев? вооружены ли они и где она условилась встретиться с ними? не разболтала ли она кому-либо об этой встрече?

— Ты что? Разве можно? Очень боюсь за Гальку, она может проболтаться.

— Придется пригласить Володьку и Женьку... Втроем мы справимся... Ты чего нахмурилась?

— А мне, что же, прикажешь возвращаться и сидеть дома? — Лицо Зины потемнело от обиды.

— Ну хорошо, я не возражаю, чтобы и ты шла.

— А может быть, я возражаю доверять другим. Ты об этом подумал?

— Ишь ты! — растерялся Илья. — Кому не доверяешь, мне?.. Володьке? Твои, что ли, красноармейцы?

— Мои... и не спорь. Обойдусь и без вашей помощи. Не воображай много о себе.

— Я не воображаю. Но вдвоем нам с тобой не справиться. Пойми ты, девчоночья твоя голова, плот надо сколачивать... Неужели ты своим братьям не доверяешь?

— Доверяю. И Женьке доверяю. Но мне, Илюша, обидно, что ты хочешь меня отстранить. Думаешь, если я девчонка, то ни на что не способна?.. Ты только не сердись, Илюша. — Она погладила его по руке. — Я всем говорю правду в глаза. Ты это знаешь. И давай больше не спорить, лучше пойдем посмотрим на реку.

Зина явно брала руководство в свои руки. Илья подчинился.

Они отправились к Оболи.

— Искать брод не будем, — предложил Илья. — Нынешний год везде глубоко. Нужно найти глухое место, с кустарником по берегам.

Навстречу попались двое полицейских. Они шли по тропинке берегом реки. Илья обнял Зину за плечи, изображая прогуливающуюся парочку.

Полицейские прошли, не обратив особого внимания на стоявших в обнимку на берегу реки парнишку и девчонку.

Когда полицейские скрылись из виду, Зина и Илья продолжили путь.

На пригорке, рядом с глухой проселочной дорогой, они заметили кучку еловых кругляшей, очевидно заготовленных для мостика.

— Пригодятся, — по-хозяйски оглядев их, определил

Илья. На глаз промерил ширину реки: — Все. Подготовку плота я беру на себя. Во сколько встречаемся?

— Встречаемся в девять вечера, — ответила Зина и торопливо пошла домой.

— Где ты так долго пропадала? — поинтересовалась тетя Ира, едва Зина переступила порог.

Зина растерялась: что ответить? А ведь предстоит снова уходить на весь вечер. И она решила посвятить домашних в свою тайну.

— Ты что, с ума сошла? — побледнев, всплеснула руками тетя Ира. — А если на полицаев нарвешься? Сама идешь на смерть и всех нас в петлю... Да и чем ты там можешь помочь? Никуда я тебя не пущу.

— Ну как же!.. Меня люди будут ждать, а я подведу...

— Не пущу! — решительно повторила тетя Ира. — Пойми, перед твоей матерью я за тебя головой отвечаю.

Дядя Ваня, подойдя к племяннице, угрюмо сидевшей в углу, положил свою тяжелую руку ей на плечо.

— Я тебя, Зина, понимаю. Но ты учти, у тебя сестренка. Ты же не одна... Ты понимаешь, какая опасность тебе и всем нам угрожает?

— Я пойду... — упрямо повторила Зина.

— Иван, что же ты молчишь? — воскликнула тетя Ира. — Запрети ты ей... Вразуми!

Влетевшие в избу «братья-разбойники» заставили взрослых прекратить разговор.

Поужинав, Зина молча стала собираться.

— Иван, чего же ты смотришь? — снова не выдержала тетя Ира.

Дядя Ваня вместе с Зиной вышел из избы на крыльцо. За ними последовала и тетя Ира.

— Если ты так настаиваешь, то пойдем вместе, — предложил дядя Ваня племяннице.

— Только тебе с твоим кашлем туда идти! — запротестовала тетя Ира. — Тебя не только на том берегу — в Витебске услышат.

— Не бойтесь за меня. Я не одна. Со мной наши деревенские ребята... — как могла, пыталась успокоить родных Зина, но называть имена своих помощников не стала.

— Что ж, иди!.. — наконец уступил дядя Ваня, тяжело вздохнув.

Тетя Ира проводила племянницу до дороги, обняла, поцеловала.

— Будь осторожна! — прошептала она трясущимися губами.

Моросил дождь. Низко нависли облака. «Хорошо!» — радовалась рано наступившей темноте Зина, осторожно шагая по тропинке.

Илья, как уговорились, встретил ее у прогона. С ним были и Володька с Женькой, в дождевиках и сапогах. Зина в своем легком городском плаще уже начала промокать. Но холода она не чувствовала.

— Где же твои подшефные?.. Много их?.. — спрашивали ребята, обступив Зину.

— Там, где им полагается... — уклончиво отозвалась Зина. Ей не понравилось, что ребята хотят сразу все знать: — Стойте здесь! — приказала она Володе и Жене. Сама вместе с Ильей пошла к кустарнику, откуда навстречу уже выходили красноармейцы.

Объяснив командиру, что реку теперь вброд не перейдешь, ребята повели красноармейцев к излучине реки, показав, где спрятан заранее подготовленный плот.

— Молодцы! — похвалил командир. — Вижу, у вас все уже готово.

Красноармейцы подняли плот, перенесли к реке, опустили на воду.

— Четверых выдержит? — спросил один из них.

— Выдержит и пятерых, — ответил Илья и стал привязывать к плоту веревку.

Володя с Женей вытащили из кустарника жерди. Из ближнего леса подходили остальные красноармейцы. Их оказалось много.

«Человек пятьдесят, не меньше», — подумала Зина.

По распоряжению командира в разные стороны ушли дозорные.

Зина напряженно вглядывалась в темноту. Пологий берег реки, мокрый кустарник. Небо завешено сеткой холодного, морозящего дождя. Зина вздрагивала от всплесков воды — казалось ей, очень громких, — когда на собранный из еловых бревнышек плот взбирались человек по пять красноармейцев и, отталкиваясь от берега шестами, уплывали на противоположную сторону. В сторону темного леса страшно даже смотреть: кажется, что оттуда бесшумно подкрадываются немцы... Но рядом свои, в их руках винтовки... Тут же по колено в воде суетятся Володя, Женя, Илья. Они стараются стащить перегруженный плот с мелководья. Зина тоже включилась в работу: стала помогать отводить на плот раненых. Она старалась не замечать, как в ее резиновых ботиках хлюпает вода. На носилках пронесли на плот тяжелораненого. Зина не удержалась, подскочила к носилкам, поправила сползавшую шинель с двумя ромбами в петлицах. Когда на берегу оставалось только несколько человек, к Зине подошел командир:

— Спасибо тебе, девчужка, выручила! Большое красноармейское спасибо. — И, по-отечески обняв, крепко поцеловал Зину. — Как тебя зовут-то?

— Зина Портнова. — Она подняла на командира засиявшие глаза и, осмелев, попросила: — Не отдавайте немцам Ленинград.

К ним подошли ребята. Командир каждому пожал руку:

— Спасибо вам. Огромное спасибо! Мы вернемся. Соберемся с силами и вернемся. Не дадим врагу поганить нашу землю.

Командир с тремя бойцами переправился на плоту последним.

Ребята на берегу остались одни, только теперь Зина ощутила, как она продрогла, зуб на зуб не попадал. Женя набросил на ее плечи свой пиджак, изнутри он был еще сухой, теплый. Ребята напряженно вглядывались в водную гладь. И когда заметили плывущие по течению бревна от плота, облегченно вздохнули.

Слабо брезжил рассвет. Расходились поодиночке. Зина категорически отказалась, чтобы ее провожали. Ребята все же незаметно проследили, пока она не перелезла через изгородь...

Зина явилась домой промокшая до нитки, измазанная в песке, глине. Хорошо, что калитка оказалась незапертой, не нужно стучать... Тетя Ира и дядя Ваня сидели в темной избе, не спали.

— Ну как?.. — бросилась навстречу тетя Ира.

— Во-о! — Зина по-мальчишески вскинула большой палец.

От усталости и пережитого волнения она была не в силах что-либо говорить.

Переодевшись во все сухое, Зина устало повалилась на свой тюфяк, рядом с крепко спавшей Галькой. И уже сквозь сон слышала рядом тихие голоса:

— Совсем умаялась девчонка... Как бы не заболела!

Глава пятая

После ночной переправы Зина не только почувствовала себя более самостоятельной, повзрослевшей, но и ближе узнала деревенских ребят. Своих двоюродных братьев она, конечно, знала и раньше. Но с белокурым голубоглазым однофамильцем Володи — Женей Езовитовым, которого мельком видела и раньше, она, по-существу, познакомилась только теперь.

Недели две спустя после переправы она встретила с Женей на улице.

— Здравствуй, Зина!.. Как живешь?

— Сам знаешь, Женя, какая у нас теперь «отличная» жизнь.

Они медленно шли по улице и разговаривали. Он расспрашивал о Ленинграде и посетовал:

— В Ленинграде я еще ни разу не был.

— Когда приедешь, Женя, обязательно заходи к нам. — И тут же, тяжело вздохнув, с намернувшимися на глаза слезами сказала: — Только не знаю, попаду ли я сама обратно в Ленинград.

— Конечно попадешь, Зина, обязательно попадешь, — успокоил ее Женя. — На фронте теперь дела налаживаются.

Она удивленно взглянула на него. Откуда ему это известно и почему так уверенно говорит?

— Верь мне, Зина, мы победим.

— Я и так верю.

К ним подошел Володя, и тут затеялся совсем странный разговор.

— К вечеру заходи сегодня ко мне, — предложил Жене Володя.

— Думаешь, будет слышимость?

— Попробуем.

— Я приду обязательно. Еще кого-нибудь приглашаешь?

— Да... Есть тут свои...

Зина недоуменно поглядывала то на того, то на другого.

— Пригласил бы ты, Володя, и меня к себе! Дома такая скучища, — попросила она двоюродного брата.

— А разве тебе кто запрещает приходить? — удивленно округлил Володя глаза, но от Зины не укрылось, как многозначительно переглянулись они с Женей.

Женя, пристально взглянув на Зину, предложил Володе:

— Пригласи и ее, девчонка стоящая.

Володя тоже пытливо, каким-то изучающим взглядом поглядел на сестру и спросил Женю:

— Думаешь, можно?

— Полагаю, вполне. Поговори сам с ней... — И, попрощавшись, Женя свернул к своему крыльцу.

— О чем же, Володя, твой приятель советует поговорить со мной? — спросила Зина.

Володя огляделся по сторонам и, наклонившись к ней, прошептал:

— Хочешь радио наше, советское, слушать?

— Ой, хочу! — Зина просияла такой радостью, что Володя невольно улыбнулся. — А когда можно?

— Даешь слово, что никому, ни одной живой душе, не проговоришься?

— Даю.

— Смотри держи язык за зубами, особенно со своими подружками.

— Не беспокойся, Володя, я умею молчать, да и подруг у меня здесь нет.

— Приходи сегодня вечером ко мне. Я попрошу Илью зайти за тобой.

«Если он посылает за мной Илью, значит, у Володи не впервые собираются ребята», — размышляла Зина по дороге домой. О том, что Володя страстный радиолюбитель, она знала и раньше, еще во время своих прежних приездов на каникулы в деревню.

Над Володиной избой возвышалась антенна, из окон гремела музыка. «Но каким чудом ему удалось сохранить радиоприемник теперь? И где они слушают передачи: ведь антенны над избой не видно».

Как было обещано, под вечер за ней зашел Илья. Он тщательно вытер ноги у порога о половичок, поздоровался, передал Ефросинье Ивановне небольшой узелок:

— Мать прислала.

— Спасибо, родимый... — отозвалась бабушка, принимая подарок.

— Собирайся! — грубовато буркнул он Зине.

— И когда ты, Илюша, со своей сестрой будешь более ласково и вежливо разговаривать? — упрекнула Зина, мгновенно собравшись.

— Куда направляетесь? — поинтересовалась тетя Ира.

— Не бойтесь, тетя Ира. Приведу вам Зиночку обратно, — уклонился Илья от прямого ответа.

Зина выскользнула вслед за Ильей. По дороге он рассказал, что Володя из разных деталей собрал новый ламповый приемник.

— Работает. Изредка слушаем наши передачи, — добавил он.

С Ильей Зине всегда было легко. Простой, бесхитростный, покладистый. Еще в раннем детстве, когда маленькая Зина появлялась вместе с матерью у бабушки в деревне, Илья с удовольствием играл с ней, был верховой лошадыо, а она — наездницей. Все просьбы маленькой Зины он выполнял беспрекословно.

Калитка у Володиной избы оказалась незапертой.

— За мной... — прошептал Илья Зине.

Из полутемных сеней, шагая по скрипучим ступенькам, они осторожно поднялись на чердак. Там было немного светлее. На ящиках уже сидело человек пять ребят, своих, зувских. Среди них знакомы Зине были Женька и Федя Слышенков. Она робко присела на свободный ящик. С любопытством огляделась. Под железной крышей был оборудован под мастерскую небольшой уголок. У окошка — накрытый серой клеенкой стол со стопкой школьных тетрадей и книг. Над ним — прибитая к обрешетке крыши длинная полка с множеством склянок и каких-то пакетиков. Рядом, на ящике, — верстак с разными инструментами.

— Моя двоюродная сестренка! — отрекомендовал Зину Володя.

— Теперь все собрались. Начинай! — раздались голоса.

И Зина поняла, что все дожидались ее.

Из ниши, в углу, под застрехой, заложеной досками, Володя достал небольшой самодельный приемник. Выставил в щель зашторенного окошка небольшой стержень-антенну и включил приемник. Ребята подвинулись ближе, жадно вслушиваясь в раздававшийся треск и шум. Звук появился не сразу. Володя осторожно крутил рычажки.

— Сейчас, — взволнованно прошептал он, слабо уловив на одной волне русскую речь.

И тут произошло чудо. Вдруг ясно и отчетливо Зина услышала:

— «Говорит Ленинград!.. Говорит Ленинград!.. — Последовала небольшая пауза. И тот же мелодичный женский голос продолжал: — Рабочие и работницы Нарвской заставы города Ленина... — (Сердце у Зины забилося так сильно, что стало трудно дышать.), — отвечают труженикам Красной Пресни славной столицы нашего государства Москвы. Мы выстоим, товарищи москвичи! Враг не возьмет нас ни бомбами, ни блокадой! Ленинград борется...»

Все слушали затаив дыхание, а у Зины от волнения пробежала дрожь по телу, горели щеки — ее родной Ленинград живет и борется! Она, прикрыв глаза, мысленно видела Нарвскую заставу, знакомые родные места, где она выросла, где остались мама и папа.

Когда передача прервалась, ребята заговорили не сразу.

— Искали Москву, а нашли Ленинград! — произнес Володя, словно извиняясь перед ребятами.

— И очень хорошо! — горячо отозвалась Зина и тихо добавила: — Спасибо тебе, Володя. Значит, неправда, что немцы взяли Ленинград.

— Вот бы переписать и расклеить это сообщение, — заметил кто-то из ребят.

— А что, надо это дело наладить, — предложил Евгений и посмотрел на Володю.

Но тот, деловито свертывая провод, словно не слышал.

А ровно через неделю на немецких плакатах, расклеенных в поселке, появились слова: «Смерть Гитлеру! Да здравствует Советская власть!»

— Очевидно, партизаны действуют, — высказал предположение дядя Ваня.

У Зины заблестели глаза:

— Партизаны!.. Кто же эти смельчаки? Хоть бы одним глазом взглянуть.

Но дядя Ваня ошибался. Авторами этих надписей были Володя и Евгений Езовитовы.

Глава шестая

Уже стояла зрелая осень.

Желтели листья на березах, в багрянце были клены, а трава на луговине темнела, теряя свою зеленую окраску, покрывалась после ночных заморозков белым инеем. Навдвигались зимние холода.

— Да-а... Жизнь становится день ото дня суровей... — вздыхал дядя Ваня. — Ходим разутые, раздетые. Ничего теплого с собой не захватили, ни обуви, ни одежды.

— Кто же мог подумать, что застрянем в деревне... — жалобно вторила тетя Ира.

И невольно при этом разговоре Зина вспоминала, как права была мама, когда настаивала, чтобы дочери захватили в деревню хотя бы теплые свитеры.

— Возьми. Вечера могут быть холодные, — уговаривала она Зину.

— Зачем? — удивлялась Зина. — Мы с Галькой закаленные, физкультурницы. Не замерзнем.

Мама все же настояла на своем... Как теперь Зина была благодарна ей.

Тетя Ира принялась разбирать разные тряпки, хранившиеся в летней горенке.

— Из этих лоскутов можно выкроить Гальке платье... — обещала племяннице тетя Ира. — А из старой кофты, пожалуй, Нестерке рубашку сошью.

Нашлись лоскуты и для платьев Любочке.

На помощь ленинградцам пришли деревенские родственники. Мать Ильи принесла им черную железнодорожную шинельку. Зина примерила ее, шинель показалась неуклюжей, жесткой и длинной. Но в шинельке было гораздо теплее ходить, чем в легоньком летнем плаще.

После того как дядя Ваня, обследовав в кладовке все продовольственные запасы бабушки, сообщил тете Ире и Зине: «Скоро последние остатки муки съедим», ленинградцы перешли на полуголодный паек.

— Что же делать? — растерянно спрашивала тетя Ира. — Неужели по миру придется ходить?

А через несколько дней подавленный и мрачный дядя Ваня объявил:

— Устраиваюсь на работу... кладовщиком в продовольственный склад. Там паек дают.

— К немцам?! — одновременно спросили тетя Ира и Зина.

Дядя Ваня с укоризной взглянул на них:

— Но что же делать? Выхода иного нет. Как иначе жить, объясните! Вздохать, охать, плакать и помирать с голоду — не выход. Да... придется работать. Ты, Ирина, тоже подумай об устройстве...

— Идти помогать немцам убивать наших людей?! — загорелась гневом тетя Ира. — Мне? Жене коммуниста? Как я потом мужу в глаза буду смотреть?.. — И она рыдалась.

Дядя Ваня, продолжая держать в зубах давно потухшую сигарку, с жалостью глядел на сестру...

Поступив на работу, дядя Ваня больше общался с людьми и приносил домой слухи о делах на фронте.

Теперь у него не было прежних радужных надежд, что к весне война обязательно кончится.

— Конец войны не близок... — сказал как-то он. — Гитлеровцев не скоро осилишь. Не на жизнь, а на смерть война идет. Или мы их, или они нас...

Однажды он пришел с работы поздно, уже в сумерках, и не один. Привел с собой бородатого человека в ватнике, кирзовых сапогах, с приметной седой прядкой в смоляных волосах.

— Мой друг... — кратко представил он гостя тете Ире и навестившей их Солнышку.

Бабушка, очевидно, хорошо знала гостя.

— Где же ты, Михаил Иванович, теперь обретаешься-то? — поинтересовалась она.

— В лесу... — просто ответил гость, заставив ребят сразу наострить уши.

Дядя Ваня прервал дальнейшие бабушкины расспросы. Сразу же после ужина увел гостя на сеновал. Немного погодя он пришел за Солнышком, которая в этот вечер оставалась у бабушки ночевать.

— Нужно нам с тобой поговорить, — объяснил он и кратко бросил: — Ирина, ты тоже нужна.

Когда они вернулись в избу, Зина не слышала — спала, а когда проснулась, Михаила Ивановича в доме уже не было.

Наступила годовщина Великого Октября. По совету дяди Вани вся семья принарядилась во все лучшее.

Зина вплела в свои косички красные ленточки. На голове у Гальки тоже появился красный бант.

За обедом дядя Ваня поставил на стол бутылку, заткнутую самодельной пробкой. У кого-то достал самогонки.

— За будущую нашу победу! — негромко произнес он, подняв стаканчик.

Вскоре к бабушке заглянула и Солнышко. Пришла она в своей будничной одежде и сразу встретила осуждающий взгляд дяди Вани.

— Хотя бы для праздника принарядилась.

— Я в душе праздник отмечаю... — ответила она. — У нас праздник уже с раннего утра начался: в поселке нашли расклеенные на заборах советские листовки. — И пояснила: — Рукописные... Полицаи обыск производили, допрашивали.

— О чем? — встревожился дядя Ваня.

— Все о том же... Как оказалась в Оболи? Откуда приехала?

— Вот что, надо вам с Ириной без промедления устраиваться на работу, — сказал дядя Ваня.

— Я уже об этом думала. У нас рядом с бывшим торфяным заводом открывают столовую для офицерского состава — курсанты, что ли, какие-то приехать должны. Уже и мебель завезли. Надо попытаться устроиться туда официантками. Дадут ли только справки в комендатуре?

— Постарайтесь получить эти справки. Сейчас очень важно, чтобы вы сумели туда устроиться, — сказал дядя Ваня и, как показалось Зине, как-то многозначительно посмотрел на Солнышко.

Зину удивило, что, побывав через несколько дней в комендатуре, тетя Ира и Солнышко явились оттуда домой в хорошем настроении.

— Начальника полиции не было на месте. Принимал его заместитель, — сообщила тетя Ира.

— Сразу стал за нами ухаживать... — засмеялась Солнышко.

— Ну, справки получили? — нетерпеливо перебил дядя Ваня.

— Мы, да не получим... Вот... — И Солнышко показала дяде Ване две справки с круглыми печатями.

— О чем же вас спрашивал?

— О прежней нашей жизни... Так, отделались общими словами.

— Повезло вам!.. — обрадовался дядя Ваня. — Сам начальник полиции, находишь он на месте, всю душу из вас бы вытряс. Знаю по своему опыту. Дотошный и злобный.

Столовая открылась в конце ноября.

В первый же день, вернувшись домой с работы, тетя Ира пожаловалась:

— Требуют, чтобы я поселилась в бараке, рядом со столовой, как и Солнышко, — была бы на глазах у начальства.

Выслушав, дядя Ваня сказал:

— Что поделаешь, придется согласиться.

На семейном совете было решено, что вместе с сыновьями, Зиной и Галькой тетя Ира переберется в поселок торфяного завода. С бабушкой останутся дядя Ваня и Любаша.

Зина не возражала. Она как-то безразлично отнеслась к переселению. Ей было все равно где жить, раз они не дома, в Ленинграде.

Для Зины с Галей нашлась в бараке небольшая комнатка, низкая, мрачная, с одним окном, выходившим на пустырь, но теплая, если протопить печку в общем коридоре, что стало обязанностью Зины и ребят. Тетя Ира с сыновьями поселилась в комнате рядом.

Лучшую комнату в бараке занимала немка-переводчица, служившая в комендатуре.

Зине она не понравилась. Толстая, рыжеволосая, глядевшая на всех застывшим, стеклянным взором. В разговор она с жильцами не вступала, хотя русский язык знала неплохо.

— «Баба-яга», — немедленно окрестила ее Галька, боявшаяся встречаться с суровой, молчаливой немкой.

Первое время Галька тосковала, оказавшись вдали от бабушки, маленькой Любаши и своего любимца, кота Ушастика. Она взбиралась на подоконник и, прильнув носом к стеклу, тянула:

— Ску-ушно мне!.. Ску-ушно!..

— Ишь чего, веселья захотела!.. — возмущалась Зина. — Будь довольна, что с голоду не умираем, в тепле живем.

Вскоре Галька немного успокоилась. Не чаявший в ней души Нестерка принес от бабушки Ушастика, и кот, к радости Гальки, прижился на новом месте.

Зина с головой погрузилась в разные хозяйственные заботы. Привела свою комнату в порядок. На чисто вымытом окне уже висела белая занавеска. В углу комнаты на железной кровати лежал набитый соломой тюфяк. Возле колченогого стола стояли две табуретки. Правда, потолок закопченный и на стенах рваные, с ржавыми пятнами, обои. Но ничего, жить можно.

Прежние жильцы барака успели эвакуироваться, оставив после себя разную рухлядь. Зина озабоченно морщила лоб, примеряя то сестренке, то себе и старое рваное платье, и стоптанные ботинки, и ветхую тужурку, соображая, как залатать и приспособить к носке найденные вещи.

Зато теперь появилась новая и приятная забота — ходить к бабушке в деревню за молоком. До деревни недалеко — двадцать минут ходьбы. Посидев у бабушки, которая сразу же сажает их за стол, стремится чем-либо угостить, сестры, захватив с собой маленький бидончик с молоком, возвращаются домой.

— Почему не остались, — сердится Галька, — у бабули так хорошо! — И демонстративно отходит от сестры, не желая идти рядом. Но Зина не терпит своеволия, снова берет ее за руку.

На хорошо укатанной дороге оживленно. Снуют штабные и интендантские машины, попадаются навстречу вра-

жеские солдаты и офицеры, надменные, гордые, упоенные своими победами. Живут они в Оболи и в поселке, занимающая лучшие дома.

Сестры боязливо сторонятся, сходят, держась за руки, на обочину дороги. Зина всегда помнит предостережение тети Иры: «Поменьше попадайся им на глаза... Они все могут сделать». Нахмурившись и даже потемнев в лице, она исподлобья окидывает взором немцев.

«Проклятые... Пришли на нашу землю и теперь торжествуете...»

Идут по заснеженной зимней дороге две девчонки, одетые в старое тряпье. Одна круглолицая, ясноглазая, с ямочками на розовых от мороза щеках. Другая совсем еще малышка, худенькая, голенастая, глазастая, с серьезным испуганным взором, тащится за ней.

Немцы не обращают на них внимания.

— Ну, вот мы и дома... — говорит Зина, вернувшись к себе.

Дома дел у Зины много. В комнатах прибраться надо и печку истопить. Да и день теперь короткий. Не успеешь оглянуться, уже сумерки. Если не задержатся в столовой, скоро вернутся домой тетя Ира и Солнышко. Им будет приятно, что все убрано.

— Давай мечтать!.. — предлагает Галька, присаживаясь к сестре и кладя голову ей на колени. — Приедем в Ленинград, там мамочка нас встретит... Спросит: «Где вы так долго пропадали?!» А мы скажем: «У бабушки... Немцы нам дорогу преградили и не отпускали. Но мы — народ хитрый! Мы сели на поезд тишком и уехали...» Нет, лучше: «Мы забрались в грузовик. Там много ящиков было. Мы забрались в ящики. Так мы доехали...»

Галька умеет фантазировать. Получается у нее складно, интересно. «Вот скрипнула калитка... Это калитка жалуется, что ей живется плохо. Шумит ветер под крышей... Очевидно, ветер заблудился на чердаке». Увидела

в окно бродячую собаку, пугливо поджавшую хвост. «Это она уже который месяц ищет свой дом и не может найти. Надо ей помочь». Галькины фантазии прерывает стук входной двери. Это вернулись с работы тетя Ира и Солнышко. Они почти всегда вместе приходят. Сами они теперь ужинают в столовой. Что-нибудь съестное приносят ребятам. Всем поровну — таков непреложный закон тети Иры. Она не делает различия между своими сыновьями и Зиной с Галькой.

Детям порой все же голодновато, но жить можно.

Переселившись в поселок торфяного завода, Зина реже видела деревенских ребят. Слушать радио ее не приглашали. А ей так хотелось снова услышать голос Большой земли! Встретив однажды Володю, узнала: радиоприемник у него вышел из строя, передачи слушать не удастся, пока он его не починит. Володя заспешил домой, а прощаясь, сказал Зине:

— Сходила бы в станционный поселок. Говорят, там на базарной площади развешано много плакатов и листовок. Если узнаешь что-нибудь особенное, на обратном пути зайди ко мне.

Поселок был заполнен солдатами. Все заборы и столбы на базарной площади оклеены разными гитлеровскими плакатами, приказами, победными сводками с фронтов военных действий. Всюду слышалась только немецкая речь. Лишь в одном месте пожилой рябой полицай с белой повязкой на рукаве вслух читал по-русски небольшой группе людей приказ:

«Кто укроет у себя красноармейца или партизана или снабдит продуктами, укажет дорогу, чем-либо поможет, тот карается смертной казнью через повешение...»

Зина кинулась прочь из поселка. Пошла домой не по дороге, а кратчайшим путем — по проселку. У перекрестка, на телеграфном столбе, слегка раскачиваясь, висел

в одном исподнем белье бородатый мужчина. Испугавшись, Зина побежала по тропинке. Навстречу попалась Нинка Азолина — нарядная, в белой шерстяной косынке и длинном синем пальто. Она было приостановилась, хотела что-то спросить у Зины, но та, опустив голову, вихрем проскочила мимо. «Немецкая овчарка! Ишь расфрантилась!»

Возле барака Ленька и Нестерка очищали от снега дорожку. Полуодетые, без варежек, трудились они так усердно, что от них валил пар.

— Комендант заставил... — пожаловались они. — Грозился выпороть, если плохо расчистим.

Зина оправила у них пальтишки, застегнула, увела домой греться.

— Где была?.. Почему не сказала? — строго встретила ее Галька.

— Чем допрашивать меня, ты бы лучше умылась... Сидишь грязнулей.

— Не буду я умываться. Назло тебе.

— Это еще что такое?.. — Зина рассердилась. — Так и знай, не будешь слушаться, я уйду отсюда... Не нужна мне такая чумазая, непослушная. Измучилась я с тобой.

— Я с тобой тоже измучилась! — огрызнулась Галька. Скрипнув дверью, в комнату юркнул Ушастик. Приблизившись к Гальке, прыгнул на колени, громко мурлыча и ласкаясь.

— Ты вот и Ушастика тоже обижаешь! — сердито попрекнула сестру Галька. — Вчера веником его огрела, грозила в болото занести.

— Тоже заступница... — изумилась Зина. — Твой Ушастик на столе слопал все, что тетя Ира нам оставила, а ты его защищаешь!

Надувшись, Галька замолчала, но через полчаса не выдержала, подошла к сестре и начала ласкаться:

— Никуда не уйдешь?

— Не уйду. Какая ты глупенькая.

— Даешь слово?

— Ну, даю.

— Какое — пионерское?

— Ну, хотя бы пионерское. Ладно, давай мириться!

Зина поцеловала сестренку в подставленную щеку. Присутствие Гальки, непрестанная забота о ней как-то скрашивали тяжелую жизнь.

— А теперь пора заниматься. Будем учить буквы... Я тебе буду диктовать, а ты пиши! — Зина, несмотря ни на что, старалась готовить Гальку к школе, надеясь, когда вернутся в Ленинград, определить ее сразу во второй класс.

Галя знала уже все буквы, умела по складам читать.

Занимаясь с сестренкой, Зина горестно раздумывала, что живет она нахлебницей у тети Иры и Солнышка, которым так трудно всех прокормить! Может, попытаться и ей устроиться на работу в столовую? Но как противно обслуживать фашистов, этих убийц!

Вечером, когда ложилась спать, перед глазами стоял повешенный, которого она видела днем, — с неподвижными, стеклянными глазами, с раскрытым ртом...

Боясь закричать от страха, Зина с головой накрылась одеялом, но жуткое видение не проходило. Зина встала, попила воды, но немного успокоиться смогла, только когда перебралась на постель к Гальке. Обняв младшую сестренку, она наконец уснула.

Глава седьмая

Володя вскоре выполнил свое обещание. Илья снова привел Зину слушать советскую радиопередачу.

На этот раз на чердаке собралось гораздо больше новых ребят, и среди них две девушки — года на три постарше Зины.

Одну из них — белозубую, бойкую на язык — звали Фрузой Зеньковой. Другая, в светлом берете, — очевидно, ее подруга — красивая, черноволосая, с приметной родинкой на лбу, была из соседней деревни Ушалы, звали ее Валею Шашковой. Немного погодя подошли еще две девушки — Маша Дементьева и Маша Лузгина, их обеих Зина хорошо знала.

— Уважаемые дамы и господа! — шутливо обратился к своим гостям Володя. — Рассаживайтесь согласно своему общественному и социальному положению в германском рейхе. Более знатные — впереди, менее знатные — позади.

Шутливый тон Володи как-то сгладил тревожную обстановку, которую усугубляло зашторенное окошко, полумрак, нарушаемый только светом радиоламп.

Володя, управляя рычажками, долго ловил нужную волну. Ребята, сгрудившись возле приемника, ждали. В этот зимний пасмурный день слышимость была плохая.

И вдруг четко слышались русские слова. Все обрадовались. Но оказалось, преждевременно: это был голос немецкой передачи на русском языке — передавали сообщение о налете гитлеровской авиации на Москву.

Володя хотел перевести рычажок на другой диапазон, но сидевший рядом Евгений попридержал его руку:

— Давай послушаем.

Не совсем твердый на ударениях голос диктора извещал:

«Сильные соединения немецкой авиации каждую ночь подвергают уничтожающей бомбардировке Москву — этот важнейший индустриальный центр страны. Заводы и фабрики, расположенные вокруг русской столицы, настолько разрушены, что их вряд ли можно будет восстановить. Кремль и почти все вокзалы в черте города превращены в груды развалин. Особенно сильно пострадали промышленные районы Москвы, вступив в фазу уничтожения...»

— Будет! Враки все это... — Фруза решительно повернула рычажок. Ей не сразу удалось поймать в хаосе звуков снова русские слова.

— Стой, не крути, — остановил ее Володя и стал настраивать громкость.

Передавали сводку Советского информбюро. Ребята слушали, застыв. Но никаких особых новостей на этот раз в передаче не было. Сообщалось, что во многих районах временно оккупированной немцами советской земли возникли партизанские отряды и они наносят свои удары в тылу врага. И вдруг — в конце сводки:

— «В Белоруссии неподалеку от Витебска, возле станции Оболь, партизанский отряд под командованием товарища К. подорвал вражеский эшелон».

— У нас! — воскликнул кто-то в темноте.

Передача кончилась. Володя выключил и убрал радиоприемник. Ребята обменивались впечатлениями.

— Кругом действуют партизаны... А мы долго так будем сидеть? — громко воскликнул Федя Слышенков, коренастый, широкоплечий паренек со светлым чубом.

Володя поспешно шагнул к Феде и приложил ладонь к его губам:

— Тише ты!

— А ты что предлагаешь? — осторожно спросил Евгений, сузив глаза.

— Ну, об этом не здесь разговор. Давайте пройдем вниз, ко мне в комнату, — прервал его Володя и предупредил: — Только не всем скопом. Выходите поодиночке. — И предложил Илье: — Проводи сестренку.

Зина с Ильей вышли на улицу. Уже совсем стемнело. Улица была пустынной. И вдруг тишину прорезал окрик:

— Стой!..

Илья, остановившись, взял Зину под руку.

— Прохожие... гуляем, — пробормотал он, когда к ним подскочили два полица с пистолетами в руках.

— Не видали тут чужаков?

— Не-ет... — отрицательно замотал головой Илья.

— В соседние избы при вас никто не заходил?

— Нет.

Полицейские, не пряча оружия, свернули в сторону.

— Вот что, Зина, — тревожно зашептал Илья, когда они отошли немного, — я вернусь предупрежу ребят. А то накроют их. Придется тебе одной шагать. Побудь пока у бабушки. Видишь, как сегодня здесь неспокойно...

Когда Зина явилась домой, тетя Ира встретила ее в большой тревоге.

— Долго где-то ты пропадаешь, — упрекнула она. — Галька ждала-ждала и заснула.

Зина растерянно оправдывалась:

— Задержалась и отсиживалась у бабушки. В деревне было тревожно. Полицаи кого-то ловили...

Зина не лгала. Она и в самом деле, добравшись до избы бабушки, некоторое время отсиживалась там и затем, несмотря на уговоры бабушки и дяди Вани, замирая от страха, направилась домой.

Проснувшись Галька, обрадованно посмотрела на сестру сонными глазами и напомнила:

— Скоро день моего рождения! Что ты мне подаришь?

— Подарок, — машинально отозвалась Зина.

В то время, когда на деревенской улице рыскали полицейские, в избе Володи Езовитова шел важный разговор.

— Вот что, ребята!.. — обратилась к оставшимся Фруза. — Вы слышали сейчас сообщение о деятельности наших, витебских, партизан! Разве мы тоже не смогли бы проявить себя в борьбе с врагом? Сколько можно сидеть сложа руки?

— А почему ты думаешь, что мы все сидим сложа руки? — спросил Евгений.

— Знаю, что ты хочешь сказать. Уже слышала от Володи о листовках, но надо действовать не поодиночке, а коллективно.

— Ты, Фруза, была секретарем нашей комсомольской организации в школе. Говори смелее... — поддержал ее Володя.

— Я предлагаю организовать подпольную группу для борьбы с оккупантами, — взволнованно сказала Фруза.

В этот момент кто-то настойчиво постучал в наружную дверь. Все замерли. Володя вышел из комнаты и... вернулся с Ильей.

— Что случилось? — тревожным шепотом спросила Фруза.

— Полицай на улице, кого-то ловят.

— А как же Зина?

— Я проводил ее почти до бабушки. В случае чего она там и заночует.

— Ты завтра загляни к сестренке, узнай, как добралась, — сказал Володя и погасил на столе лампу, слабо освещавшую комнату.

Теперь сидели в полной темноте, настороженно прислушиваясь, но за окном пока было тихо.

— Вот что, Илья, — первым нарушил тишину Володя, — пока ты провожал Зину, вели мы тут разговор, как нам дальше жить...

— Вернее, как нам бороться с фашистами, — поправила его Фруза, — пока гитлеровцы нас не забрали и не отправили в Германию. Мы решили создать подпольную организацию. Давайте сообща подумаем, кто в нее войдет.

Федя Слышенков, вскочив с места, внес предложение принимать в подпольщики только тех, кто не струсил, не сжег свой комсомольский билет.

— Мы должны верить не билету, а человеку, — возразил Евгений.

— Но ведь речь идет не о железнодорожном билете, а о комсомольском! — горячился Володя.

— Володя, чуток зажги огонь, — попросила Фруза.

Володя зажег стоявшую на столе лампу, подвернул фитиль. Жиденькое пламя слабо озарило лица ребят. Федя из потайного кармана ватника достал комсомольский билет. Его примеру последовал Володя.

— У меня дома запрятан, — смущенным голосом произнесла Фруза. — Можете поверить. При следующей встрече я принесу.

Ребята кратко обменялись тем, что каждый из них сумел сделать за время вражеской оккупации. Так они узнали, что Федя Слышенков вывел из строя узкоколейку к кирпичному заводу. Володя и Евгений расклеили в поселке несколько рукописных листовок со сводкой Совинформбюро. Маша Дементьева и Маша Лузгина сорвали два фашистских плаката. Илья рассказал, как они вместе с Зиной, Володей и Евгением организовали переправу красноармейцев.

Слушая рассказ Ильи, Володя вырвал из тетради лист бумаги. Он быстро набросал список присутствующих. В него пока внес восемь человек: Фруза Зенькова, Владимир Езовитов, Евгений Езовитов, Федор Слышенков, Илья Езовитов, Валентина Шашкова, Мария Дементьева, Мария Лузгина.

— Запиши и моего брата — Николая Зенькова, — попросила Фруза. — Я за него ручаюсь головой.

Но тут раздались другие голоса. Маша Дементьевна попросила включить в список свою старшую сестру Надю, Маша Лузгина — свою сестру Антонину. Они тоже ручались за них.

Список у Володи рос. Была намечена и резервная группа, состоявшая из Николая Зенькова, Николая Алексеева, Аркадия Барбашева, Дмитрия Хребтенко, Марии Хребтенко, Антонины Лузгиной, Зои Софончик, Зины Лузгиной, Надежды Дементьевой, Марии Ушаковой,

Екатерины Зеньковой, Ефима Лемнева, Ивана Галошкина.

— Еще одну девчонку я бы внес в список... — предложил Володя и назвал свою двоюродную сестру Зину Портнову. — Приехала из Ленинграда, а уже проявила себя. — И Володя подробно рассказал про участие Зины в переправе красноармейцев.

— Смелая... очень смелая девочка и умная... — поддержал предложение Володи Евгений.

Так последней в список была включена ленинградская школьница пионерка Зинаида Портнова.

— А теперь список уничтожь... — предложила Фруза Володе. — Чтобы никаких следов не оставлять. На память всех надо знать.

Взяв из рук Володи клочки бумаги, она нашла на столе коробок спичек. На медленном огоньке клочки бумаги превратились в сероватый пепел, который сразу же разлетелся по комнате.

— Нужно, ребята, соблюдать большую осторожность, — предупредила Фруза. — Я не против тех, кого сегодня называли. Но с каждым, кого мы собираемся принимать, следует поговорить отдельно. Никому не навязывать наше решение. И ни в коем случае не разглашать, что мы создали подпольную группу. С Зиной Портновой я сама поговорю. В следующий раз соберемся, как и сегодня, в том же составе. Новеньких с собой никого не приводите.

— Надо установить связь с «людьми из леса», — предложил Евгений. — Есть сведения, что партизанский отряд находится неподалеку от нас, в Шашанских лесах. Вот только кому это поручить?

— Давайте поручим это дело Фрузе, — подал голос Володя. — Ты, Фруза, согласна?

— Я не возражаю... — И, помедлив, произнесла: — Вот что, ребята... Буду с вами откровенна... Задание создать

подпольную группу в Оболи я получила от подпольного райкома партии...— Фруза приподнялась с места, лампа на столе выхватила из сумрака ее покрывшееся румянцем лицо.— Да, ребята, не удивляйтесь! Подпольный райком партии существует и действует. Подпольный райком комсомола — тоже. Они будут руководить нашей работой, нашей предстоящей борьбой с фашистскими извергами. Вы знаете, как гитлеровцы расправляются с нашим народом? Мы, комсомольцы, не можем пассивно наблюдать за этими зверствами. А если и погибнем... что ж, теперь война. Гитлеровцы завтра каждого из нас могут расстрелять уже только за то, что мы комсомольцы... Итак, наше сегодняшнее решение создать подпольную организацию должно остаться глубокой тайной... Давайте, ребята, поклянемся друг другу, что тайну мы сохраним! Что будем бороться с гитлеровцами, не щадя своей жизни. Я первой готова дать такую клятву.

«Я, комсомолка Ефросинья Зенькова, клянусь отдать все свои силы и свою жизнь беспощадной борьбе с гитлеровцами...»

И страстные, идущие от сердца слова, произнесенные Фрузой, словно зажгли остальных. Ребята поочередно вставали с места, называли свое имя, фамилию и торжественно произносили слова клятвы.

Так в зимний декабрьский вечер в небольшой белорусской деревне Зуе, возле Оболи, в избе Володи Езовитова, родилась Обольская подпольная комсомольская организация.

Глава восьмая

Как-то рано утром Володя заглянул к себе на чердак. Вынул из тайника приемник. Включил... Время для приема передачи Совинформбюро было неурочное, и Володя почти не рассчитывал на удачу. И вдруг знакомый голос Левитана:

— «Говорит Москва!.. Говорит Москва!..»

После короткой паузы:

— «В последний час... Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах к Москве».

У Володи перехватило дыхание, сильнее забилося сердце.

В приемнике раздался сильный треск. Володя низко склонился над ящиком:

— «Шестого декабря 1941 года войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери...»

Голос диктора вдруг ослаб, куда-то исчез. Володя дрожащими от волнения руками взялся было за рычажок, но голос снова пробился сквозь сплошной шум и треск:

— «...После перехода в наступление с 6 по 10 декабря частями наших войск занято и освобождено от немцев свыше четырехсот населенных пунктов...»

Сообщение о разгроме немцев под Москвой словно ярким лучом озарило холодный, полутемный чердак. Нужно было что-то немедленно предпринимать. Схватив шапку и одеваясь на ходу, побежал к Евгению.

— Женька!.. Разгром немцев под Москвой начался! — радостно прошептал он, встретив Евгения на крыльце. — К вечеру приходи ко мне, а я побегу к Фрузе. Ты понимаешь, какое это событие!

В день, когда Володя принял сообщение о разгроме немцев под Москвой, ничего не подозревавшая об этом огромной важности сообщении Зина тоже встала до рассвета. У нее было свое, маленькое, событие — день рождения Гальки.

Свой подарок сестренке Зина готовила в большом секрете, особенно от любопытных «братьев-разбойников».

С нетерпением Зина ждала, когда Галька проснется. И вот та зашевелилась, повернулась на другой бок, открыла глаза и удивленно уставилась на лежавшую рядом куклу, величиной с оставленную в Ленинграде Ольгу, но сшитую из разноцветных лоскутков. Ноги куклы были сшиты из зеленого сатинового обрезка, руки — из синего бархатного лоскутка, платье — желтое, ситцевое.

Плотно набитая ватой, с маленькой фарфоровой головкой, обнаруженной Зиной в свалке старого тряпья, кукла выглядела почти как настоящая.

Галька порывисто села на постели, взяла куклу на руки.

— У тебя теперь новая Ольга... — улыбаясь, сказала Зина и поцеловала сестренку.

Подарок вызвал у Гальки бурный восторг.

— Моя!.. — радостно взвизгнула она, очевидно не веря еще своим глазам и прижимая Ольгу к груди.

С куклой она не расставалась весь день. Раздевала и снова одевала, укладывала спать, кормила, поднося к губам куклы ложку с воображаемой едой.

— Ешь! — приказывала Галька. — Давно я тебя не кормила. Недосуг было. Сами голодные сидели. Тетя Ира и Солнышко нам хлебushка носят. Поняла?.. А сейчас спи. Нечего прохлаждаться! Ведь мы не дома. Вот вернемся в Ленинград, тогда заживем...

Праздновать день рождения сестрам долго не пришлось. Явился комендант поселка и выгнал всех, кто находился в бараке, расчищать от снега дорогу.

День выдался выюжный. С ночи валил густыми хлопьями снег, засыпав все тропинки и дорогу к поселку. На расчистку собралось человек пятнадцать, главным образом женщины и подростки.

Легко одетая, Зина быстро озябла на студеном ветру. Лопата то и дело вываливалась из коченеющих пальцев.

Когда Зина обернулась, чтобы поднять ее, она увидела на дороге быстро шагавшего Володю. И хотя воротник его короткого овчинного тулупчика был высоко поднят, он тоже заметил двоюродную сестру. Подойдя к Зине и увидя на ее глазах слезы, поднял лопату:

— Отдохни пока... — и сам вместе с другими принялся расчищать дорогу.

Закончив работу, он отдал Зине лопату, при этом успев шепнуть о том, что услышал по радио.

— Бегу в Ушалы, к Фрузе, — сказал он и торопливо зашагал в соседнюю деревню.

Володя был вторым гостем у Фрузы в Ушалах. Накануне, когда уже надвигались сумерки, в калитку Зеньковых чуть слышно постучали.

— Кого это на ночь глядя принесло? — удивилась мать Фрузы и пошла открывать. Минуту спустя она ввела в избу закутанную по самые брови в темный полушалок женщину в ватнике и подшитых валенках.

Гостья поздоровалась и медленно развязала полушалок.

На Фрузу пытливо глядела румяная от мороза сероглазая девушка с круто изогнутыми темными бровями. Глядела с лукавой усмешкой, словно спрашивая: что, не узнаешь?

Фруза обомлела: перед ней стояла хорошо знакомая ей еще с довоенного времени секретарь райкома комсомола.

— Зови меня просто Наташа... — улыбаясь, предупредила гостья и спросила: — Отогреться можно у вас?

— Ну что за разговор... как же!.. — заторопилась Фруза, помогая Наташе раздеться, и увела к себе в горницу. — Задание я выполнила, — рассказывала Фруза Наташе. — Подходящие ребята есть. Наши школьники. На днях снова собираемся...

— Тебя райком партии утвердил организатором и руководителем подпольной группы. Я за тебя поручилась... Помню, тебе перед войной комсомольский билет вручала... Сохранила его?

Вместо ответа Фруза сняла с колышка праздничное платье и прощупала зашитый в подол комсомольский билет.

— Вот здесь.

Домашние Фрузы уже давно легли спать, а девушки все беседовали. Наташа инструктировала Фрузу, как нужно вести себя на подпольной работе. А утром, незадолго до прихода Володи, секретарь подпольного райкома комсомола ушла.

На следующий день после визита Володи в Ушалы в Оболи на заборах и телеграфных столбах появилось с десяток рукописных листовок с сообщением о разгроме немцев под Москвой и начавшемся наступлении Красной Армии.

Листовки переписали и расклеили Евгений, Илья, Маша Дементьева и Фруза Зенькова.

Подпольная комсомольская организации в Оболи, состоящая пока из восьми человек, начала действовать.

О разгроме немцев под Москвой и успешном наступлении советских войск на Западном, а затем и на Калининском фронтах скоро стало известно не только в Оболи, но и в окрестных деревнях.

Встречаясь у бабушки с дядей Ваней, который, работая на складе, теперь больше, чем кто-либо из ленинградцев, общался с разными людьми, Зина первым делом спешила спросить:

— Ну как наши, что слышно?.. Наступают?

— Судя по всему, произошел крутой перелом в войне... — отвечал дядя Ваня, вынув кисет и затягиваясь махоркой, и делился своими наблюдениями: — Немцы встревожены... Все время в разговоре у них — Москва!..

Москва!.. Говорят, есть секретный приказ Гитлера расстреливать своих отступающих, чтобы задержаться на месте.

— Значит, скоро поедem домой?..— радовалась Зина. Но дядя Ваня, задумчиво качая головой, расхолаживал ее:

— Вряд ли скоро... Вгрызаются немцы в нашу землю. Новые укрепления вдоль железной дороги и шоссе строят. Своими глазами видел.

Зина и сама заметила, как усилилось движение поездов. Со стороны Полоцка чаще обычного стали проходить эшелоны с войсками и военной техникой, а в обратном направлении — из Витебска в Прибалтику — следовали санитарные поезда.

— Немцы уже не скрывают своего поражения. Об этом только и разговор в столовой...— рассказывала дома Солнышко, немного знавшая немецкий язык.— Много обмороженных с фронта везут.

Немцы в эти дни лютовали в Оболи все сильнее. Однажды дядя Ваня специально пришел в поселок — предупредить детей:

— На шоссе не заглядывайте, к полотну железной дороги не только близко, но и вообще не подходите. Патрули расстреливают всех на месте. Немцы опасаются красноармейских десантов.

— Слышали? — строго спрашивала тетя Ира своих сыновей.— От дома ни шагу. Поняли?

Мальчишки упрямо молчали. Ленька при этом искоса испуганно поглядывал на двоюродную сестру: «Расскажет или нет?»

Недавно «братья-разбойники» вернулись домой еле живые, в разорванной одежде, а Ленька вдобавок хромал, опираясь на плечо брата.

— Подранили...— признался он Зине.

— Хотели и меня убить...— добавил Нестерка.

Сняв одежду со старшего, Зина так и ахнула: кровь

обильно текла из простреленной ноги. Хорошо, что пуля только порвала кожу и не застряла, кость не была повреждена.

В Ленинграде в младших классах школы у Зины часто на рукаве белела повязка с красным крестом. А дома она практиковалась делать перевязки на младшей сестренке, благо та охотно ей подчинялась.

Теперь Зина не растерялась. Раздев Леньку, стала промывать ему рану. Она не заметила, как в комнату неслышно вошла «баба-яга». Она имела привычку, не постучав в дверь, заглядывать к соседям. Зина застыла на месте. Увидев полуголого Леньку в крови, немка изумленно вытаращила глаза.

— Это что есть такой? — спросила она.

— На гвоздь напоролся, — испуганно пролепетала Зина, забинтовывая Леньке ногу старым полотенцем.

«Братья-разбойники», насупившись, молчали. Переводчица неодобрительно покачала головой.

— Провода на шоссе обрываль? — догадалась она и, не дожидаясь ответа, удалилась.

Она не ошиблась: братья в самом деле занимались проводами.

«Пропали...» — с глухим отчаянием, в страшной тревоге подумала Зина и, кончив бинтовать ногу Леньке, принялась замывать следы крови на полу.

— Ты только маме ничего не говори, — умоляли Зину братья.

Весь день Зина ожидала появления гитлеровцев или полицаев. Но они, к счастью, не пришли. А под вечер снова заглянула в комнату немка-переводчица, принесла на тарелке ребятам два бутерброда с колбасой и, молча поставив на стол, удалилась. Зина облегченно вздохнула. «Не выдаст, раз кормит», — решила она.

Когда вечером вернулись с работы тетя Ира и Солнышко, Ленька скрыл, что нога у него прострелена. Он объяснил хромоту тем, что упал и ушибся. Мать повери-

ла, не стала ни о чем расспрашивать. Она была сама чем-то сильно озабочена. Зина же развила в этот день бурную хозяйственную деятельность: мыла полы, стира-
ла. С необычным рвением помогал ей и Нестерка. И даже маленькая Галька пыталась подключиться к хозяйственным делам.

— Не твое это дело, — остановила ее Зина. — Я и одна управлюсь. Ты лучше слушайся... Далеко от дома не отходи, когда выходишь гулять.

Стояли сильные морозы, и Зина опасалась, что в своей легкой одежонке и дырявых валенках Галька может обморозиться.

— Ладно... — соглашается Галька.

— Что ладно-то?

— Не уйду.

На ее бледном, с редкими веснушками, лице — полная покорность. Но Галька умеет хитрить: стоит Зине отвернуться, как она все начинает делать по-своему. А когда Зина начинает ее бранить, Галька с невинным видом заявляет:

— Ты же сама сказала...

— Что я сказала?

— Что нельзя уходить далеко.

— Ну-у?..

— А я ушла недалеко.

— До чего же ты умная стала, — укоризненно качает головой Зина.

На осунувшемся лице Гальки снова полное согласие. Разумеется, она не возражает, что ее считают умной.

Глава девятая

Под Новый год совсем низко над Оболью пролетел советский самолет. Он вынырнул из-за леса, рассыпал над станционным поселком и окрестными деревнями разноцветные листки и скрылся в ночном небе. Крутивший всю ночь снежную поземку ветер далеко разнес их.

Зина встала позже, чем всегда, но Галька еще крепко спала, прижимая к себе свою куклу. Зина заглянула в соседнюю комнату. Тетя Ира и Солнышко уже ушли на работу. Нестерка с Ленькой спали вдвоем на деревянном топчане, прикрытые сверху ватниками.

Зина надела свою черную железнодорожную шинельку, повязала голову серым вигоневым платком, который ей дала двоюродная сестра, и только тогда разбудила Гальку.

— Ты полежи еще, поспи. Я мигом слетаю к бабушке за молоком и вернусь. Ладно? — Она укрыла потеплее Гальку попавшимся под руку тряпьем, взяла с собой маленький бидончик и отправилась в деревню.

Уже в поле, когда Зина, зябко поеживаясь, шагала по слабо проторенной снежной тропке, ветер прибил к ее ногам небольшую зеленую бумажку.

«Кажется, листовка...» Оглядевшись по сторонам, Зина подняла ее и, спрятав у себя на груди под блузкой, торопливо зашагала дальше.

В избе бабушки было дымно и душно. Бабушка вместе с Любашей топила печку. Дяди Вани дома не было.

— Утром ушел в свой склад, — сообщила бабушка.

Зина принесла из колодца пару ведер воды, бросила охапку дров в сени, разделась и стала греть в печурке окоченевшие ладони.

— Может, еще чем помочь? — предложила она бабушке.

— Отдыхай, кажется, все сделано... — Ефросинья Ивановна налила немного в бидончик молока для Гальки и вздохнула: — Кончает наша Белокопытка доиться. — Она поставила перед Зиной блюдце с горячей картошкой, пододвинула солонку: — Ешь...

Когда бабушка захлопоталась у печки, Зина осторожно извлекла листовку из-под блузки, бережно разгладила и, отвернувшись к окну, прочла первые крупные строчки:

«Советским юношам, девушкам и подросткам занятых врагом областей!

Дорогие наши юные друзья!

Доблестная Красная Армия по всему фронту перешла в решительное наступление. Славные воины Красной Армии гонят немцев от Москвы...»

Дальше читать в избе Зина не стала. Она тихонько вышла в сени и там с замиранием сердца стала вглядываться в каждую новую строчку листовки:

«Юные советские патриоты!

Наши дорогие соотечественники, друзья!

Собирайте сведения о противнике, о его силах, о передвижении и передавайте эти сведения партизанам и частям Красной Армии.

Рвите телефонную связь врага! Портите немецкие машины и выводите их из строя. Помогайте бойцам Красной Армии уничтожить отступающих немцев. Вредите оккупантам всюду и везде.

Смерть немецким оккупантам!

Прочитав, передай листовку товарищу!»

Вернувшись в избу, Зина не могла удержаться и, сияя, сообщила бабушке:

— Наша Красная Армия наступает... Скоро нас освободят!

— Славу богу!.. — Бабушка истово перекрестилась на висевшие в углу над столом почерневшие от старости, иконы с венчальными свечами и бумажными лентами. — Быстрее бы этих супостатов выгнали.

— Выгонят, — заверила Зина, — теперь уже точно выгонят. — И, поцеловав маленькую Любашу и бабушку, с бидончиком молока в руках отправилась домой.

Все кругом было бело от ослепительного снега: и деревья, и крыши, и безлюдная дорога, по которой шла в своей черной шинельке заметная издалека Зина.

У околицы она замедлила шаги, увидев группу людей с повязками на рукавах.

В это утро вся полиция усердно трудилась, собирая разбросанные с самолета советские листовки. Наряд полиции обыскивал у околицы всех проходивших.

Зина с запрятанной под блузкой листовкой сама шла навстречу своей гибели.

«Что делать?... — лихорадочно размышляла она, замедляя шаг и не решаясь повернуть обратно. — Выбросить листовку — заметят». Зина приостановилась, у нее дрожали ноги.

— Мамочка, дорогая, помоги!.. — прошептала она.

Полицейские, закончив обыскивать какую-то девушку в белом платке, смотрели на Зину.

И тут Зина вспомнила знакомый с раннего детства прием. Если впереди стоят мальчишки, которые могут обидеть и которых она боится, то нужно не сворачивать в сторону — это хуже, — а смело идти, делая вид, что совершенно не обращаешь на них внимания и ни чуточки не боишься. Мальчишки тогда скорее пропустят... Зина вскинула голову и, выставив вперед руку с бидончиком (чтобы был замечен), пошла навстречу полицейским.

— Что несешь?.. — остановил один Зину и, открыв крышку, заглянул в бидончик.

— Девчонка... Она здесь живет, в деревне... — произнес другой, запомнившийся ей черноусый полицейский и подтолкнул Зину в спину: — Проходи!

Зина, не оглядываясь, пошла по дороге, убыстрив шаг. Впереди в коротком овчинном полушубке, закутавшись в теплый белый платок, шла девушка, которую только что обыскивали. Подойдя поближе, Зина узнала в ней Фрузу.

— Обыскивали, сволочи!.. — пожаловалась Фруза и с ожесточением сплюнула в сторону. — Этот молодой гад за пазуху полез, стал лапы распускать. Так хотелось ему по морде дать.

— А меня не обыскивали, так пропустили. А посмотрите, что при мне было.

Молчать после только что пережитого волнения Зина никак не могла. Тем более что эта приветливая белокубая девушка с таким мягким, ласковым голосом очень ей нравилась. Зина вынула из-за пазухи сложенный вчетверо зеленый листок и доверчиво протянула Фрузе:

— Хотите прочесть?

Фруза остановилась, удивленно заморгав глазами:

— У тебя листовка?! И ты не испугалась? Прошла мимо полицаев?

— Испугалась,— призналась Зина.— Сначала очень испугалась, потом ничего.

— А если бы тебя обыскали, нашли листовку? — Фруза испытующе смотрела на Зину.— Смелая ты... Это хорошо. Но будь осторожна. Теперь смерть каждому в затылок дышит... Пожалуй, листовку я у тебя возьму.

— Берите.

Фруза расстегнула воротник своей шубейки и запрягла листовку у себя на груди.

— Знаешь что... Приходи в субботу ко мне в Ушалы на вечеринку. Там наши ребята соберутся...

— Приду...— Зина очень обрадовалась, что с ней разговаривают, как со взрослой.

— Я попрошу твоего брата Илью зайти за тобой.

Когда вечером явились с работы тетя Ира и Солнышко, Зина рассказала о найденной листовке.

— Ты ее домой принесла? — испугалась тетя Ира.

— Нет... я бросила...— схитрила Зина, опустив глаза.

Тетя Ира строго предостерегла:

— С листовками будь осторожна. Не вздумай домой приносить. Себе петлю наденешь и нас погубишь... Слышали, сорванцы? — обернулась она к притихшим Нестерке и Ленке.— Вас тоже касается.

— Слышали...— за себя и за брата ответил Нестерка.

А на следующий день, когда мать и Солнышко ушли

на работу, два давно не стриженных замухрышки-оборванца предстали перед своей старшей двоюродной сестрой. Оба в стоптанных валенках, в разорванных, латанных-перелатанных штанах и куртках, из которых они уже выросли. (На них все словно горело, и мать не успевала их обрывать.)

— Мы тоже достали, — похвалились они и выложили из своих карманов на стол пять листовок, точно таких же, какую нашла Зина. — Возле дороги в кустарнике подобрали.

Зина растерялась. За стеной в соседней комнате — немка-переводчица, за окнами в поселке — гитлеровцы. Часто заглядывают в барак с обысками полицаи...

— Вы кому-нибудь их показывали?

— Ребятам, — признался Нестерка.

— Зачем же вы показывали?.. Не выдадут ваши дружки? Ведь если немцы узнают, всех нас повесят.

— Не-е... не выдадут, — заверил сестру Нестерка.

— И все же я их лучше сожгу... — Зина взяла листовки и сунула в печку.

— Нельзя их жечь! — решительно воспротивился Ленька, выхватывая листовки из печки. — Листовки-то наши, советские... Там написано: «Прочитай и передай товарищу».

— Хорошо, не буду жечь. — Зина снова отобрала у ребят листовки и предложила: — Одевайтесь и шагайте со мной...

Добравшись до опушки леса, приказала братьям:

— Следите, чтобы кто-нибудь нас не накрыл... — и бросала листовки возле дороги.

Домой вернулись другим путем.

У Зины словно гора с плеч свалилась.

— Сидеть сегодня дома и никуда не шлаться! — приказала она братьям. — А то я все расскажу тете Ире.

— Не расскажешь, — буркнул про себя Нестерка, все же подчиняясь приказу сестры.

— Это почему же не расскажу?

— Потому что, — Нестерка хитровато сощурился, — ты нас любишь.

Теперь, когда опасность миновала, Зина снова вернулась к беспокоившей ее со вчерашнего вечера мысли: в чем идти на вечеринку? Ее летние платица, которые она захватила с собой из Ленинграда, поистрепались, а приличной зимней одежды у нее не было.

Вечером, когда пришли с работы тетя Ира и Солнышко, Зина сидела унылая, с заплаканными глазами.

— Что случилось?.. — тревожно спросила тетя Ира.

Зина молчала.

— Она плакала... У нее нет платья на вечеринку пойти, — ответила за сестру говорливая Галька.

Зина вспыхнула:

— Не болтай! — и с укором посмотрела на сестренку.

— Можешь что-нибудь взять у меня, — предложила Солнышко, — но, правда, тебе все будет великовато.

— Зина, не плачь!.. Хочешь, мы тебе достанем платье?.. — подойдя к сестре, спросил Нестерка.

Был он такой забавный со своим хохолком на затылке, так участливо глядел на нее, что Зина невольно улыбнулась сквозь слезы:

— Глупый ты... Где же ты мне достанешь платье?

Нестерка, ничего не ответив, подошел к старшему брату и стал с ним о чем-то шептаться.

Утром братья куда-то исчезли. Явились часа через два. Младший сразу заглянул к сестре в комнату.

— Зина, — зашептал он, почему-то тревожно оглядываясь назад, — выйди в коридор. У нас дело есть.

— Что за дело?

— Выйди... — настаивал Нестерка.

В коридоре стоял Ленька.

— Знаешь, что мы тебе принесли?.. — в два голоса зашептали ребята. — Платье... Смотри... — И Ленька, развер-

нув трещащий от мороза сверток, протянул Зине пестрое, в полоску, видно, недавно выстиранное платье.

Нестерка смущенно глядел в сторону.

— Где вы его взяли?.. — изумилась Зина. — Вы что, хотите из меня воровку сделать?

— Не-е... Это мы сами, — забормотал старший, не решаясь взглянуть в глаза сестре.

— Несите сейчас же обратно, туда, откуда стащили. Мальчишки жались у двери, растерянно молчали.

Зина подошла и сунула в руки Нестерке хрустящий сверток, пахнувший морозом:

— Сейчас же несите. Я никогда не возьму чужого.

Когда ребята вернулись, свертка в их руках уже не было.

— Отнесли?.. — спросила Зина. — Вот уж никогда не думала, что мои братья ворами станут!

Ленька и Нестерка стояли, понуро опустив головы, и так виновато шмыгали носами, что Зине стало жаль их. Ведь мальчишки о ней заботились. Но она все же сказала им, строго сдвинув брови:

— Слышите... Больше никогда этого не делать! А если такое еще раз повторится, вы мне — не братья!

Глава десятая

Когда Илья зашел за Зиной, она была уже готова. Наряжаться в теткин вещи она не стала. Но в свои косички вплела красные ленточки, а шею повязала голубым платком, привезенным из Ленинграда.

— Вот что, Галочка! — предупредила она сестренку. — Я ухожу на вечеринку в Ушалы. С тобой побудут Ленька и Нестерка. Так что ты не скучай. Ты же у меня умница.

Когда она разговаривала с Галей просительно и ласково, младшая на все соглашалась.

Илья, в осеннем пальто, стоял у порога и нетер-

пеливо крутил в руках свою старенькую шапку-ушанку.

Вместе они вышли на улицу.

— Все же отпустила тебя Галька... Сложные у тебя условия, большая забота, — сочувственно сказал Илья.

— Что делать, Илюша. — Зина вздохнула.

Получивший от Фрузы задание привести Зину и немного по дороге ее подготовить, Илья сказал:

— А ты знаешь, Зина, у нас сегодня не обычная вечеринка. Мы, комсомольцы, решили бороться с гитлеровцами. Всеми силами будем помогать нашей Красной Армии. Тебя Фруза тоже решила пригласить в наши ряды... Ты как... готова? Не трусишь?

— Ой, да я со всей радостью!

— Собираемся мы под видом вечеринки... Понимаешь? Подпольную группу создаем, тебя тоже сегодня будут принимать, если ты согласна.

— Конечно согласна. Вот только приняли бы.

— Раз мы с Володькой поручились за тебя, конечно, примут, — счел нужным подчеркнуть свой и Володи авторитет Илья.

В Ушалах, у крыльца небольшой избы с вырезанным из дерева голубем над мезонином, их встретил светловолосый голубоглазый парень в коротком ватнике с распахнутым воротом, в коричневой цигейковой шапке. Он расчищал от снега дорожку.

— Брат Фрузы, Колька, — представил его Илья.

Вглядевшись в лица подошедших, парень первым поздоровался.

— Много снега в этом году... — заметил Илья, остановившись.

— Да, зима снежная, — отозвался парень, продолжая работать, и показал рукой на крыльцо: — Проходите.

Зина догадалась, что это пароль.

Со скрытым волнением вслед за Ильей Зина вошла в горницу, оклеенную полосатыми обоями. На окнах беле-

ют занавески с кружевной вязью. Вдоль стен расставлены скамейки, посредине — стол, покрытый серой льняной скатертью, на котором уже стоит закуска, тарелки, чашки. Подвешенная к брусу потолка над столом десятилинейная керосиновая лампа под жестяным абажуром неярко освещает избу.

Зина с Ильей пришли одними из первых. Но вскоре стали подходить ребята и девушки, рассаживались молча. Собралось уже человек двенадцать, а хозяйка дома отсутствовала. Кто-то, примостившись у порога, крутил самокрутку. У окна настраивал старенький отцовский баян Федя Слышенков.

Наконец в избе шумно, с громкими возгласами, появилась в расстегнутой шубейке Фруза и с ней... такая же румяная от мороза Нина Азолина. Зина от удивления широко распахнула глаза: Фруза и Нинка явились не одни — привели с собой двух парней с белыми повязками на рукаве.

«Полицай!» — обмерла Зина.

Мысль о предательстве ошеломила ее. Она вопросительно взглянула на Илью. Но тот, как-то криво улыбувшись, молчал. Зина беспокойно заерзала. Если бы можно было незаметно скрыться, она тотчас бы ушла. Судя по всему, и Илья не меньше удивлен, выходит, и он обманут. Что же будет дальше?..

— Усаживайтесь сюда, ближе к столу, — даже не успев раздеться, радушно приглашает своих спутников Фруза.

Брат Фрузы, Николай, тоже засуетился возле полицеев, налил тому и другому по стакану самогонки.

С приходом Фрузы вечеринка разгорелась. Играл баян, пели, танцевали. Особенно усердно Нинка. Ее наперебой приглашали Володя, Евгений, молодой полицай... А красивая хозяйка дома в пунцовой блузке, с брошью на груди, в черной юбке, ясноглазая, белозубая, с при-

ятным певучим говором, оживленно угощала полицаев, подливая в стаканы хмельное.

Зина не спускала глаз с Фрузы и с полицаев, которые, развеселившись, чувствовали себя за столом хозяевами.

— Вижу, у вас собираются как по мирному времени... — поощрительно отозвался один из них, смуглолицый длинноволосый парень. И, выпив снова, довольно крикнул и обтер губы рукавом.

— Значит, одобряете? — игриво наклонилась к нему Фруза, одновременно бросив выразительный взгляд на кого-то из своих ребят.

— Одобряем. Собирайтесь почаще, — откликнулся другой полицай с бледным, одутловатым лицом.

— Может, еще выпьете? — потчевал полицаев брат Фрузы. — Вы ведь теперь у нас начальство...

— И большое... — самодовольно заметил полицай и взял было в руки налитый ему стакан.

Но смуглолицый остановил его:

— Хватит... Мы же... государственные люди. Пить нам больше не положено. — И, поднявшись, вдруг гаркнул: — Хайль Гитлер!

Полицай, пошатываясь, сопровождаемые Фрузой и ее братом Николаем, наконец ушли. Танцы в избе сразу прекратились.

Но вернувшаяся в избу Фруза кивнула головой баянисту:

— Играй. — А сама подошла к Зине: — Зайдем ко мне. Поговорим...

Зина покорно последовала за ней в небольшую горенку.

— Я слышала, ты ленинградка. Кто у тебя там? — спросила Фруза, усаживая Зину за небольшой столик.

— Отец и мать.

— Отец работает?

— Да... и мама. На Кировском заводе. А теперь не знаю, живы ли. — Зина тяжело вздохнула.

— Унывать не нужно... Может быть, все обойдется благополучно. В комсомол тебя приняли?

— Нет еще... Я пионерка. У нас в Ленинграде только в восьмом классе принимают.

— Ты знаешь, для чего мы собрались? С тобой разговаривал Илья?

— Да-а, он сказал мне... — прошептала Зина.

— Ну ты как, решилась?

Зина вместо ответа порывисто схватила за руку Фрузу, по-детски прижалась к ней:

— Примите меня. Буду до самой победы с вами.

— Теперь догадалась, на какую я тебя вечеринку приглашала?

— Конечно... Да и Илюша мне все объяснил.

— Значит, решено твердо?

— Да.

— Тогда сегодня будем рассматривать вопрос о твоём приеме. Кратко расскажешь о себе. За тебя поручились Илья и Володя. Пошли к ребятам.

Они вернулись в большую половину избы.

— Теперь можно начинать, — сказала Фруза, окинув глазами собравшихся.

Замолк баян. Ребята перестали петь, ближе подсели к столу. Нина Азолина сидела на прежнем месте одна. Зина заметила, что никто не подсел к ней и что ребята как-то искоса поглядывают на нее. Фруза, казалось, не обращала никакого внимания на эти косые взгляды.

Зина снова насторожилась. «Почему Нинка не ушла с полицейскими? Разве ей место здесь?» — обескураженно думала она.

— Проводил? — спросила Фруза, когда брат вернулся в избу.

Николай, нахмутив свои белесые брови, только махнул рукой и заглянул на кухню. Сразу же оделся и вышел

из избы отец Фрузы, грузноватый и широкоплечий, лет пятидесяти, с небольшой окладистой бородой.

«Пошел дежурить к крыльцу», — догадалась Зина.

— Давайте теперь о деле поговорим... — предложила Фруза.

К удивлению Зины, Фруза вынула из кармана зеленую листовку, ту самую, что накануне утром она передала ей.

— К нам обращаются люди с Большой земли...

Читала Фруза медленно, внятно. Зина, искоса наблюдая за ребятами, видела: Нина Азолина вся обратилась в слух. Валя Шашкова напряженно склонила гладко зачесанную голову над столом. Полузакрыв глаза, внимательно слушал Володя... Пока Фруза читала, никто не проронил ни слова.

Кончив читать, Фруза протянула листовку сидевшему рядом Евгению. Листовка пошла по рукам.

— Как видите, нас призывают к борьбе. Для этого мы и собрались сегодня... Эту листовку нашла и передала мне присутствующая здесь ленинградская школьница Зина Портнова. — Фруза медленно оглядела собравшихся. — Она новенькая среди нас, как и Нина Азолина...

— Ого! — удивленно воскликнул кто-то из ребят.

— Да, Азолина... И ей мы доверяем, пожалуй, больше, чем кому-либо... А сейчас мы должны услышать от них самих, готовы ли они вместе с нами бороться с гитлеровскими оккупантами, мстить фашистам за нашу Родину, за все те страдания, которые они принесли всем нам. Давайте перейдем к приему. Начнем с Нины Азолиной. Рекомендует Нину... подпольный райком комсомола.

Изумленная Зина обернулась к Нине. Та сидела смущенная, опустив свои прекрасные синие глаза. Миловидное, с нежным продолговатым овалом лицо ее пылало.

— Все мы знаем Нину... Вряд ли ей стоит подробно рассказывать о себе.

— Знаем,— поддержал Володя. Он сидел рядом с Ниной и, как заметила Зина, пожал ей руку. То, что Володя равнодушен к Нине, знали все.

По глазам ребят Зина видела, что многие удивлены. Нина встала.

— Да, я прошу принять меня... Я тоже готова и дальше делать все, что поручит райком комсомола и наша подпольная организация.

Нине не задали ни одного вопроса, приняли единогласно.

Фруза снова поднялась с места, и Зина, вспыхнув, услышала свою фамилию и тут же рассердилась на себя: «Ох уж эта глупая привычка краснеть!»

— Рекомендуют Зинаиду Портнову Илья и Володя. Я присоединяюсь к рекомендующим,— сказала Фруза.

Все испытующе глядели на Зину. А она, растерянно опустив руки, стояла перед собравшимися, не зная, что говорить.

— Я из Ленинграда...— тихо, вздрагивающим от волнения голосом начала Зина.— Окончила в Ленинграде семь классов, перешла в восьмой. Жила у бабушки Ефросиньи Ивановны Яблоковой в Зуе... А теперь вместе с тетей Ирой, родной сестрой моей матери, живу в поселке при торфозаводе. Мама и отец остались в Ленинграде.— Голос Зины пресекся от волнения. Едва справившись с ним, она продолжала: — Со мной здесь младшая сестренка...— Она почувствовала, что говорит что-то не то, не самое главное, и смущенно произнесла: — Я тоже готова свою жизнь отдать за нашу победу над фашистами. Прошу принять меня в ваши ряды!

Выступили рекомендующие: Илья, Володя. Кратко каждый охарактеризовал ее как смелую и решительную девочку, упомянул и про переправу красноармейцев.

Опустив голову, Зина словно в тумане — так она волновалась — слышала, как Фруза спросила:

— Принимаем Зинаиду Портнову в свои ряды?

И чей-то голос произнес:

— Принять...

Зина не видела, кто поднимал руку, только услышала:

— Принята единогласно.

Так 4 января 1942 года ленинградская школьница пионерка Зина Портнова стала членом Обольской подпольной комсомольской организации.

Глава одиннадцатая

— Разговаривала я с начальством, — сообщила племяннице тетя Ира, вернувшись с работы. — Им на кухню нужна коренщица: чистить картошку, овощи. Тебя могут взять, если согласна. — И тут же предупредила: — Работа не из легких, но зато тебя будут кормить, да и Галинке сможешь что-нибудь приносить.

Согласившись пойти на следующий день с тетей Ирой и Солнышком к начальству столовой, Зина терзалась мыслью: «Что скажут об этом товарищи?» Не назовут ли ее предательницей? Поделиться своими сомнениями с тетей Ирой или Солнышком нельзя. Она не может нарушить тайну, которую ей доверили подпольщики.

«Что делать? — думала Зина, ложась спать. — Если не пойду работать, то как же жить дальше с Галькой?» Ведь тете Ире всех не прокормить. Выхода нет. Она пойдет работать. Ее, конечно, сразу же исключат из подпольной организации. Правда, Нина Азолина тоже работает на немцев. Но она работает по заданию...

Промучившись всю ночь, утром Зина все же пошла в столовую.

— Вот моя племянница, — представила ее тетя Ира толстому офицеру с нашивками на коричневом кителе. — Я вчера вам говорила...

По бледному лицу тети Иры Зина догадалась, как

нелегко ей вести этот разговор — просить, заискивая, фашиста, которого она так ненавидит!

— Принесешь справку от врача и из полиции! — потребовал гитлеровец, смерив Зину надменным взглядом.

Зина, вместо того чтобы сразу идти к врачу, как ей посоветовала тетя Ира, помчалась в Ушалы.

Фруза встретила ее испуганно:

— Что случилось? На тебе лица нет.

Вышли в сени.

Зина торопливо все рассказала.

— И только-то?! — Фруза облегченно вздохнула. — Фу-у... Как ты меня напугала!.. Я думала, что-то серьезное. — И тут же вслух упрекнула себя: — Как это я раньше не сообразила, что у тебя такое тяжелое положение. Ты не расстраивайся, поступай на работу. Мы даже рекомендуем всем нашим ребятам трудоустроиться. Иного выхода нет. Так безопаснее и лучше для дела. А тебе ведь с сестренкой как-то надо кормиться.

На следующий день Зина, заметно робея, отправилась в комендатуру. Медленно поднялась по крутой лестнице на второй этаж. Терпеливо дождалась своей очереди к начальнику полиции.

Высокий, худощавый обрусевший немец в полувоенной форме, с сухим, надменным лицом и колючим взглядом, выслушав Зину, спросил:

— Почему ты хочешь в столовую, а не на работу в Германию?

— Там же меня берут... — испуганно ответила Зина. — Есть договоренность...

— Кто твой отец? — перебил ее начальник полиции.

— Он в Ленинграде, работает на заводе...

— Больше он уже не работает, — скривил губы начальник полиции. — Ленинград теперь сплошное кладбище. Повымерли все. Как зовут мать?

— Анна Исаковна.

— Еврейка?

— Нет, — Зина энергично затрясла темными косичками, — белоруска... Она, как и отец, местная: здесь, в Зуе, родилась.

— Исак — это в Белоруссии имя распространенное, — счел нужным вмешаться в разговор вошедший полицейский.

— Комсомолка?

— Нет...

Кончив допрашивать, начальник полиции подписал справку.

Зина не помнила, как ноги вынесли ее из кабинета. В коридоре остановилась перед полураскрытой дверью соседней комнаты, где за пишущей машинкой заметила Нину Азолину. Встретившись с ней взглядом, слабо улыбнулась и поспешила к выходу.

Первый день работы в сыром, промозглом подвале кухни показался Зине бесконечно долгим. С огромным трудом продержалась она до конца.

Вечером от усталости едва доплелась домой и сразу свалилась на постель.

— Не до тебя, Галчонок, дай отдохнуть, — только и смогла проговорить Зина, когда к ней сунулась сестренка.

— Ну как? — спросила тетя Ира, зайдя в комнату. — Выстояла? Тяжело тебе?.. И подбодрила: — Ничего, Зиночка, привыкнешь... Нам с Солнышком тоже с непривычки тяжело показалось таскать поднос с тарелками...

Зина только махнула распухшей рукой. Говорить ей не хотелось.

Руки саднили, ломило спину. И ночью все снилось, что она — чистит картошку, режет овощи... Уже целая гора на столе. А сзади все покрикивают, приказывают быстрее работать...

В следующие дни было так же тяжело, но Зина уже

начала втягиваться, привыкать. Появилась необходимая сноровка.

Главное — когда кончался обед, подсобным рабочим наливали по миске супа, давали остатки второго, а картофельные очистки разрешали брать домой.

Сначала напарница — худощавая зеленоглазая блондинка Зося — больше приглядывалась к своей юной подруге, а потом, смешивая в разговоре белорусские слова с польскими, стала учить Зину уму-разуму:

— Смотри... — говорила она, показывая на выющую из-под ножа тоненькую, почти прозрачную картофельную кожуру. — Кожицу снимаешь чуть-чуть. Это когда наблюдают за тобой. А это ты чистишь для себя... — Из-под ножа Зоси теперь выходила толстая кожура. — Следи, чтобы на очистках оставался белый след. Домой придешь, хорошие лепешки приготовишь.

На следующий день Зина так и поступила. Галька и двоюродные братья с удовольствием уплетали лепешки из очисток, которые им напекла Зина.

С напарницей Зина сдружилась. Поочередно отпускали они друг друга пораньше домой. Шеф-повар — толстый, неуклюжий немец с круглой бритой головой в белом колпаке — не возражал: были бы приготовлены вовремя овощи.

А необходимость пораньше уйти с работы у Зины возникала нередко.

...На этот раз «вечеринка» собралась в избе Володи Езовитова, в Зуе. В светлой прихожей висело большое зеркало, и Зина невольно задержалась у него. На нее глядела худенькая девочка невысокого роста, темно-русые волосы заплетены сзади в две косички, в синеватом простеньком платье, в бабушкиных подшитых валенках.

За дверью слышались шаги, и Зина, быстро отскочив от зеркала, направилась к ребятам.

В угловой высокой комнате было значительно просторнее и больше мебели, чем у Фрузы в Ушалах. На стенах несколько цветных репродукций с картин Репина, Шишкина. Для конспирации, как и в прошлый раз, простая закуска и несколько бутылок хмельного. Стол уже при Зине заканчивал накрывать сам Володя.

— Простое решение мы успешно выполнили, — сказал Володя, когда все собрались. — Листовки со сводками Советского информбюро, наверно, читали?..

«А я не читала», — с досадой подумала Зина.

Володя не назвал фамилии исполнителей. Ограничился только общими сведениями. Перешли к приему.

Первым в члены подпольной комсомольской организации приняли черноволосого тихого, застенчивого парнишку, Ефима Лемнева, — у него недавно немцы расстреляли отца и родного дядю. Все сочувственно глядели на него, не задавая никаких вопросов. После Ефима принимали Машу Ушакову из деревни Ушалы и затем соседку Фрузы — Катю Зенькову.

— «Люди из леса» знают, что мы существуем? — поинтересовался Илья, когда после приема перешли к текущим делам.

— Знают... Просили обратить особое внимание на движение поездов и автомашин по шоссе, — ответила Фруза.

— Я слежу за движением поездов. Но мне нужен помощник. Одному трудно, — отозвался худощавый темноволосый парень в железнодорожной куртке.

Внимательно приглядевшись, Зина узнала в нем своего дальнего родственника — Николая Алексеева. Он выглядел «стариком» среди юных подпольщиков. Николаю было уже двадцать три года.

— Получишь помощника... — Фруза скользнула взором по собравшимся. — Мы это продумаем. Надо будет учесть, кто ближе живет к железной дороге... А вот следить за шоссейкой попросим Машу и Тоню Лузгиных.

— Согласны...— за себя и за старшую сестру ответила Маша.

— Сведения будете передавать Володе,— предупредила Фруза.— А Володя мне, по цепочке. В целях конспирации меня теперь называйте Таней. Советую каждому взять себе подпольную кличку.

— Это обязательно или желательно? — спросил Евгений, имевший привычку возражать.— Начиталась ты, Фруза, всякой приключенческой литературы! В условиях деревни, когда все хорошо друг друга знают, клички совершенно излишни, и нечего заниматься всякими пустяками....

— О пустяках нам «люди из леса» советы давать не будут,— перебила его Фруза и спокойно добавила:— Настаивать я не буду. Как, девочки, думаете? — обратилась она к женской половине собравшихся.

И девушки поддержали ее.

— Меня можете звать Ласточкой,— первой откликнулась Маша Лузгина и, взглянув на старшую сестру, добавила:— А Тоню зовите Несмеяной.— И тут же пояснила:— Она у нас редко смеется. Мы ее так дома окрестили. Тоня, ты согласна?

Совершенно непохожая на свою сестру, высокая, стройная, с длинной темно-русой косой, Антонина улыбнулась:

— Ну что ж, пускай буду Несмеяной...

— Орлик,— придумала себе кличку задушевная подруга Фрузы Маша Дементьева.— Так меня звали в детстве...— И шутливо толкнула в бок Нину Азолину:— А тебя как?..

— Василек,— задумчиво отозвалась Нина.

Зина, внимательно слушая, отметила про себя, что эта подпольная кличка очень подходит синеглазой Нине.

— Дело это, ребята, серьезное,— снова предупредила Фруза.— Разговаривать о наших подпольных делах, не оглашая фамилий,— закон конспирации.— И обратилась

к своей подружке-односельчанке Зине Лузгиной: — А тебя как будем именовать?

— Зовите Мальвой. В честь героини повести Максима Горького.

Теперь Фруза смотрела на сидевших рядышком брата и сестру — Митю и Машу Хребтенко.

— Елочка, — назвала себя Маша.

— А я еще подумаю, — отозвался Митя.

И тут Зина уловила взгляд Фрузы на себе.

— Ромашка!.. — смутившись и покраснев, назвала она придуманную кличку, вспомнив почему-то Сережу Есина и последний ленинградский вечер.

— А вы... «братья»? — спросила Фруза, окинув долгим взглядом однофамильцев Езовитовых.

— Так и называй — братьями, — посоветовал Евгений.

— Кто из вас старший, а кто младший? — поинтересовался кто-то из девчат.

— Мы — близнецы! — шутливо ответил Илья.

Ребята засмеялись.

Володя, нахмурившись, нетерпеливо переглянулся с Фрузой. Порывисто поднялся с места.

— Почему нам сегодня так весело? — строго спросил он.

— Володя прав... Ведем себя по-ребячески, — сказала Фруза, — а решаем очень серьезное дело. — Она снова овладела собранием.

Установили пароли. Договорились, как оповещать друг друга в случае опасности. Поручили Володе наметить места, где будут находиться тайники для подпольных документов, систему сигнализации, если в дом подпольщика входить нельзя.

— А как мы назовем нашу организацию? — спросил Володя.

— Не знаю... Я не думала, — растерялась Фруза.

Одно за другим предлагались названия, но они не захватывали ребят.

Беспокойно поерзав на стуле, Зина вдруг решилась и подняла руку:

— «Обольские мстители».

Наступила тишина.

— Пожалуй, неплохо, — отозвался Евгений. — Мне нравится.

— Лучше — «Юные мстители», — поправила Фруза. — Как думаете, ребята?

Название «Юные мстители» всем пришлось по душе.

— С сегодняшнего дня мы все — юные мстители, — подытожила Фруза. — Так давайте делом оправдаем название — будем мстить проклятым фашистам. Прошу, ребята, встать.

Все встали. И Фруза тихонько запела:

Вихри враждебные веют над нами,
Черные силы нас тяжко гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами...

Охваченные единым порывом, песню подхватили все юные мстители.

Январские сумерки быстро опускаются на землю. Сыплет снег, крутит пурга. В зашторенных окнах поселка ни одного огонька. Крутом тишина. Две девушки медленно идут друг за другом между сугробами, по тропке вдоль крайнего посада. Наконец они остановились на углу.

Одна — в плюшевом светлом жакете, закутанная белым полушалком, — как невидимка среди сугробов. Другая — в черной шинельке, темном платке и черных ветхих валенках на ногах — резко выделяется на фоне белого снега.

— Начнем, Ромашка! — прошептала девушка в жакете, озираясь по сторонам.

Она быстро вынула листовку, смазала клейстером, слегка прилепила на облюбованное место и ушла вперед.

Та, которую она назвала Ромашкой, приостановилась, разгладила наклеенную листовку, огляделась и заторопилась вслед. И вдруг метнулась в сугроб, воскликнув:

— Ласточка, ложись!..

На противоположном посаде появились двое. Идут они медленно, один за другим, отворачиваясь от ветра.

— Полицай!.. — вымолвила Ромашка, глубже зарываясь в сугроб.

Зажмурив от страха глаза, они лежат неподвижно, боясь шевельнуться.

— Чуть не влипли!.. — прошептала Ласточка, когда полицейские скрылись вдали.

Крадучись, девушки снова торопливо двинулись вдоль посада.

Внезапно в тяжелых изорванных облаках открылось окошко, в которое выглянул белесый предатель-месяц. Девушки стояли, прижавшись к забору, не решаясь двинуться дальше. И месяц, словно сжалившись, скрылся за облаками. И снова две девушки крадутся по посаду. Наконец на телеграфный столб наклеена последняя листовка. Девушки облегченно вздохнули. Зброшена подальше в снег склянка с остатками клея. Скорее к кустарнику возле оврага. Там находятся на страже Илья и Федя. в случае острой опасности ребята должны отвлечь внимание полицейских.

— Ну как?.. Разгрузились?.. — встревоженно спрашивают они, выходя навстречу и стряхивая с девушек снег.

— Порядок! — вполголоса отвечает Ласточка.

Легко одетая, Ромашка продрогла, но слабо улыбается. Почему-то теперь, когда главная опасность миновала, ее бьет нервная дрожь.

В сумраке над полотном железной дороги вспыхивает и некоторое время горит ракета, освещая поле и участок пути.

— Боятся «людей из леса», — замечает Илья.
Он провожает домой Ромашку, а Федя — Ласточку.
Вернувшись домой, Ромашка снова становится Зиной и погружается в разные хозяйственные заботы.

К своим подпольным кличкам ребята привыкают не сразу. Но Фруза очень пунктуальна в своем требовании не называть друг друга настоящими именами. Для всех подпольщиков она — Таня.

— Хорошо проявили себя Ласточка и Ромашка! — говорит на очередном сборе подпольщиков Фруза. Она отмечает также Мальву и Елочку. Это благодаря им поздно вечером в комендатуре гестапо зазвонил телефон: передавали тревожное сообщение — на дороге из Оболи в Уллу по неизвестной причине сгорел мост. И в заключение Фруза приказывает: — Тем, кто еще не устроился на работу, не медлить ни одного дня. Устраиваться срочно!

И встречает резкое возражение Феди Слышенкова:

— На немцев работать не буду!

— Будешь... Не поступишь на работу, так заставим, — невозмутимо замечает Володя.

Федя весь багровеет:

— Это как понимать?.. «За-ста-вим»! Кто заставит? Ты?

— Только не ершись, Федор Федорович! Не маши кулаками. Что ты боксер, мы знаем. Заставим мы, наша организация. Поступив на работу, ты получаешь возможность бороться. Ты пойми, если тебя завтра заберут и повезут в Германию, нам же придется выручать тебя, — успокаивает Фруза Слышенкова и объявляет: — Организация наша создана. Для повседневного руководства ею необходимо выбрать комитет. Предлагайте кандидатуры.

Называют: Таню, Володю, Евгения, Илью, Орлика и Ромашку.

И вдруг:

— Беру самоотвод! — Это поднял руку Евгений. Последнее время он неузнаваем — хмурый, молчаливый. — Вы, наверно, не все знаете. У меня брат поступил в полицию.

Это известие было полнейшей неожиданностью, в том числе и для Фрузы.

— А ты не знал, что брат собирается поступить в полицию?

— Нет.

— А брат твой знает, что ты — подпольщик? — осторожно спросил Володя.

— А ты как думаешь? — резко ответил Евгений и потупился. Перед его глазами вновь возникла та ужасная сцена.

...Евгений вернулся домой, когда отец и мать уже спали, а старший брат Алесь сидел один за столом. Перед ним стояла бутылка. В избе пахло самогонкой.

— С какой это радости ты пьянствуешь? — спросил брата Евгений.

Глаза у того уже были мутные, осоловелые.

— Я теперича — власть... — заявил Алесь и достал из кармана белую повязку. — Могу и тебя рекомендовать в полицию.

Евгений, побледнев, кинулся к Алесю с кулаками:

— Иуда! Предатель! — выкрикивал он ему в лицо. — Мне стыдно будет в глаза людям смотреть!..

— А привлечь брата на нашу сторону ты не сможешь? — Вопрос Фрузы отвлек Евгения от воспоминаний об этой удручающей сцене.

— Врага не привлекают. Врага уничтожают, — глухо ответил кто-то за Евгения.

Выступил Федя Слышенков:

— Я предлагаю Евгения оставить в списке. У нас нет оснований не верить ему. За брата-предателя Женя не ответчик.

После долгих прений решили самоотвода Евгения не принимать и оставить его в списке. Приступили к голосованию. Все выдвинутые в комитет прошли. Прошла и Ромашка.

Уже к концу собрания пришли партизаны, сопровождаемые братом Фрузы. Их было двое. Средних лет, русоволосый, с короткой бородкой мужчина в сапогах, ватном пиджаке, немного прихрамывающий, и девушка лет двадцати пяти, белокурая, большеглазая, одетая по-деревенски — в овчинную шубейку, темный платок, в валенках.

— Наташа! — перешептывались подпольщики, узнав в девушке секретаря райкома комсомола.

— Ого! Вас порядочно собралось. Наш резерв, — отметил русоволосый, поздоровавшись с Фрузой за руку.

Все сгрудились вокруг гостей. Ребята спрашивали: далеко ли до партизанского отряда? как туда попасть? будут ли партизаны помогать подпольщикам? какое теперь положение на фронте?

— Вижу, вы все настроены уходить к нам в лес? — спросил партизан, прищурившись и широко улыбаясь. — Но этого делать не следует: нам, партизанам, нужны глаза и уши здесь, на месте. Нам нужны здесь и ваши руки, ваша смелость и храбрость в борьбе с врагом. Очень нужны. Уходить к нам надо только в том случае, когда кому-либо из вас будет грозить непосредственная опасность.

Ответив на все вопросы, он счел необходимым предостеречь:

— Не допускайте торопливости в своих действиях. Обдумывайте заранее каждый свой шаг. Помните: враг очень силен, умен и хитер! При вовлечении в свою организацию вы должны соблюдать осторожность и еще раз

осторожность! Ну вот пока все. Надеюсь, мы еще не раз встретимся. Вижу, моя спутница жаждет поговорить с вами по душам.

Наташа обратилась к ним очень задушевно, просто: — Дорогие мои, хорошие! А я ведь многих из вас знаю, помню! Встречались не раз в райкоме комсомола. Да и у вас в Оболи была не раз... Могу от себя добавить: каждый из вас уже зачислен в основной состав партизанского отряда по рекомендации райкома. Ваша комсомольская организация «Юные мстители» (хорошее название придумали!) состоит у нас на учете. Секретарем райком утвердил вашу... — она чуть запнулась, посмотрев на Фрузу, — вашу Таню.

Партизаны пробыли недолго. Их пошли провожать Фруза с братом.

— Вы слышали, о чем предупреждали нас «люди из леса»? — спросил Володя, когда они остались одни. — Без ведома комитета не должна совершаться ни одна диверсия.

— А если руки чешутся? — спросил Федя, невинно улыбаясь.

— Пойди и вымой их с мылом.

Вскоре Фруза вернулась и объявила, что на следующей неделе подпольщики будут принимать присягу. Не удержавшись, спросила:

— А вы знаете, кто с Наташей у нас был?

— Секретарь райкома партии, — отозвался Николай Алексеев.

— А теперь секретарь подпольного райкома, — уточнила Фруза.

Глава двенадцатая

Рано утром в барак с обыском пришли полицейские, тщательно все перерыли, но ничего в комнатах тети Иры и Зины не нашли.

— Можете идти на работу...— пробурчал старший.

— Что они искали? — тревожно спросила Зина.

— Трудно сказать... Столовая у нас ведь курсантская, на особом контроле,— ответила тетя Ира.

Но Зина заметила, что и сама она, и Солнышко тоже были очень встревожены.

Узнав об обыске, у них в тот же день побывал дядя Ваня.

— Нужно быть очень осторожными,— предупредил он тетю Иру и Солнышко.

«О чем он их предупреждал?» — размышляла Зина, отправляясь в Ушалы.

На этот раз юные мстители собирались днем в лесу на заснеженной поляне.

Пришли Наташа и с ней еще трое. Один из них, как потом узнала Зина,— комиссар партизанского отряда. Несколько партизан, вооруженных автоматами, охраняли подступы к поляне.

Завьюженный лес молчал и казался Зине загадочным, таинственным. Дул легкий ветерок. Голубое небо было чистым. Краешек красноватого солнца, еще видимый над макушками деревьев, медленно опускался. Подпольщики выстроились в шеренгу. Из группы партизан вышел уже знакомый ребятам пожилой человек с короткой бородкой и негромко спросил:

— Юные мстители! К присяге готовы?

От шеренги, по-военному чеканя шаг, отделилась Таня и ответила за всех:

— Готовы!

Она первая произнесла слова присяги и встала в строй. Один за другим выходили юные подпольщики. Снова и снова в шероховатой лесной тишине звучали взволнованные юные голоса:

— Я, гражданин Советской Социалистической Республики, верный сын белорусского народа, присягаю и клянусь...

Красным отблеском заходящего солнца озарялась заснеженная лесная поляна. Чуть колыхались верхушки елей. Сыпался легкий снежок.

— ...Не пожалею своей жизни для освобождения моего народа от немецко-фашистских захватчиков...

И когда подошла очередь Ромашки, она, самая юная из собравшихся, с пионерским галстуком на шее, повязанным поверх черной шинельки, звонким, дрожащим от волнения голосом произнесла слова присяги.

Ей, так же как и остальным юным мстителям, торжественно объявили, что она зачисляется бойцом партизанского отряда с правом получить личное боевое оружие.

Ромашка встала в общий строй, гордая сознанием, что связана общей клятвой и жизнь ее принадлежит уже не только себе.

После разгрома вражеской группировки под Москвой войска Красной Армии стремились, используя зимний период, развивать наступление на многих участках Северо-Западного и Западного фронтов.

Усиливая сопротивление, стремясь во что бы то ни стало задержать наше наступление, гитлеровцы перебрасывали сюда войска из Франции и Прибалтики. Транспортный поток на железнодорожной магистрали, проходившей через Оболь, в январские и февральские дни был особенно интенсивным. Эшелоны с солдатами, техникой, боеприпасами, цистерны с горючим следовали почти беспрерывно. Шли и встречные поезда, везли исковерканные танки, разбитые орудия, обломки самолетов. Такое же активное движение наблюдалось и на шоссе.

Получив от партизан задание, юные мстители установили на чердаке избы Николая Алексеева наблюдательный пункт. Кто-нибудь из подпольщиков (чаще всего свои, обольские: Митя и Маша Хребтенко, Зоя Софончик), сменяя друг друга, почти непрерывно находились у слухового окошка, следя за железной дорогой.

Для уточнения их данных Ромашке было поручено побывать на станции и о результатах наблюдения сообщить через связного Тане или Володе. Все сведения концентрировались у них и передавались партизанам, а затем в штаб армии фронта.

— Схожу к бабушке, — предупредила Зина сестренку и «братьев-разбойников». А сама кратчайшим путем, по тропинке через замерзшую речку, отправилась в станционный поселок.

Она подошла к станции, когда, громыхая и пуская седые облака пара, со стороны Полоцка прибыл длинный эшелон с войсками. Полицейские, охранявшие станцию, и гитлеровцы не обратили внимания на девчонку в черной шинельке, повязанную серым вигоневым платком, проскользнувшую, пользуясь суматохой, на перрон и быстро обошедшую весь состав — от паровоза до конца. На перроне толпились вражеские солдаты. Многоголосо звучала чужая речь.

«Тридцать две, — мысленно повторила Зина отмеченное количество теплушек и медленнее прошла обратно по платформе, стараясь определить, сколько примерно солдат в каждой теплушке и к какому роду войск они принадлежат. — Пехота, — пришла она к заключению. — Солдаты в чистом обмундировании, не утомленные, очевидно, следуют на фронт».

Она благополучно выбралась на станционную площадь. Возле стенда, оклеенного разными приказами, цветными плакатами с изображением Гитлера, она должна была встретиться со связным и передать сведения. Зина осторожно огляделась: у стенда — никого. Она сделала вид, что внимательно знакомится с фронтовой сводкой, извещавшей о больших успехах германских войск и о том, что начавшееся контрнаступление Красной Армии под Москвой уже выдохлось.

С плаката на Зину смотрел улыбающийся Гитлер. Он словно злорадствовал, что к ней никто не подходит. Зина

с отвращением взглянула на ненавистный портрет. Ведь это он, Гитлер, лишил ее с сестренкой возможности жить вместе с отцом и матерью в родном доме, учиться в школе. Это он залил кровью белорусскую землю, погубил тысячи советских людей. Не в силах сдержаться, Зина протянула руку и надорвала сверху край плаката. «Ветром сорвет», — подумала она и тут же, скосив глаза в сторону, заметила: у разрушенного сарая стоял человек с белой нарукавной повязкой и глядел в ее сторону. А ветер уже трепал обрывки плаката. Похолодевшая от страха Зина не сразу заметила, что возле нее вырос какой-то парень в ватнике и заячьей ушанке. Грубо подхватив Зину под руку, парень громко произнес:

— Заждалась, моя милашка. Ну-у пошли... — Обняв Зину за плечи, он крепко прижал ее к себе. Зина попыталась вывернуться, но услышала торопливый шепот: — Дуреха! Меня же Таня послала.

Когда они поравнялись с полицейским, парень небрежно похвалился:

— Моя зазноба, Алесь! Капризная до чертиков! — и быстро провел Зину мимо.

За сараем, оглядевшись по сторонам, выдохнул:

— Кажется, пронесло. — И тут же потребовал: — Ну, быстро давай сведения! Неразумная ты еще какая!

Так произошла встреча Ромашки со связным Ванюшей, взявшим себе подпольную кличку Добрыня.

Поздним вечером возле Зуи, на отшибе села, остановились два паренька.

— Подождем его здесь, — прошептал один, и они, маскируясь, прилегли в снег.

Тот, кого они ждали, почему-то запаздывал, хотя должен был явиться раньше их. Они лежали довольно долго и, окончательно продрогнув, поднялись со снега. Пригнувшись, направились по глубокой снежной целине к видневшемуся невдалеке железнодорожному полотну.

Вечер выдался темный, луны не было, облака низко нависли над полем, мела поземка. Перед спуском в кювет ребята замаскировались в снегу, прислушиваясь.

— Чу, идут!

Часовые, охранявшие путь, — а их было тоже двое, — стуча коваными ботинками по шпалам, прошли мимо. А со стороны Полоцка уже доносился грохот приближающегося состава. Один паренек скатился в кювет. Оставшийся наверху махнул ему рукой: все благополучно!

Тогда паренек вылез из кювета, поднялся на полотно и прижался к рельсу...

Уже был замечен изогнувшийся серпом на повороте колеи длинный состав. Светились огоньки в теплушках воинского эшелона.

Приладив мину к рельсу, паренек сполз обратно в кювет. На четвереньках, торопливо работая локтями, ребята поползли к спасительному кустарнику. Тяжело дыша, снова залегли, прислушиваясь. Но в чем дело?! Вот паровоз достиг места, где была установлена мина, и... прошел дальше. За ним, громыхая, проследовали теплушки.

— Не взорвалась!

Ничего не понимая, они все еще ждали, дрожа от возбуждения и холода. Вскоре на Витебск проследовал новый воинский эшелон. Взрыва опять не последовало.

Дня через два юные мстители собрались в деревне Моштище, в избе сестер Дементьевых, которые жили только с матерью. Их отец, бывший председатель колхоза, воевал на фронте.

Подпольщики расположились в большой горнице, заставленной старой мебелью.

— Важное задание прервать движение по железной дороге мы не выполнили, — строго сообщила Фруза.

В избу вошел немного запоздавший Федя Слышенков. Сел позади всех в углу.

— А кому оно было поручено? — спросил Николай Алексеев.

— Операция была поручена Евгению Езовитову, Мите Хребтенко и Феде Слышенкову. Может быть, начнем с тебя, Федя? Говорят, ты так и не явился на место встречи?

Тяжело ступая, Федя подошел к столу и вынул из кармана массивный черный, с круглым барабаном, наган.

— Я пришел... Вот мой свидетель! А трусом меня никто еще в жизни не называл.

Только теперь ребята заметили, что лицо у него вспухшее, в кровоподтеках.

— Почему ты не пришел к ребятам? — спросила Фруза.

— Я пришел первым, — упрямо повторил Федя. — Моя задача была обеспечить безопасность. Я обеспечил.

Выяснилось, что Федя нарвался на полицейского.

— И ты, что же, подрался с ним и отнял наган? — недоверчиво спросил Володя.

Федя резко повернулся к нему.

— Полицай задержал меня, угрожая наганом. И я пошел с ним, чтобы отвести от ребят, которые с минуты на минуту должны были подойти. Пошел, чтобы не сорвать наш план диверсии.

— А полицай? — спросила Маша Дементьева.

— Когда отошли подальше, я его... ликвидировал.

— Убил? — Глаза у Зины испуганно расширились.

— Да, и закопал в снегу.

«Он убил человека. А что, если и мне тоже придется убивать? Смогу ли? Убить человека! Как, наверно, это страшно!» — думала Зина.

— Почему не последовал взрыв — мы ответить не можем, — прерывая тяжелую паузу, за себя и за Митю ответил Евгений. — Спрашиваете, по чьей вине? Очевидно, ответить может только господь бог.

— Значит, вы ни в чем не виноваты? — вспылил Аркадий.

— Виноваты.

— В чем?

— В том, что не знаем, отчего мина не взорвалась. Но тут Зоя Софончик, отличавшаяся прямоотой, подала реплику:

— А дошли ли вы до полотна?..

Евгений побледнел. Вспыхнув, вскочил с места Митя.

— Если сомневаетесь, думаете, что мы струсили, так прямо и говорите! — Голос его дрожал.

Обстановку немного разрядила Василек, сообщив, что в комендатуру поступило донесение: часовые нашли на полотне неразорвавшуюся мину.

— Почему не поручили это мне? — с упреком обратился к Фрузе и Володе Николай Алексеев, работавший на железной дороге.

— Но мы не хотели тебя перегружать, — растерянно заговорил Володя. — У тебя и так ответственное задание...

— Если вы достанете мне магнитную мину с часовым механизмом, я подорву полотно.

— Я поставлю в известность партизан, — сказала Фруза. — Думаю, такую взрывчатку мы достанем. Провал этого задания должен послужить нам серьезным уроком. Все наши операции надо готовить тщательнее. Все мы еще только учимся бороться. И живем по закону — один за всех, и все за одного! Будем бороться с оккупантами, насколько хватит у нас сил, но бороться сообща, опираясь на плечо товарища. Погибать же ради того, чтобы погибнуть, не сделав всего, что ты в силах сделать — глупо! — Только теперь она взглянула на Зину, и та еще ниже опустила голову. — На днях один из наших подпольщиков днем, на глазах полицейского, стал срывать плакат с изображением фюрера... Хорошо, что вмешался наш товарищ, выручил, а полицейский, очевидно, не заметил. Но все могло кончиться очень плачевно... Это грубое нарушение закона подпольной конспирации.

Зина сидела, понутив голову, словно на горячих углях.

Глава тринадцатая

— Ты одна дома? — спросила Валя стоявшую на крыльце в ветхой шубейке нараспашку, с большой тряпичной куклой в покрасневших ручонках Гальку.

— Одна... Зина еще не пришла с работы, а «разбойники» пропали. С утра их нет. — Тут же похвалилась: — У нас сегодня праздник — день рождения Зины! Я ей вырезала из бумаги и подарила закладку для книг. Зина любит читать... Вот Ольга у меня заболела. Вынесла ее погулять. А ты к нам?

— Скоро Зина придет?

— Не знаю... Наверно, скоро.

— Иди домой, а то замерзнешь.

— Пойду... — согласилась Галька. — Я уже замерзла.

— Придет сестра, скажи ей, что я заходила. Скажешь?

— Ладно, скажу... А что, правда, у вас котята вывелись? Мне Зина говорила.

— Правда... — улыбнулась Валя. Это была сестра юных мстителей Маши и Нади Дементьевых, за живость характера и мальчишескую привычку лазить по деревьям прозванная Белкой. Она выполняла обязанности связной у подпольщиков. — Так скажешь Зине, чтобы она обязательно сегодня же зашла к нам.

— Скажу... А котят мне покажешь?

— Обязательно покажу. Хочешь, одного беленького, ушастого, тебе подарю?

— Ой, спасибо! — обрадовалась Галька и тут же пригорюнилась: — Зина не разрешит. Она у меня строгая...

...Весь вечер Ромашка вместе с Орликом и Надей переписывала печатными буквами сводку Советского информбюро. Светловолосая Белка сидела рядом за столом. Под носом у нее тускло светила коптилка, а Белка вслух дик-

товала, с трудом разбирая написанную Володи́ей карандашом на тетрадном листке сводку:

В последний час

На Калининском фронте советские войска снова перешли в решительное наступление.

Заняли несколько городов, в том числе Торонец, Пено, Адрианополь и ряд других городов и селений. Захвачено много пленных. Наступление

продолжается...

Ромашка и Надя писали быстро, а Орлик отставала...
— Не торопись, не спеши... — останавливала она Белку. — И читай потише, мы не глухие. А то мать и Гальку разбудишь.

Мать сестер — Анна Андреевна — находилась в соседней комнате, а Галька спала на сундуке. Рядом с ней расположилась кошка со своими беленькими котятами.

— Про наш Витебск опять ничего не сообщают, — вздыхала Орлик. — Где же эти Адрианополь и Торонец находятся? На пути к Витебску или нет?..

Переписывать закончили в полночь. Только улеглись спать, как услышали гул летящего над деревней самолета.

Все в избе насторожились.

— Наш... — по звуку определила Надя.

Краснозвездные самолеты зимой все чаще и чаще стали появляться над Оболью.

Еще засветло Зина вышла из избы Дементьевых, захватив с собой пачку переписанных листовок, чтобы по пути занести Несмеяне и Ласточке, которым предстояло их расклеить. Галька осталась у Дементьевых, Белка обещала привести ее домой, когда та проснется.

Всю ночь бушевала пурга. Зина с трудом пробиралась сквозь наметенные сугробы и вдруг возле пустого сарая

с раскрытой крышей и скрипевшими на ветру воротами услышала чей-то слабый голос.

В испуге Зина остановилась.

Из-за угла, пошатываясь, показался залепленный снегом человек в ватнике, в шапке-ушанке и в брюках, заправленных в валенки.

Человек что-то невнятно спросил, и Зина только по голосу определила, что перед ней — женщина.

— Как эта деревня называется? — скорее догадалась, чем расслышала Зина.

Она тут же сообразила, что перед ней советская разведчица, очевидно сброшенная ночным самолетом.

— Я отведу вас к своим. Вы не бойтесь. — Зина подхватила женщину под руку и, увязая в сугробах, повела по едва различимой тропке.

Она решила идти к Лузгиным. Возвращаться назад к Дементьевым опаснее: их изба на видном месте. А Лузгины живут на отшибе, с краю оврага, к их избе можно подойти незаметно.

Когда в избе Лузгиных парашютистке помогли раздеться, перед хозяевами предстала худенькая, белокурая, с короткой стрижкой, девушка лет восемнадцати. Ее посадили на лавку, растерли ноги, дали сухие валенки.

— До Витебска далеко? — спросила она.

— Близехонько, милая... — ответила ей мать сестер Лузгиных. — Не бойся, мы тебя укроем.

Глава четырнадцатая

Зима подходила к концу. Дороги разбухли, становились непроезжими. По утрам на землю ложился густой влажный туман. С гулким скрежетом вскрылся лед на реке.

— Весенняя распутица сдержит наше наступление, — с надрывом кашляя, говорил дядя Ваня.

Влажная погода плохо действовала на него: лицо за-

метно пожелтело, под глазами появились темные круги. Он часто жаловался на сильную боль в груди.

— Не жилец наш Иван на белом свете, — с горечью говорила бабушка Зине. — Бросил курить, да разве теперь это поможет?

Пиджак висел на дяде Ване, как на вешалке, — так он исхудал. И все же дядя Ваня держался на ногах, ходил на работу на склад.

— Весной болезнь всегда обостряется, — успокаивал он домашних. — Вот увидите, доживу я до нашей победы!

Большие надежды дядя Ваня возлагал на ожидаемый разгром окруженной в районе Демянска, недалеко от границ Белоруссии, 16-й гитлеровской армии.

— Теперь им не выйти из мешка. Наши разобьют их, и сразу откроется дорога на Старую Руссу, а затем на Полоцк и Витебск, — объяснял он Зине, и она мысленно пыталась представить себе неведомую Старую Руссу, через которую можно попасть и в Ленинград.

Когда снег стаял и немного подсохла земля, юные мстители начали собираться в лесу возле Ушал. Там нашелся удобный островок среди болота. Хорош он был тем, что вокруг зыбкая почва, пробраться к островку можно только по одной тропке. Немцы и полицаи не могли сюда нагрянуть со стороны. Ориентиром служили высокая труба расположенного невдалеке кирпичного завода да сохранившаяся на опушке леса с довоенной поры деревянная вышка. Приходили сюда поодиночке или вдвоем, а на тропке стоял, маскируясь в кустарнике, дозорный.

Лес почти на глазах одевался листвой. Воздух был пряный, теплый.

Ребята, расположившись под деревьями на яркой молодой траве, радовались весне, теплоте солнышку и этой обманчивой лесной тишине, нарушаемой лишь стуком дятла.

— Все время мы росли, — доложила на одном из лесных сборов Фруза. — Почти на каждом сборе кого-нибудь принимали. В феврале нас было 18. В мае — 24. А теперь — уже 38. Мне посоветовали пока воздержаться от дальнейшего приема. Секретарь райкома Наташа даже схватилась за голову, когда услышала, что нас уже почти сорок человек. Считает своей ошибкой, что вовремя не предупредила нас.

— Почему?! — слышались голоса.

— Мне тоже казалось, чем многочисленнее организация, тем она сильнее. Но райком разъяснил, что в условиях подполья многочисленность опасна.

— А как в отношении кандидатов, тех, о ком мы на комитете уже вели разговор? — спросил Володя.

Он не допускал мысли, что кто-либо из ребят может стать на путь предательства.

— Подождут. — Фруза была непреклонна. Раз «люди из леса» предостерегают, советуют, нужно прислушаться.

Впрочем, ей и самой казалось, что каждого в своей организации она знает назубок, за каждого готова поручиться головой. Она гордилась, что в ее родной деревне, состоявшей из полутора десятков домов, было семь подпольщиков. В соседней — Мостище — восемь. В Зуе — тоже восемь человек. В поселке Оболь — четыре. Остальные — в окрестных деревнях.

Она невольно взглянула на стоявшую неподалеку у березки Нину Азолину. Как подпольщица Василек была неоценима. Всякие справки, чистые бланки, столь необходимые для партизан, Василек могла достать довольно легко. Василек стала глазами и ушами подпольщиков также благодаря хорошему знанию немецкого языка. Сказалось то, что в школе Нина была круглая отличница. «Василька и Алексеева надо беречь особо», — подумала Фруза, а вслух сказала:

— Давайте перераспределим обязанности, наметим, кто и чем станет заниматься в ближайшее время.

После удачной диверсии — взрыва воинского эшелона от подложенной Николаем Алексеевым магнитной мины с часовым механизмом — она хотела сохранить его только для диверсионной работы, поэтому имело смысл перенести находящийся у него на чердаке наблюдательный пункт.

— Как думаете, ребята, — обратилась она к Елочке и Мите, — что, если устроить у вас на чердаке наблюдательный пункт? Правда, немного подальше, но все равно плотно видно. Надо Железнодорожника освободить.

Она никак не ожидала, что брат и сестра как-то разом сникнут, нахмурятся и будут долго молчать.

— Нет, Таня, нельзя к нам наблюдательный пункт... — наконец вымолвила Елочка. — У нас отец антисоветски настроен. Он верит в победу Гитлера.

Фруза растерялась, встретив спокойный, умный взгляд голубых Елочкиных глаз.

— Зайди как-нибудь к нам, — печально подтвердил Митя слова сестры, — убедишься сама.

— Обязательно зайду, — пообещала Фруза и подумала: «Оказывается плохо знаю наших комсомольцев, как они живут. Надо побывать в доме у каждого...»

А через неделю Фрузу огорчила новая неприятность. От Василька был получен сигнал: в списке гестапо, среди намеченных к отправке на работу в Германию, значатся брат Фрузы Николай и Валя Шашкова. Им нужно было срочно бежать к партизанам.

Найденные и конфискованные советские листовки и газеты теперь часто поступали в комендатуру гестапо.

Улучив момент, когда поблизости не было начальства, Нина Азолина погружалась в эти запретные материалы. Из них она узнала о подвиге героев-комсомольцев Саши Чекалина и подмосковной школьницы Тани — Зои Космодемьянской. Стало понятно, почему Фруза взяла себе такую же подпольную кличку.

Однажды, увидев Зину на усадьбе, Нина позвала ее к себе. Зина охотно перелезла через прясла изгороди.

— Хочешь, я тебе что-то покажу? — шепотом спросила Нина и увлекла Зину в свою комнату.

Небольшая чистенькая комнатка Нины была очень уютна: кровать с голубым покрывалом, цветы на подоконнике, раскрытый томик Пушкина на небольшом столике, на стене картина — одинокий воробей на голой зимней ветке.

Нина вынула из сумки завернутый в платок запретный номер «Комсомольской правды». Там был очерк о героях-комсомольцах.

Зина с трепетным волнением взяла в руки газету, которая пришла с Большой земли.

— Видишь, Зиночка, подмосковной Тане, когда ее повесили, было восемнадцать лет. А Саше Чекалину только шестнадцать. А как гордо он шел на смерть! — сказала Нина, снова пряча газету в сумку.

— А если у тебя найдут газету, тебя же расстреляют! — ужаснулась Зина.

— Могут, — спокойно подтвердила Нина. — Но я привыкла каждый день рисковать.

— Нельзя, Ниночка! Глупо поступать так, безрассудно! — В волнении Зина стала ходить по комнате и вдруг замерла у окна: — Знаешь, что я придумала? Видишь на краю усадьбы липу? Там внизу я заметила дупло. Давай приспособим его под тайник. Ты будешь оставлять там все, что нужно передать Тане. А я, когда приду к бабушке, обязательно буду его проверять.

И вот через несколько дней, отработав в подвале кухни свою смену, Зина зашла домой, взяла Гальку и отправилась в Зую.

Дяди Вани не было дома. Только бабушка и Любаша, которая тут же радостно им сообщила, что у Белокопытки

родился теленок. Он стоял в углу, у печки, в соломе, голенастый, со впалыми боками и рыжеватой шерстью, и таращил на Зину круглые коричневые глаза.

— Какой хорошенький! — Зина погладила теленочка и, оставив Гальку с ним играть, вышла на усадьбу. Она сразу направилась к дальней лице. Просунула руку в дупло, достала записку и, прочитав, побледнела.

«Несмеяна и Ласточка заболели...» Было ясно: сестры Лузгины арестованы.

Зина сразу же помчалась в Ушалы.

Фруза была дома, сидела за каким-то шитьем. Весть ее ошеломила.

— Когда?.. Где?.. — забросала она Зину вопросами. — Девочки никого не выдадут, я уверена... Ах, какую большую оплошность мы допустили!.. Нужно было в свое время поделиться на пятерки. Каждой пятерке не знать остальных и действовать своими силами... И подсказывали ведь нам «люди из леса»... Медлить ни минуты нельзя. Надо срочно предупредить всех подпольщиков о нависшей опасности...

Накинув на голову платок, Фруза заторопилась в Мостище к Дементьевым, чтобы попросить Анну Андреевну сходить к матери сестер Лузгиных и у нее узнать о причине ареста дочерей.

В этот день связные подпольщиков Белка и младшая сестра Феди Слышенкова Шура сновали на дорогах Оболи и соседних селений, направляясь каждая по своему маршруту. Заходили в избу, где жил подпольщик, вызывали для разговора на улицу и произносили одну и ту же фразу: «Вечеринка отменяется». Это был условный пароль, означавший состояние тревоги.

Правилами разработанной юными мстителями конспирации предусматривалось: в случае такого сигнала всем находиться в полной готовности и ввиду явной опасности или при получении следующего сигнала немедленно уходить в лес к партизанам.

Соблюдая необходимую осторожность, Фруза все же сумела на дороге из Зуи в Оболь встретиться с Ниной Азолиной. Но причина ареста сестер Лузгиных и Васильку не была известна. Тогда Фруза решила попытаться разузнать что-либо через Евгения.

— Я с братом почти не разговариваю, — сухо ответил Евгений на ее просьбу, но все же согласился осторожно что-нибудь разведать.

Зина в этот вечер спать даже не ложилась. Собрала на всякий случай в узелок необходимые вещи и присела рядом с разметавшейся во сне Галькой, настороженно прислушиваясь к каждому шороху. Так она просидела всю ночь. А утром, уходя на работу, предупредила «разбойников»:

— Если я сегодня домой не вернусь, Гальку одну не оставляйте... Меня могут немцы схватить и отправить в Германию. Теперь многих так забирают...

День прошел в тревоге и неизвестности. Никаких сигналов от Тани, Василька или других подпольщиков не поступило.

Только вечером, когда пришли домой из столовой тетя Ира и Солнышко, обстановка немного прояснилась.

— Ты слышала, Зина, в деревне Мостище двух девушек забрали? — спросила тетя Ира. — Говорят, зимнюю одежду советской парашютистки у них нашли.

— Слышала... — с трудом разомкнула губы Зина и медленно, с трудом преодолевая головокружение, вышла из комнаты.

Глава пятнадцатая

В избе Дементьевых собрался только комитет — созывать на сбор всех юных мстителей Фруза не рискнула.

— Почему не пришла Василек? — тревожно поинтересовался Володя.

— Я сй пока запретила приходить на комитет. — И после тяжелой паузы сообщила: — Выяснились обстоятельства ареста. На усадьбе Лузгиных висело белье. Там же сушились и зимние вещи советской разведчицы. Очевидно, кто-то из соседей выдал, или полицейские сами заметили.

Но то, что узнал от брата и сообщил Евгений, еще более повергло ребят в уныние. На усадьбе Лузгиных, возле погреба, гестаповцы во время вторичного обыска нашли зарытый в землю вполне исправный пулемет, который, очевидно, сестры принесли из лесу.

Все знали: за сокрытие оружия, особенно армейского, полагался расстрел.

— Я виновата, — корила себя Фруза. — Нужно было самой лично побывать у каждого, убедиться, как соблюдается конспирация.

— Кто-нибудь, кроме Тани, был у матери Лузгиных? — спросил Евгений.

— Я была, — отозвалась Орлик. — Антонина Алексеевна в страшном состоянии — осталась одна-одинешенька. Сидит в избе, горько плачет. — При этом Орлик и сама расплакалась.

Володя предложил воздержаться пока от дальнейших диверсий и ждать приказа от партизан, к которым Фруза уже послала связного.

— Но как же... Мы с Железнодорожником уже подготовили диверсию, — заговорил было Митя.

— Отложить! — решительно произнесла Фруза. — Ведь сейчас решается судьба Лузгиных.

— Какое же примем решение? — нетерпеливо спрашивал Федя.

— Что ты предлагаешь? — спросил Володя.

— Как что?! — вскочил с места Федя. — Наших товарищей взяли, а мы сидим, как мыши в норе. Завтра кого-нибудь другого тоже схватят, а мы так же будем бездей-

ствовать? Предлагаю организовать группу из ребят, выкопать запрятанное оружие и напасть на комендатуру.

— Глупо и неосуществимо, — отозвался Володя. — Они перестреляют нас, как цыплят.

Федя вскочил с места, выхватил из кармана наган:

— Завтра же пойду в комендатуру. Выпущу всю обойму. Отвлеку на себя внимание...

Володя подошел к Слышенкову:

— Очень я тебя прошу, убери свою игрушку. Хочу тебя предупредить по-товарищески. С оружием больше к нам не являйся. Убери подальше. Слышишь?! Тщательно спрячь, так же как и мы спрятали. Оно нам еще пригодится. Притом мы ведь даже не знаем, где сейчас находятся Ласточка и Несмеяна.

— Ребята, не горячитесь. Давайте подождем, что предпримут партизаны. — Фруза с нетерпением ждала возвращения посланной в отряд связной. А она что-то запаздывала.

Не принес ничего утешительного и следующий день. Фруза снова заглянула к сестрам Дементьевым. Дома были только мать и Орлик. У них все было готово, чтобы уйти в лес.

— Ну как?.. — сразу бросилась к ней Орлик.

Фруза устало опустилась на лавку:

— Не вернулась Белка?

— Нет... Мы сами беспокоимся. Не попала ли в руки полицаев?

Фруза задумалась.

— Вот что, Орлик. Если сегодня Белка не придет, завтра пойдешь ты. — А про себя подумала: «Тоже, может быть, на смерть посылаю!»

Но Орлика не пришлось посылать. Уже в сумерках в окошко избы Зеньковых тихо постучали. Фруза распахнула раму.

— Тетя Фруза, это я...

Через минуту, живая и невредимая, шустрая Белка

уже сидела на лавке в избе и рассказывала, блестя глазами, как она выполнила задание:

— Передала записку в руки самому главному командиру. Туда и обратно прошла спокойно, без особых приключений. Правда, возле реки собаки чуть не покусали, да ночью в лесу было страшновато. — Вот записка вам от командира.

Фруза расшифровала записку: партизаны приказывали юным мстителям до выяснения судьбы арестованных воздержаться от диверсий. Она понимала, что было бы безрассудством рассчитывать сейчас на нападение партизан на комендатуру гестапо: Оболь наводнена гитлеровцами, многочисленные гарнизоны стоят и в окрестных селениях. И все же тайная надежда на чудо, которое спасет Ласточку и Несмеяну, почему-то не оставляла Фрузу.

Она, пожалуй, по-настоящему только теперь стала сознавать, какая огромная ответственность лежит на ней за судьбу всей подпольной организации, за жизнь каждого юного мстителя. Теперь не было дня, чтобы Фруза хотя бы мимоходом не заглянула в Оболь. Там, на окраине, среди вековых деревьев бывшего помещичьего парка, белело здание, в котором находилось гестапо. Там, у крыльца, расхаживают часовые. Они могут застрелить каждого, кто появится возле здания, особенно после комендантского часа. Возможно, в этом здании теперь и находятся Ласточка с Несмеяной? Что с ними? А может быть, их уже нет в живых...

С фронтов в это лето приходили тяжелые вести. Гитлеровские войска снова наступали, захватив почти всю Украину, подходили к Сталинграду и Волге, находились в предгорьях Кавказа.

Не хотелось верить немецким сводкам, но Володя, изредка слушавший советское радио, подтверждал:

— В самом деле немцы наступают... Добились крупных успехов...

Заборы в Оболи пестрели фашистскими листовками со свастикой и крупным заголовком: «Сталин в своем приказе признает поражение советских войск...

Три четверти природных и промышленных богатств потеряны и находятся в руках рейха. У советских людей нет теперь донбасского угля, украинского хлеба. Не осталось в европейской части России чугуна и стали...»

«Неужели все это правда?» — с тоской думали юные мстители. Гнетущее настроение подпольщиков усугублялось и полной неизвестностью о судьбе сестер Лузгиных.

Время шло в тревожном ожидании. Неделя... Другая... Выдержат ли пытки Ласточка и Несмеяна? Не расскажут ли о существовании подпольной организации?

Стало ясно, что освободить их с помощью партизан нет никакой возможности. Гитлеровцы, как назло, усилили наблюдение за всеми подступами к Оболи. Пробраться сюда незамеченной даже небольшой группе партизан было совершенно невозможно...

— Есть какие-нибудь новости? — тревожно спросила Ромашка, встретив на станционной площади Мальву.

— Нет... А ты тоже ничего о них не знаешь? — И тут же, схватив Зину за руку, прошептала: — Смотри, поли-
цай!

Полицейский подошел к забору, наклеил какое-то объявление и отправился дальше. Девушки прочли объявление и остолбенели от ужаса. Это был приказ оккупационных властей о том, что «жительницы деревни Мостище Антонина и Мария Лузгины за укрывательство советских военнослужащих и за сокрытие оружия приговорены к расстрелу».

Многие комсомольцы в этот страшный для подпольной организации сумрачный день пришли на площадь, оцепленную немцами.

Люди подходили робко, вставали там, где им приказывали полицейские. Увидев среди собравшихся Зою Софончик, Зина подошла к ней, прижалась теснее, как бы ища защиты.

— Смотри, и Таня пришла, — толкнула Зоя свою подругу. — Ведь комитет запретил ей приходить сюда!..

Народ на площади все прибывал. В толпе Ромашка увидела Володю, Машу Ушакову, Катю Зенькову. В другой стороне — Илью, Евгения, Елочку, Митю... Появился дополнительный наряд гитлеровцев, вооруженных автоматами.

Но вот толпа всколыхнулась, загудела. Послышались возгласы:

— Ведут! Ведут!

Сестры шли под конвоем. Обе босые, в разорванных платьях, избитые, окровавленные. Старшая поддерживала младшую.

И тут толпу пронзил тонкий женский крик:

— Маша! Тоня! Доченьки мои!.. — И мать бросилась к своим истерзанным дочерям.

Но стоявшие впереди полицейские схватили ее. Мать, собирая остатки сил, вырывалась из цепких рук. Собравшаяся толпа волновалась. Кто-то истошно рыдал...

Машу и Тоню конвоиры поставили у кирпичной стены склада, на которой был наклеен приказ оккупационных властей, а сами отошли в сторону. Сестры стояли обнявшись, прислонясь к стене. Они были такие хрупкие и слабенькие, эти девочки, с такой невыразимой мукой глядели на толпу, что теперь плакали многие.

— Будьте вы прокляты, злыдни!.. — закричала Тоня, обернувшись к немецким офицерам. — Наш народ отомстит вам!..

Раздался залп. И сестры, не отпуская друг друга, медленно опустились на землю.

Через сутки после казни по поселку было развешано сообщение комендатуры гестапо. Крупным шрифтом извещалось, что перед расстрелом сестры Лузгины признались в совершенных преступлениях и назвали фамилии своих сообщников, которые теперь разыскиваются. Но подпольщики знали от Нины Азолиной, что это очередная провокация гестапо. Ни одного подпольщика Маша и Тоня под пытками не выдали.

Гибель сестер Лузгиных, их нестигаемое мужество глубоко потрясли подпольщиков. Отомстить гестапо жаждали все.

Стало известно, что мать сестер Лузгиных, Антонина Андреевна, исчезла. На дверях крыльца ее избы висел замок. Что с ней и где она — никто из соседей в деревне не знал.

«Может, гестапо забрало», — с беспокойством подумала Фруза и на следующий день направилась в Зую.

— По делам общины зашла к вам! — сказала она, входя в избу Евгения.

Вся семья была в сборе. Особенно учтиво Фруза поздоровалась с Алесем. Сразу же затеяла с ним разговор и умело перевела на то, что ее интересовало. Однако ничего об Антонине Андреевне узнать не смогла. В конце их беседы Алесь признался:

— Лучше служить в полиции, чем ехать на работу в Германию.

Спорить с ним Фруза не решилась, но ушла от Езовитовых несколько успокоенная за Евгения: «Вряд ли Алесь, если о чем и догадается, выдаст брата».

Под тем же предлогом — общинных дел — побывала Фруза и в семье Хребтенко. Усадьбу Хребтенко в поселке нашла скоро — там стоял сарай, на воротах которого был живописно намалеван зеленый черт с тонким длинным хвостом, рогами и красными, как спелая малина, глазами. Это была работа брата Елочки, Мити. Весь дом был украшен его поделками из корневищ.

Отец Мити и Маши казался на вид приветливым, добродушным. Фруза постаралась завести с ним непринужденный разговор, в котором высказала опасение, что война не скоро кончится.

— Чего рассуждать-то? — грубовато оборвал он ее. — Немцы уже победили. К зиме окончательно будет покончено с Советской властью.

— Ну, это еще как сказать! — не сдержалась Фруза, но, взглянув на молчавших брата и сестру, осеклась.

— Эх, милая!.. Ты еще молода, чтобы по-своему понимать, — заметил ей Хребтенко-старший. — Сильный всегда побеждает слабого.

«Пришиблен гитлеровской пропагандой, — пришла к выводу Фруза. — Выходит, Елочка и Митя были правы, отказавшись устроить у себя наблюдательный пункт...»

«Все осложняется с каждым днем. Кто мог предполагать, что среди родственников подпольщиков могут оказаться ненадежные люди?.. Живешь и не знаешь, откуда ждать опасности... — размышляла Фруза по дороге. — А действовать все равно надо... И отомстить за Несмеяну и Ласточку мы должны!.. Только вопрос — как?!»

О мести теперь думали все подпольщики. Предлагали разные планы. Порой фантастические: взорвать комендатуру, поджечь все дома, в которых живут гестаповцы. Но вскоре случай осуществить реальный план этой мести подпольщикам представился.

Они встретились на этот раз на дороге совершенно неожиданно — Фруза, Володя, Евгений и Федя. И почти тут же к ним подошли Зина с сестренкой и Нина Азолина. Поздоровавшись кивком головы и оглянувшись по сторонам, Василек многозначительно сообщила:

— Вот что, ребята. В ближайшие дни в Оболь придет полковник из Берлина... Предлагаю не выпускать его обратно.

— Давайте зайдём ко мне, — сказал Володя, — а то что-то нас здесь много собралось. Только вот... — Он с сомнением взглянул на Гальку. — Она мешать нам станет...

— А мы устроим так, что она помогать нам будет, — успокоила его Зина.

Она посадила Гальку на улице возле крыльца и втолковала ей, что, пока все они с тетей Фрузой будут находиться в избе, Галька не должна сходить с места:

— Увидишь, если кто к дому подходит, сразу же начинай громко петь.

— А что мне петь?

— Свою любимую песенку.

— Какую?.. У меня много любимых.

— Ну хотя бы про комарика. Помнишь?

Я по садику, по садику гуляла,

Я с комариком, с комариком плясала.

— А если пойдут полицаи, то громче пой, — посоветовала Фруза.

Пока подпольщики совещались в избе у Володи, Галя сидела на скамейке и разговаривала с петухом, который, подойдя к девочке, остановился, наклонив свою тяжелую голову с мясистой бородкой.

— Ну чего ты землю роешь, шалавый?.. Сердишься, что я здесь сижу? Но я все равно не уйду. Подумаешь какой воображала! Вот буду сидеть, и все...

Несколько раз подпольщики в избе настораживались — слышалась с улицы песня Гали. Ребята выглядывали в окно и, убедившись, что мимо проходили люди, не вызывавшие опасения, принимались снова обсуждать сообщение Василька.

Федя, недолго раздумывая, предложил убрать полковника, приезжающего инспектировать местное отделение гестапо, подложив мину с часовым механизмом в коммундатуру.

— Взорвать вместе со мной? — усмехнулась Нина.

Ей не успели ответить — на улице вдруг громко запела Галя.

— Идут двое полицаев... — сказала Ромашка, глянув в щель калитки.

Полицаи шли, заметно покачиваясь. Очевидно, где-то по дороге их угостили. Остановились возле Гальки.

— Складно поешь, — сказал один и погладил девочку по голове.

— Не трогай! — рассердилась Галя, отдернув его руку.

— Э-э... какая у тебя Матрена, — протянул другой руку к кукле.

Девочка быстро запрятала куклу за спину:

— Не дам!

— Да мы твою Матрену и не возьмем.

— Это не Матрена, а Ольга.

— Ты чья будешь?

— Я — нездешняя... Я — ленинградская, — ответила Галя, глядя исподлобья на полицаев.

Зина испугалась за сестренку. Она хотела было выскочить к ней, но Володя задержал ее руку.

— Подожди... Они, кажется, уходят, — прошептал он.

Убедившись, что полицаи ушли, ребята тоже решили расходиться, а план диверсии обсудить в ближайшие дни на комитете. Васильку поручили более обстоятельно узнать о дне приезда берлинского гостя.

Комитет собрался в Мостищах, в избе у сестер Дементьевых. Полученные от Василька сведения заставляли торопиться. Выбрали тройку: Володю, Евгения, Федю — непосредственных исполнителей диверсии. Другая тройка: Илья, Митя, Аркадий — брала на себя подготовительную работу. В подсобную группу наблюдателей вошли: Зоя, Елочка, Ромашка. Обеспечить диверсантов взрывчаткой поручалось самой Тане.

Глава шестнадцатая

Площадь станционного поселка, где должна была состояться встреча населения с берлинским гостем, срочно приводилась в порядок. Сколачивался из досок помост. Заключение, которых пригнали из местной тюрьмы, подметали дорогу, чинили заборы прилегающих к площади дворов. Грузовик привез и вывалил кучу песка. Пешеходные дорожки теперь желтели, приняв нарядный вид. Площадь, куда к полудню уже согнали народ, с четырех сторон оцепили солдаты с автоматами на груди. Немного позади сверкали на солнце медные трубы оркестра.

Зина стояла в сторонке, соображая, где легче пробраться поближе к трибуне. Рядом с ней остановилась пожилая женщина в черном полупальто, очках.

— Не приехал? — спросила она у Зины. — Говорят, самого Гитлера ждут!

Зина не успела ответить — к ним подошел полицейский и отвел за цепь солдат.

— Стойте здесь и кричите «ура», когда мимо вас будут проходить офицеры! — приказал он.

«Ну уж меня-то «ура» кричать не заставишь», — подумала Зина.

Полицейские то и дело шныряли в толпе, приглядываясь к собравшимся.

Подготовка к встрече завершалась. На низком помосте стоял стол, накрытый белоснежной скатертью. Рядом — фашистское знамя со свастикой.

Послышалась команда на немецком языке. Подъехал черный блестящий лимузин. Из машины вылезли два офицера-гестаповца с нарукавными белыми повязками со свастикой. И за ними медленно вышел худощавый подтянутый полковник в фуражке с высокой тульей, с Рыцарским крестом на шее. Заиграл оркестр.

Приезжий гость стоял в группе военных, принимая парад. Гремела музыка, трещал барабан, откуда-то появлялись

вились люди в полувоенной форме, с фотоаппаратами и кинокамерой. Вслед за солдатами прошли нестройной группой девушки в белорусских нарядах, с венками и цветами. Сопровождали их полицейские. Важный гость приветливо помахал им рукой. Над толпой пронеслось жиденькое «ура», вырвавшееся из полицейских глоток.

— Сколько погубили цветов! — прошептала Зина своей соседке.

— Не по своей воле они идут с цветами, — вздохнула женщина. — Полицаи два дня у нас по деревне шастали — добывали старинные белорусские наряды. Да и все палисадники обчекрыжили.

Вслед за девушками пошли дети — школьники, тоже с венками на головах и с букетами в руках. Вели их два бравых ефрейтора, четко отбивая шаг. Впереди шли совсем малыши, за ними — ребята постарше. Фотографы еще больше засуетились, забегали, снимая процессию с удобных мест.

Зина вдруг замерла, широко раскрыв глаза. Среди ребятшек в парадном шествии она увидела свою Гальку — тоже с венком на голове, съехавшим набок, но без цветов в руках.

Раскрасневшаяся Галька шагала, озираясь по сторонам. Лицо у нее было сердитое, брови насуплены. Три девочки постарше, очевидно дочери полицейских, тоже в белорусских народных костюмах, несли хлеб-соль на развернутом белом полотенце, вышитом ярко-красным орнаментом.

Солдаты подвели детей к важному гостю. Тот принял подарок. Кто-то из подроспевших офицеров освободил его от ноши, положил каравай на стол. Подошли двое офицеров с раскрытыми коробками шоколадных конфет и стали оделять детвору.

В этот момент к Зине пробрался Илья. Дернул за рукав и, выразительно показав на стоявший невдалеке под охраной автоматчика черный лимузин, шепнул:

— Следи, куда поедет. Я тоже... Потом встретимся... — и отошел.

Парад кончился, музыка затихла.

Приезжий гестаповец с помощью переводчика обратился к собравшимся с речью. Бахвалясь, он говорил о больших успехах армии фюрера, о том, что немецкие солдаты подошли к главной реке России — Волге, а гитлеровское знамя уже водружено на самой высокой вершине Кавказского хребта.

Когда гитлеровец закончил свою речь и направился к машине, Зина выбралась из толпы. Все ее внимание было сосредоточено на черном лимузине. Она проследила, как машина со знатным гитлеровцем проехала к комендатуре. Народ расходился. По пути Зину догнал Илья, крепко сжал ей руку:

— Можешь сходить домой. Отведешь Гальку. Она где-то здесь болтается. Придешь часа через два... — и исчез.

Зина шла медленно, пропуская вперед прохожих. И вскоре она действительно заметила Гальку. Сестренка шагала по тропинке вместе с «братьями-разбойниками» и что-то оживленно им рассказывала. Сердито схватив сестренку за руку, Зина обнаружила в зажатом Галькином кулачке смятую шоколадку.

— Ты-ы... взяла конфету? — ужаснулась Зина.

— Я не хотела брать... — испуганно стала оправдываться Галька. — Я взяла Любочке, она же больная.

— Предательница ты... — Зина оттолкнула от себя сестренку.

— Я не предательница... — Галька горько, навзрыд, заплакала. — Не называй меня так... Злюка ты. Я пришла домой, а тебя нет. И я пошла тебя искать... Я пошла туда, куда шел весь народ...

Сквозь Галькины всхлипывания Зина сумела разобрать, что, попав в Оболь, девочка наткнулась на полицейских, которые вели детей. Галю тоже забрали в эту

группу, надели на голову венок, дали в руки цветы и повели на парад.

— Я не просила... — сквозь слезы бормотала она. — Он мне сам протянул и сунул в руку... — Лицо у Гальки было таким скорбным, заплаканным, что Зине стало жалко ее.

— Ладно. Ругаться больше не буду. Но без спроса сама не ходи никуда.

Наскоро покормив дома сестренку, Зина поспешила обратно в Оболь, на берег реки, где должна была встречаться подсобная группа.

Там ее уже поджидали.

— Затеяли волынку... — недовольно бурчал Федя. — Я же предлагал на комитете — выйти на дорогу навстречу машине с полковником и в упор выпустить всю обойму. — Федя вынул из кармана завернутый в платок наган, сдул пылинки. — Ну как, поручаете мне?..

Володя подошел к Феде, взял его под руку:

— Друг мой несравненный! Твоими устами, как всегда, глаголет глубокая мудрость. Но забываешь, что у «мерседеса» стекла могут оказаться пуленепробиваемыми. А потому мне не хочется готовить венок на твою могилу.

Никто из подпольщиков точно не знал, когда проедет полковник.

Володя вынул из кармана завернутую в платок магнитную мину с часовым механизмом. Окинув взором ребят, остановился на Фрузе:

— На который все же час заводить?

— А я откуда знаю! Решай сам.

— Легко сказать, решай... — усмехнулся Володя. — Я готов хоть сейчас попытаться пробраться к машине. Но когда, в какой час должен сработать механизм?..

Посоветовавшись, подпольщики решили послать Ромашку к Васильку в комендатуру.

— Зайдешь к ней как соседка по деревне. Предлог подбери сама, — сказала Фруза.

И Зина отправилась на задание... Вот и страшное здание комендатуры.

— Куда прешь? Сегодня у начальника приема нет! — набросился на Зину стоявший у входа в комендатуру полицейский.

— Я к своей соседке, Нине Азолиной, у нее с отцом плохо. Он у нее парализованный.

— Ну тогда проходи.

Вскоре вернувшись, Ромашка передала поджидавшей ее Елочке:

— Уезжает сегодня, в пять! — а сама, как ей посоветовали, пошла домой.

К машине, стоявшей у забора комендатуры, приблизился Евгений.

— Домой скоро придешь? — обратился он к брату-полицая, охранявшему машину.

— Не подходи!

— Чего кричишь, не съем я твою машину.

— Тебе говорю, не подходи... — В руках полицейского блеснул револьвер.

— Озверел ты, я вижу, слово брату не дашь сказать.

— Чего тебе здесь нужно?

«Отвлечь еще хоть на минуту... две!» Краем глаза Евгений следил, как с противоположной стороны к машине подползает Володя. Его должен страховать своим оружием Федя.

— Увидал вот тебя и остановился...

«Еще одна минута. Володя уже у багажника... Все! Отползает назад. Теперь медленно-медленно можно уходить».

Женя повернулся спиной к брату, потоптался на месте, пошел, чувствуя на своей спине недобрый взгляд.

...На следующий день в Оболи пронесся слух, что машина с полковником на пути в Полоцк подорвалась, якобы наскочив на мину.

Это была лишь первая месть юных подпольщиков за погибших сестер Лузгиных.

Подпольная организация «Юные мстители» активизировала свою деятельность.

На сходках заслушивались лаконичные информации Тани и Володи:

...На линии железной дороги на полоцком направлении произошла очередная авария. Взорвалась в эшелоне цистерна с бензином.

...Подорвались на шоссе на минах две машины.

...Снова взорван исправленный немцами мост на шоссе, возле Крутого оврага.

...Выпущены листовки с сообщением Совинформбюро. Фамилии исполнителей не назывались.

Глава семнадцатая

Днем во двор кухни-столовой, где в подвале работала Зина, прибежала Галька. Она забралась на поленницу дров и замахала рукой, стараясь скорее привлечь внимание Зины. А когда старшая сестра подошла, одним духом выпалила:

— К нам полицаи приходили. Тетю Иру и Солнышко забрали.

Зина с трудом дождалась конца рабочего дня. На крыльце понуро сидели Ленька и Нестерка. Мальчишек не было дома, когда явился наряд полиции. Проститься с матерью и сестрой они не успели. В комнатах все разворочено, разбросано.

Немного позже в барак пришли бабушка и дядя Ваня с Любашей. Бабушка со слезами на глазах рассказывала:

— Кричат мне соседи: «Ефросинья! Твою Ирину с внучкой ведут». Я выбегла на дорогу, догнала... Ведут

со скрученными сзади руками. Сунулась я к ним, так эти антихристы отогнали.

Дядя Ваня понуро молчал.

— Не плачь, бабуля... — упрашивала Любаша, пытаюсь взобраться к бабушке на колени. — Я-то осталась... Меня-то полицай не увел.

На следующий день Зину вызвали в комендатуру. Допрашивал ее молодой следователь в черном мундире, с сухими колючими глазами на безбровом лице. Все его вопросы сводились к одному: знала ли Зина, что ее родственницы — Ирина Езовитова и Нина Давыдова — имели связь с партизанами?

— Нет... — отвечала Зина искренне. Она и в самом деле ничего об этом не знала, даже не догадывалась.

— Никуда не выезжать из поселка, — наконец предупредил следователь, заставил расписаться в протоколе и затем указал на дверь: — Иди...

Когда Зина вернулась с допроса, в подвале кухни ее встретила Зося. Обрадовалась, что Зину отпустили. Обычно не разговорчивая, села рядом с Зиной и старалась ее успокоить и ободрить. Но успокоиться Зина не могла. Дежурившие в этот день возле станции Маша Ушакова и Катя Зенькова видели: арестованных посадили на дрезину и под конвоем повезли в сторону Полоцка. Надежды, что их немцы отпустят, уже не было.

А через несколько дней заметно встревоженная Зося подошла к Зине и шепотом спросила:

— Сказать тебе?..

Золотистые волосы Зоси, обрамлявшие нежное голубоглазое лицо, в сумерках подвала словно светились.

— Вызывали меня... Расспрашивали про тебя. Приказали следить за тобой. Очевидно, теперь тебя прогонят из столовой или увезут в Германию. — И Зося выругалась по-польски. Она ненавидела гитлеровцев не меньше ленин-

градской школьницы. Вся семья Зоси — отец, мать, братья — была уничтожена, когда фашисты заняли Польшу.

Зина обняла свою сменщицу и заплакала:

— Спасибо тебе, Зося.

Все валилось из рук Зины, но, преодолевая себя, она чистила картофель, шинковала капусту.

С кухни то и дело заглядывали, торопили, кричали, требуя, чтобы она быстрее работала.

Домой она шла, еле передвигая ноги. А там ее ждали теперь трое голодных ребят.

Возле барака, у старой березы, не обращая внимания на накрапывающий дождь, тесно прижавшись друг к другу, сидели Нестерка и Ленька. Они ждали мать.

Зина вытряхнула из фартука на стол картофельные очистки, устало свалилась на стул.

— Мочи моей нет... — пожаловалась она Леньке и Нестерке. — Вы сами что-либо сделайте, приготовьте...

И проголодавшиеся «братья-разбойники» сами принялись растапливать печку, готовить себе и Гальке обед из картофельных очисток.

Но Галька отказалась есть. Хныкала, жаловалась, что болит голова. Явно заболела — сухой кашель, лоб и руки горячие...

— Беда ты моя!.. — чуть не плача, повторяла Зина. — Ну что я с тобой буду делать?

Нет больше тети Иры и Солнышка, посоветоваться не с кем. Ночь прошла в тревожной дремоте. Встала с красными глазами. Сестренка тоже проснулась и немного попила водички, Зина стала упрашивать Гальку:

— Ты лежи, лежи... не вставай. Я сегодня пораньше приду. — А сама не знала, придет ли вообще... Разбудила в соседней комнате двоюродных братьев, спавших вместе. Попросила: — Приглядите за Галькой... Заболела она.

С трудом пересиливая себя, пошла на работу. Кружилась голова — во всем теле чувствовалась слабость. «Не заболеть бы!»

Три дня Зина находилась в большой душевной тревоге из-за Гальки. Да и сама, с трудом перемогаясь, едва держалась на ногах.

После работы забежала к бабушке.

— Пой ее отваром сухой малинки, — посоветовала бабушка.

И Зина готовила отвар и поила сестренку. На четвертый день, заглянув к бабушке, радостно сообщила:

— У Гальки уже температуры нет.

— Слава богу... — перекрестилась бабушка.

— Не могу я к вам попасть-то, провести... — тяжело закашлявшись, хрипло проговорил дядя Ваня. — Сам вот еле хожу, качаюсь.

Вернувшись к себе вечером, Зина чутким слухом уловила: кто-то тихо стукнул два раза в окно. Два раза стучат, — значит, свои. Выбежала на крыльцо.

Белка молча сунула Зине записку и исчезла.

В записке условным кодом передавалось задание на следующий день забрать от Василька подготовленные для партизан сведения, чтобы затем переправить по назначению.

Зина, прочитав записку, вдруг успокоилась. Она не одна! У нее много друзей...

После работы она снова отправилась в Зую. На этот раз в бабушкиной избе Зина застала неприятного гостя. Грузно развалившись на лавке, за столом сидел пьяный полицейский Чиж. Он теперь часто при встречах с односельчанами хвастался, что может сгноить в тюрьме любого. Чиж держал на коленях маленькую Любочку. Девочка рвалась из его рук, плакала, а он дурным голосом смеялся.

— Ты чего, прод, пристал к ребенку? — ругалась из кухоньки на него бабушка. — Отпусти...

Зина молча подскочила к Чижу и выхватила у него Любочку.

— Вот ты как!.. — Оторопевший полицейский, пьяно

пошатываясь, встал, вынул из кармана револьвер и приступил к Зине, заслонившей собой Любочку. — Пришла ленинградская барышня! Не уважаешь полицейского? — Он поднял руку, растопырив грязную пятерню: — Видишь? Хлопну — и ничего от тебя не останется. Но молчу... сохраняю твою жизнь до поры до времени...

— Чего пристал к детишкам? Уходи! — снова прикрикнула на полиция бабушка.

Чижд мутным взором окинул Ефросинью Ивановну:

— Твое счастье, Ивановна, что ты старая. Старых я уважаю... А то бы поставил и тебя к стенке... Прощевайте пока. Недосуг мне с вами прохлаждаться.

Вышел из избы, громко хлопнув дверью.

— Брежет все сивый дьявол... Всех пугает. Откупаться приходится... — ругалась бабушка.

Зина едва перевела дыхание от страха. Вышла на усадьбу. Рядом чернела изгородь Азолиных. Возле изгороди стояли еще не потерявшие своей листвы тополя и липы, краснели ягоды на рябине.

Зина подошла к липе, просунула в тайник руку.

«Есть...» Оглянувшись, спрятала у себя на груди пахнущий землей небольшой сверток. Теперь этот сверток ей предстояло передать Феде или Илье.

У избы Феи Слышенкова стояла невысокая, худощавая светловолосая девчонка-подросток с тонкими, ободком, бровями на скуластом лице. Это была Шура, младшая сестра Феи. Тоже связная.

— Федя дома, — доверчиво сообщила она Зине.

И Зина прошла вслед за ней в избу. Ей невольно бросилась в глаза висевшая над Феиным столом до слез знакомая фотография красивой темноволосой девушки. «Ласточка!» — невольно вздохнула Зина.

Федя молча принял у нее сверток.

— Все, — односложно сообщила Зина, давая понять, что дальнейшего разговора в присутствии Феиных домашних не будет, и поспешила домой.

Своих двоюродных братьев Зина застала за несвойственным им делом. Вооружившись иголками и нитками, те чинили свою одежду. Галька стирала в ведре какую-то тряпку.

— Кругом помощники! — невольно улыбнулась Зина. — Буду теперь жить, как барыня!

Сломав иголку и на этом закончив свою ремонтную деятельность, к ней подошел Ленька и грубоватым голосом, отводя глаза в сторону, сказал:

— Мы хотим к линии фронта пробраться. Так что нас не ищи.

— Глупо! — огорченно ответила Зина. — Очень глупо!.. Значит, меня одну оставляете с Галькой?

Ленька потупился:

— Мы хотим за маму и тетю Нину мстить.

— Глупо, очень глупо! — повторила Зина. — Отомстят взрослые. А вдруг тетя Ира и Солнышко придут, а вас нет! Что я тогда им скажу?

Кажется, эти слова отрезвили мальчишек, но с этого дня к Зининым тревогам прибавилась новая — за них.

Соблюдая конспирацию, к Зине никто из подпольщиков не заглядывал. При редких встречах на улице Фруза спрашивала:

— Как дела? Как живешь?..

— Ничего! — бодро отвечала Ромашка. — Живем.

Она ни на что не жаловалась. Ничего не хотела ни у кого просить. А жить ей становилось все труднее. Очень плохо было с обувью. У ребят, кроме тряпок, которыми обертывали ноги, ничего уже не было. А зима надвигалась, о ней напоминали октябрьские утренники, когда вся жухлая луговина покрывалась седой изморозью.

Глава восемнадцатая

Фруза пришла к Зине в воскресенье. Заглянула сперва к ней, затем в соседнюю комнату — к ребятам. Никого

нет. Пытливо огляделась по сторонам. Пусто и мрачно. Тощие соломенные тюфяки на кроватях, застланный газетой стол у окна, большой деревянный сундук у стены, покрытый какой-то дерюгой.

На улице разыскала мальчишек.

— Зина с Галькой ушли к бабушке, — сообщили братья.

Стояли они перед ней, засунув руки в карманы драных штанов, давно не стриженные, угрюмые. Один — светловолосый, с добродушными голубыми глазами, другой — смуглолицый, чернявый и быстроглазый.

— Кто же вас теперь кормит?

— Зина! — угрюмо отозвался старший.

«Как это она управляется со своим семейством?» — невольно подумала Фруза.

— Скажите сестре, что я завтра снова зайду.

В коридор из своей комнаты вышла соседка-немка. Она пристально посмотрела на Фрузу, поправляя на груди белый пуховый платок.

— Вас что ходит?.. Кого нужно глядеть?.. — спросила она.

— Подругу! — бойко ответила Фруза, а про себя отметила: «Под строгим надзором живет Ромашка! Нужно быть осторожной».

А Зина в это время была в деревне, разговаривала с дядей Ваней. Он уже несколько дней не вставал с постели.

— Плохо мне, Зинуша!.. — грустно произнес он. — Последние деньки доживаю. — И, видя, что рядом больше никого нет, понизив голос до шепота, вдруг признался: — Это я Ирину и Солнышко с партизанами познакомил. Через меня они получили задание следить за курсантами, кто с какого фронта, из какой части... Скажешь потом ребятам, что их мать и твоя сестра погибли за Родину. — Дядя Ваня с трудом откашлялся. — А наши обязательно

придут... — снова продолжал он, слегка приподнимаясь на постели и глядя помутневшими, воспаленными глазами на племянницу. — Придут... Наши победят! Вот только я, жаль, не доживу... Прошу я тебя, Зина... Ты теперь уже большая. Позаботься о Любочке... малышка еще она. Бабушка совсем плохая, вряд ли до победы протянет... На твое попечение оставляю...

«Теперь он скоро умрет», — испуганно подумала Зина. Она вышла из избы, не видя ничего вокруг от застилавших глаза слез.

...На другой день Фруза, как и обещала, снова пришла в барак.

— Пришла я к тебе по очень важному делу, не требующему никакого отлагательства... — И, ничего больше не объясняя, принялась внимательно осматривать комнату.

— Чего ты ищешь? — не выдержала Зина.

— Ищу то, что у вас в комнатах должно находиться, — произнесла Фруза и как-то загадочно и выразительно указала глазами на мальчишек.

Дождавшись, когда они убежали во двор, объяснила:

— Ищу небольшой пакетик в черной глянцевой бумаге. Я сама передавала его твоей тете Ире. Он должен быть где-то у вас.

«Значит, Фруза знала, что тетя Ира и Солнышко работают в столовой по заданию партизан, — подумала Зина, присев на колченогий стул. — Тогда, выходит, и они знали, что я нахожусь в подпольной организации, поскольку так снисходительно относились к моим отлучкам из дома».

Вдвоем они осмотрели все углы в комнатах, заглянули в щели на полу.

— А что было в этом пакетике? — спросила Зина.

Фруза промолчала.

Зина вспомнила, что в день ареста полицейские все перерыли в комнатах.

— Может быть, полицейские уже его нашли?

— Твое счастье, что не нашли... — отозвалась Фруза и снова стала елозить по полу, ощупывая пазы в досках.

Возможно, они никогда бы не нашли то, что искали, если бы в комнату незаметно не проскользнула крайне любопытная Галька.

— А я знаю, что вы ищете, — наконец решилась она подать голос.

Зина и Фруза уставились на нее.

— Что?.. — осторожно спросила Фруза.

— Черный пакетик.

Зина и Фруза остолбенели от неожиданности.

— Ты видела, куда его тетя Ира спрятала? — спросила Зина.

— Видела... Она думала, я сплю. А я не спала, когда она прятала. Я ведь хитрая: лежала в постели и в щелочку подглядывала.

— Ну и куда же она спрятала?

— А я не скажу.

— Почему? — не выдержала Зина.

— Ты же сама мне говорила: «Что слышишь и видишь, никому не говори. Говорят только болтуны и предатели».

— Ты расскажи нам. Мы же свои, — попыталась ее уговорить Фруза.

Галька упрямо покачала головой. Но потом, взглянув на Фрузу, неожиданно спросила:

— А если я скажу, немцы отпустят тетю Иру?

— Могут отпустить, — уклончиво ответила Фруза.

— Тогда я скажу... А тетя Ира не будет ругать, когда вернется?

— Вот ведь какая дотошная. — Фруза горько усмехнулась. — Никто тебя ругать не станет. Ну... говори!

— В Ольгу запрятала, — указала Галя рукой на свою куклу, лежавшую на кровати.

Прощупав живот куклы, Зина с Фрузой переглянулись: что-то зашило.

Услав Гальку на улицу, они распороли куклу и обнаружили небольшой пакетик в черной плотной бумаге.

Зина так и ахнула: сколько раз Галька приходила к ней во двор столовой с этой куклой! Ольгу держали в своих руках и солдаты, даже шеф-повар.

— Что же теперь? — шепотом спросила Зина.

— Сама не знаю. Арестовали твоих родственников по подозрению в связи с партизанами. Один из связных оказался предателем — выдал их. Мне только поручено разыскать этот пакет с ядом. Очевидно, диверсию проведет кто-нибудь другой.

— Оставь этот пакет мне... — медленно, словно обдумывая каждое слово, сказала Зина. — Я работаю в подвале. Кухня рядом...

За дверью в коридоре слышались голоса.

Зина выглянула в коридор.

— Полицаи к немке пришли... — сообщила она шепотом.

— Как же быть? — растерялась Фруза. — Вдруг меня задержат?.. Знаешь что, пускай этот пакетик здесь до завтра полежит. — Фруза торопливо сунула пакетик за обои, в щель стены. — Ты снова, когда они уйдут, зашей его в куклу. Завтра я приду и заберу.

Расставшись с Фрузой, Зина вынула черный пакетик из-под обоев, вложила обратно в куклу и тщательно зашила, стараясь, чтобы был незаметен шов. И тут скрипнула дверь. На пороге стояла немка-переводчица. Смотрела на Зину, державшую куклу.

— Вам чего? — испуганно спросила Зина.

— Вас всех скоро в Германию отправят... — прищурившись, сообщила соседка. — Там... людьми станете. — Переводчица еще раз пытливо осмотрелась по сторонам и ушла, прикрыв за собой дверь.

Кукла выпала у Зины из рук.

— Ни за что в вашу проклятую Германию не поеду! — прошептала она и заметалась по комнате, не зная, что

предпринять. Потом долго стояла у окна, за которым медленно угасал день. Решение пришло окончательно. Да, завтра она обязательно сделает это. Зина больше не колебалась. Завтра удобный день. Шеф-повара на кухне не будет. Он собирался утром ехать в Полоцк. Вряд ли он вернется к обеду. Останется только его помощник, злой и сварливый. — Завтра я отомщу за Ласточку и за Несмеяну... за тетю Иру и Солнышко. За всех отомщу...

Утром, собираясь на работу, Зина с обычной тщательностью убралась в комнатах. Делала она это скорее машинально, по привычке. Разбудила сестренку. Галка капризничала, ей не хотелось вставать, но Зина растормошила ее и даже помогла одеться.

— Теперь слушай внимательно!.. Не перебивай! — приказала она сестре. — К обеду придешь ко мне во двор столовой. Не три глаза, слушай!.. Возьмешь с собой обязательно Ольгу. Слышишь?.. Обязательно приходи с Ольгой. Только смотри не запаздывай... Я тебе что-нибудь припасу вкусненькое. Поняла? Ленке и Нестерке скажешь, чтобы с утра отправлялись к бабушке и сидели там, пока я не приду.

Явившись на работу в подвал, Зина удостоверилась: шеф-повара нет. Значит, он в самом деле уехал в Полоцк. Немка, работавшая на кухне и немного знавшая русский язык, спустилась к ней в подвал и тщательно обыскала Зину.

— Гут! Гут! — сказала, отпуская Зину работать. — Столовой требуется порядок.

Зине казалось, что время идет поразительно медленно. Она часто выглядывала из подвала во двор, но Гальки все не было. Только бы она не подвела, пришла к обеду! Часовые к Гальке уже привыкли, разрешают сидеть на поленнице дров, тихо играть, дожидаясь старшую сестру. Пропустят и теперь.

Двор, окруженный дощатым забором со ржавой колючей проволокой, захламлен: штабеля березовых дров, кучи

торфяных брикетов. Часовой, как всегда, на месте — у ворот. Подходило время, когда должны были являться обедать офицеры. А Гальки все нет.

Со двора Зина видела через окна обеденного зала, как официантки раскладывали на покрытых белоснежными скатертями столах приборы, ставили вазочки с осенними цветами. Зина уже начинала терять терпение, но тут заметила, что Галька, в своем пестром платице, в длинной старенькой коричневой плюшевой жакетке, которую ей где-то раздобыла бабушка, и в белом платочке, уже сидит на чурбане за поленницей дров. В руках сестренки была ее неразлучная Ольга.

Зина подскочила к Гальке.

— Молчи! — приказала она и, быстро полоснув по материи тем же ножом, что резала овощи, вытащила черный пакетик. Спрятав его себе за пазуху, она швырнула куклу на поленницу и снова приказала сестренке: — Молчи, не хнычь! Беги что есть духу к бабушке. Там меня дождись. Слышишь?.. Я скоро приду.

Голос старшей сестры был так повелительно-строг, что Галька без возражений пошла к воротам.

Вернувшись в подвал, Зина почувствовала, что уже не может больше работать — тряслись руки. Казалось, пакетик с отравой жжет грудь, от страха трудно дышать.

Крадучись, пробралась на кухню. Там шла работа. На раздаточном столе выростала горка тарелок. Рядом такая же горка нарезанного хлеба... Из раскрытого медного котла на плите шел пар, разнося приятный мясной запах. Широкая спина повара маячила в разных концах кухни. В тот момент, когда повар, прихрамывая, что-то понес к раздаточному столу, возле которого хлопотала немка в та-кой же, как у повара, белоснежной куртке, Зина приблизилась к пышущей жаром плите и, приподнявшись на цыпочках, слегка вздрагивающей рукой высыпала содержимое пакетика в котел. Легко и бесшумно выскользнула из кухни. Пакетик разорвала на мелкие клочки и выбросила.

Спустившись к себе в подвал, Зина прильнула к сырой, холодной стене, стараясь прийти в себя. Сильно билось сердце, кружилась голова.

Теперь, как только повар заполнит тарелки и немка выставит их на раздаточный стол возле окошка, официантки станут разносить порции по столам. На все это уйдет минут пять, не больше. А дальше?.. Что будет дальше? Может, лучше уйти из подвала и что есть духу бежать в деревню к бабушке, взять Гальку и сразу же уходить в лес, к партизанам?

Сверху слышались тяжелые шаги... Зина едва успела подойти к своему рабочему месту и сесть на табуретку, как в подвал, грузно шаркая, медленно спустился немец-кладовщик с мешком картофеля за спиной. Оттащив мешок в угол, он присел в проходе на ступеньку, тяжело дыша и смахивая со лба пот.

Шинкуя капусту, Зина лихорадочно размышляла: нет, сразу же уйти из подвала, не вызывая подозрения, не удастся. Все равно догонят, схватят, а тогда — конец... Нет, лучше уж оставаться на месте. Никто же не видел ее на кухне...

Подошло время обеда. Первыми должны явиться курсанты-летчики. Они пунктуальны до минуты. Слышно, как они зашумели в обеденном зале, рассаживаясь за столы.

Шум наверху все усиливался, и Зина как-то сразу и странно успокоившись, поняла: случилось то, что должно было произойти.

«Спокойно!.. Спокойно!» — мысленно приказывала она себе, продолжая работать дрожащими руками, плохо справлявшимися с ножом.

Громко топая, по ступенькам в подвал торопливо спустились двое солдат из караульной команды с автоматами на груди. Оттолкнув кладовщика в сторону, встали у прохода. Зине приказали подняться на кухню. Возле повара и женщины-немки стояли двое часовых, здесь же находились офицеры-гестаповцы. Один из них властным кив-

ком приказал Зине сесть за стол. Перед Зиной поставили тарелку с супом.

— Ешь! — приказал по-русски другой гестаповец, подавая ей ложку.

Стало ясно — спасения нет. Если она будет есть суп, то умрет. Если откажется то... тоже умрет — немцы замучают. Мысль о сестренке обожгла сердце. Чтобы Гальку ни в чем не заподозрили, она будет есть отравленный суп. Галька должна жить! Должна!.. И, перехватив на себе пристальные, настороженные взгляды гитлеровцев, Зина взяла ложку.

— Хлебушка можно взять? — протянула она руку к подносу с нарезанными ломтями хлеба. И, не дожидаясь разрешения, схватила кусок хлеба, с отчаянной торопливостью откусила и зачерпнула ложкой суп; не прожевав хлеб, проглотила суп, снова зачерпнула, снова проглотила. И, почувствовав резь в животе, скорчилась.

— Довольно... — произнес офицер-гестаповец и приказал: — Иди домой...

Согнувшись и шатаясь, она вышла во двор. Никто ее не задержал, не последовал за ней. Очевидно, ее больше уже не подозревали.

И тут Зина, к еще большему своему ужасу, увидела на прежнем месте, возле поленницы дров, Галю. Сестренка как ни в чем не бывало сидела на чурбане с Ольгой в руках. Строптивая Галька решила без куклы не уходить домой.

— А я достала Ольгу, — горделиво похвалилась она. Зина хотела что-то сказать, но ей помешал кусок хлеба во рту, который она совершенно бессознательно не проглотила. Выплюнув хлеб, Зина схватила Гальку за руку и потащила прочь.

А мимо них, громко сигналя, проезжали санитарные машины, увозя пострадавших гитлеровских летчиков.

Зина с трудом добралась до своей комнаты. Взяв с окна бутылку с молоком, которую она накануне принесла

от бабушки, налила в чашку. Но после выпитого молока ей стало хуже. Зина свалилась на постель, чувствуя, как все тело покрылось холодной испариной. Сестренка, широко раскрыв глаза, испуганно глядела на нее, что-то спрашивала дрожащими губами.

Зина и сама не понимала, как у нее хватило сил потеплее одеться и одеть сестренку. Схватив Гальку за руку, изгибаясь от сильной боли, торопливо повела по тропинке, ведущей к лесной дороге. Несколько раз оглянулась. Кажется, все спокойно, никто не преследует. Только бы добраться до партизан! Хватит ли сил? Ведь она должна отвести Гальку к партизанам. Спасти ее... Сама она умрет, это ясно.

Дорогу пересек небольшой ручеек. Встав на колени, Зина склонилась, стала пить холодную как лед ключевую воду... Еще... еще. Закружилась голова. Она ткнулась лицом в воду. С трудом поднялась и опять, преодолевая боль, потащила за собой Гальку.

А та не понимала, почему это они так торопятся. Сперва шагала спокойно. А потом начала хныкать...

Началось поросшее кривым березняком болото. «Кажется, здесь», — думала Зина, пробираясь по тропке между болотистыми бочагами. Едва отличимая тропа вилась по мшистым, с краснеющими ягодами клюквы и брусники кочкам, которые пружинисто зыбились под ногами.

Промокшие, облепленные тиной девочки с трудом выбрались на сухое место. Болото поглотило их рогожные туфли и тряпки, которыми были обмотаны ноги.

— Мы скоро придем? — без конца спрашивала Галя, держась за карман шинельки сестры. — Ну скоро?

— Скоро... — с трудом ответила Зина. — Ты только не отставай. — И тут же свалилась на луговину и стала кататься по земле, стараясь умерить усилившуюся, непереносимую резь в животе.

«Только бы довести Гальку до партизан... Довести!..»

Через силу, со стоном поднялась с земли. Снова взяла сестренку за руку, повела за собой.

В лесу было тихо, пахло влажной осенней сыростью, грибной прелью. Мох на болотистых ложбинах мягкий, как подушка. Шелестела под ногами листва. Ветки кустарника хлестали по лицу, цеплялись за одежду.

Прозябшая, сбившая до крови босые ноги, Галька, захлебываясь, плакала.

Тропка неожиданно оборвалась, словно утонула в желтовато-зеленой воде. Зина по колено увязла в торфяной жиже и стала медленно погружаться все глубже и глубже. Смертельно испугавшись, она отчаянно пыталась вытащить ноги из густой торфяной грязи.

— Не подходи ко мне, утонешь!.. — осипшим от страха голосом крикнула она стоявшей рядом на кочке, испуганно растопырив ручки, Гальке. — Не подходи-и!..

Зина заметила рядом с Галькой тонкое деревце, потянулась к нему, но не достала.

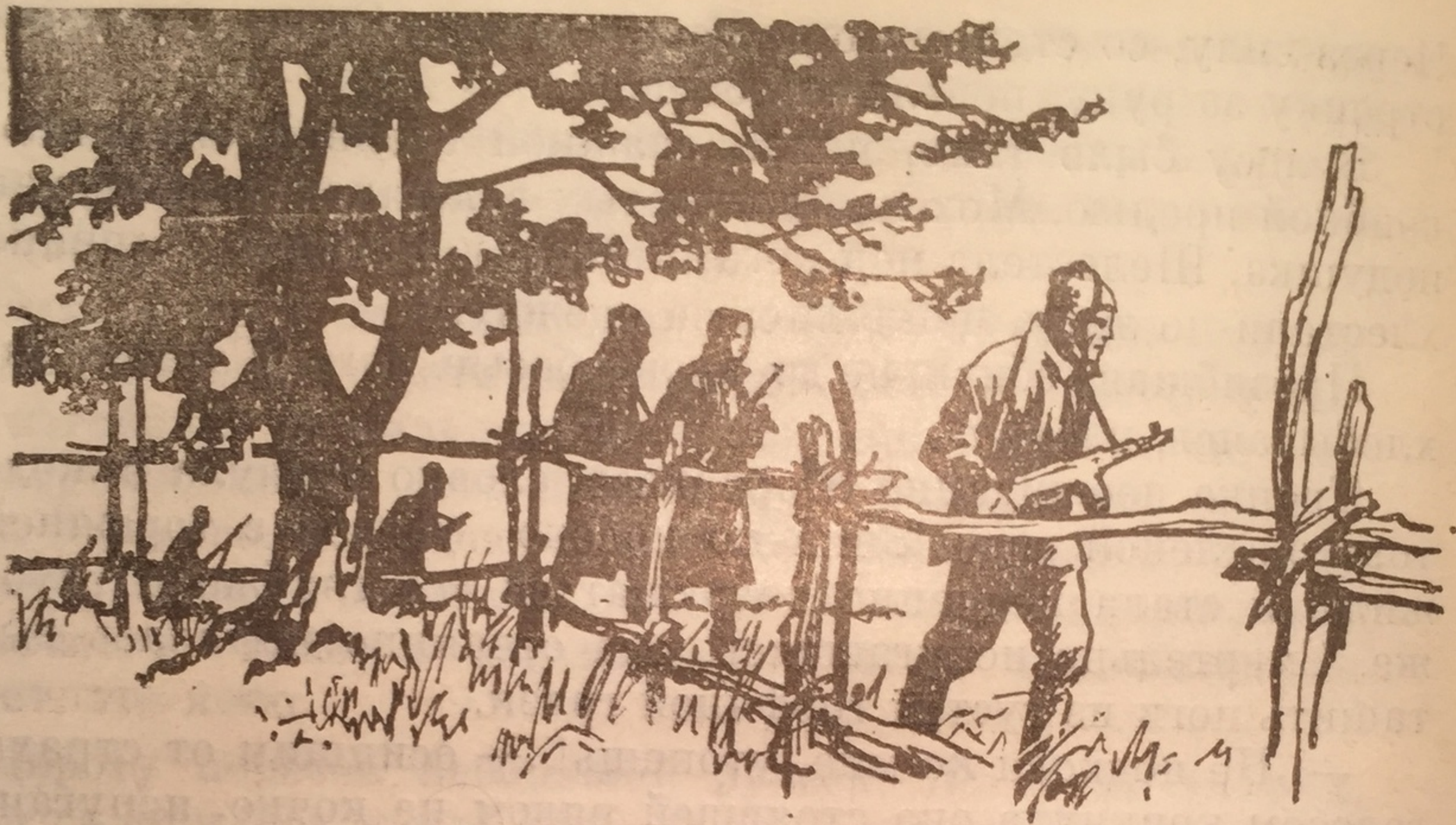
— Нагни ко мне... Нагни... — срывающимся голосом просила она сестренку и с отчаянием следила, как та, напрягаясь, пытается пригнуть полусухую лещину.

Рванувшись, Зина дотянулась все же до деревца одной рукой. Перебирая обеими руками, стала вытаскивать из засасывающей топи ноги. Еще немного!.. Еще... Закружилась голова. Закусив до крови губы, снова подтянулась.

Минут пять спустя она уже лежала на твердой мшистой кочке, покрытой россыпью зрелой клюквы. Ее знобило, насквозь мокрая, холодная одежда прилипла к телу. Сил подняться уже не было.

«Где-то мы сбились», — с отчаянием думала Зина.

Передохнув, они вернулись обратно в лес и, к счастью, скоро нашли в осиннике потерянную тропку. Сумерки сгущались, но им удалось пройти болото до темноты и обратиться в мелколесье...

ВТОРАЯ ЧАСТЬ В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ

Глава первая

На рассвете партизанская разведка обнаружила в лесу двух девочек. Одна из них — маленькая, в рваной плюшевой, не по росту, жакетке, — сидела, едва слышно всхлипывая; вторая — подросток в черной железнодорожной шинельке — лежала без сознания рядом.

— Жива... еще дышит, — произнес один из разведчиков, склонившись над девочкой. — Что будем делать-то, ребята?

— Придется взять... — вздохнув, ответил другой. — Теперь все бегут в наш партизанский край.

...Зина очнулась в большой сумрачной избе-пятистенке, заставленной топчанами, на которых лежали и стона-

ли люди. Пахло карболкой и еще чем-то острым, неприятным.

— Где я?.. — спросила она, едва слышно шевеля губами.

Над ней склонилась какая-то женщина. Лицо женщины было словно окутано туманом, но Зина узнала ее — это была мать погибших подпольщиков Антонина Андреевна Лузгина.

И снова Зина впала в забытие.

Помимо тяжелого отравления у нее оказалось и двустороннее воспаление легких.

Поправлялась она медленно, но вот наконец наступил день, когда лечивший партизан пожилой врач послушал Зину и сказал, тряхнув короткой русой бородкой:

— Ну, девчурка, вернулась ты с того света. А ведь надежды спасти тебя почти не было. Скоро выпишем. Сиделка-то у тебя надежная была. — И он погладил по голове стоявшую рядом Гальку. — Ни днем ни ночью не отходила.

Галька сияла от удовольствия: ее хвалил сам врач, разрешивший ей жить при госпитале, где она уже полностью освоилась.

Новая жизнь в непривычной обстановке Гальке очень нравилась.

Держась за плечо сестренки, ослабшая от болезни Зина шла по широкой деревенской улице, запорошенной легким снежком, и с любопытством озиралась по сторонам. По улице бродили куры, в проулке сохло на веревке белье, у тына похрюкивал поросенок. Вокруг царили обманчивые мир и покой.

— Вот мы и пришли, — сказала Галя, указывая на небольшую избушку под черной от ветхости соломенной кровлей.

Хозяйка избушки — небольшого роста, сгорбленная, суетливая Аграфена Кузьминична — встретила сестер приветливо. Видя, что Зина стесняется, успокоила:

— Живи, родимая, живи!.. В тесноте, да не в обиде... Третья теперь ты у меня будешь. Квартируют тут еще две жилички.

И сразу же словоохотливо пустилась в разговор, спрашивая, как сестры попали в партизанскую деревню.

— Ну, я пошла... — серьезным тоном, как взрослая, сказала Галя, обрывая рассказ Зины об их злключениях. — Меня ждут в госпитале, ведь я там работаю. — И, поцеловав сестру, побежала в госпиталь.

Хозяйка едва успела положить на деревянные козлы в углу доски и постлать какую-то ветошь, как Галья при- скакала обратно.

— В госпиталь снова раненых привезли. Бинтов не хватает. Будем резать из парашюта шелковые, — деловито сообщила она и встала на цыпочки, вытягиваясь, чтобы казаться взрослой, но тут же запрыгала, завертелась по избе и, завидя кошку, бросилась к ней: — Кошка-то здесь тоже партизанская, — и вздохнула, — а вот Ушастика жаль! Остался, бедняжка, у немцев. Наверное, скучает.

Через несколько дней в избе появились отсутствовавшие квартирантки — разведчицы партизанской бригады. Они были в разбитых лаптях и драных онучах — видно, шли издалека. Обе сразу плюхнулись на свои койки, жалуюсь, что устали до чертиков.

— Новенькая у нас теперь живет... — пояснила Аграфена Кузьминична, заметив, что разведчицы вопросительно поглядывают на Зину.

— Откуда, из какой деревни? — почему-то строго стала расспрашивать Зину рослая, стройная партизанка с тяжелой рыжеватой косой, закрученной сзади в тугий пучок. На ее лице обращали невольное внимание большие черные, с каким-то лихорадочным блеском, глаза.

Узнав, что Зина из госпиталя, а до госпиталя была в подпольной организации, Ксения — так звали эту девуш-

ку — смягчила свой резковатый тон. Другая — Настя, белокурая, с короткой стрижкой, простенькая на вид, — сразу расположила Зину к откровенности.

— Бабушка у меня в Оболи осталась, два брата — еще совсем мальчишки, — маленькая двоюродная сестренка. Божит у меня душа за них, — поделилась с ней своими переживаниями Зина. — Как вы думаете, разрешат побывать у них?

— Просись, чтобы тебя в разведгруппу определили, — посоветовала Настя. — У разведчиков большие возможности.

— А зачислят меня? — загорелась Зина.

— Вряд ли... — критически осмотрела ее Ксения. — Жизненного опыта не имеешь.

Зина томилась ожиданием, что вот-вот ее вызовут к партизанскому начальству и, может быть, дадут нагоняй, что самовольно совершила диверсию.

— Что обо мне командиры говорили, пока я болела? — допытывалась она у сестренки.

— Хвалили!.. Боялись, что ты умрешь...

Наконец Зина осмелилась и сама направилась к избе с белыми наличниками, в которой — она уже узнала — помещался штаб партизанского отряда. Остановилась у крыльца, где на фанерном стенде висела листовка. Стала читать:

«Партизан!»

Ты видишь, на фронт тянутся немецкие эшелоны с солдатами, боеприпасами, военной техникой. Взрывай железнодорожное полотно, мосты, пускай под откос составы! Этим ты облегчишь наступление Красной Армии.

Видишь телефонный кабель — рви его! Этим ты внесешь замешательство в стан врага. Ты слышишь, по твоей земле шагают солдаты и офицеры Гитлера. Уничтожай их, как бешеных собак...»

— Проходи смелее! Чего стесняешься? — ободрил ее старик партизан с охотничьим ружьем за плечами, охранявший вход в штабную избу. — Ты что, новенькая у нас? Что-то я тебя раньше не видел.

— Новенькая... Недавно убежала от немцев.

Набравшись смелости, Зина шагнула через порог.

В большой горнице за непокрытым столом сидели несколько человек, все в полувоенной форме — гимнастерках с ремнями. В горнице было очень накурено, сизоватый дым клубами висел под закопченным потолком.

Партизаны за столом с любопытством разглядывали ленинградскую школьницу. Они уже знали о ее диверсии в офицерской столовой.

Среди них Зина заметила Михаила Ивановича, когда-то приходившего к дяде Ване в Зую.

— Вовремя ты ушла из Оболи, — заметил Михаил Иванович. — Иначе тебя могли расстрелять. — Он достал полосатый кисет, свернул сигарку, кресалом выбил искру, закурил и обратился к худощавому: — Куда мы ее построим, командир?

— Чем бы ты у нас в отряде хотела заниматься? Может быть, в госпиталь? Пойдешь? — спросил ее командир.

— Разведчицей, — быстро ответила Зина.

— Вот как?.. — удивился командир. Он хотел определить эту хрупкую, худенькую девочку на работу полегче.

— Но прежде чем стать разведчицей, нужно многому научиться, — заметил Михаил Иванович.

— Я научусь, — твердо сказала Зина.

— Хорошо, мы подумаем, — произнес командир, и судьба Зины осталась бы в этот день нерешенной, если бы в этот момент не вошла в избу девушка в полущубке, перетянутом военным ремнем, в шапке-ушанке.

— Наташа! — Зина сразу узнала секретаря подпольного райкома комсомола.

Наташа подошла к Зине и по-дружески обняла ее.

— Слышала уже о твоём подвиге, — быстро заговорила

она и обратилась к сидевшим за столом: — Это моя подопечная из Оболи.

— Просится в разведчицы, — сказал командир отряда.

— А почему бы не взять? — решительно ответила Наташа. — Я — за!

По тому, как уверенно она держалась, чувствовалось, что Наташа пользуется авторитетом у начальства.

— Зина пришла в отряд не одна... — заметил Михаил Иванович. — У нее маленькая сестренка.

— Но сестренка живет теперь не с ней, а при госпитале. И зачислена в штат госпиталя, — возразила Наташа.

— Придется уважить просьбу нашего комсомола!.. — решил командир и пообещал Зине: — В ближайшие дни определим тебя в разведгруппу.

— Спасибо! — радостно сказала Зина.

Дома Зину встретила мать сестер Лузгиных — Антонина Андреевна.

— Пришла тебя проведать. Очень уж моя Машенька тебя любила... — сказала она и заплакала. — Приняли меня здесь в партию... Дали дело, — немного успокоившись, рассказала она о себе, — для госпиталя стираю белье. Чем могу, помогаю партизанам.

— Я, Антонина Андреевна, как смогла, отомстила и буду мстить за Тоню и Машеньку, за мою тетю Иру и Солнышко, за всех замученных наших людей.

Глава вторая

Дня через два Ксения сказала Зине:

— Завтра уходим в разведку. Тебя тоже с собой берем. Командир распорядился. — И, осмотрев юную разведчицу, критически покачала головой: — Обувка у тебя плохая. В бахилах из мешковины далеко не уйдешь...

А утром принесла Зине с партизанской базы хотя и стоптанные, но аккуратно подшитые валенки.

— Разведчикам и связным полагается ладная обувь. Уходим мы порой надолго.

Они вышли из деревни под вечер. Ксения шла первой быстрым, уверенным шагом. За ней шагали Зина и Настя.

— По пути обращай внимание на все!.. Где сломанная веточка, где примятый кустарник. Ничего не должно оставаться незамеченным... — учила Ксения.

Переночевали в землянке партизанского дозора и еще до рассвета снова тронулись в путь.

Влажная опавшая листва скрадывала их шаги.

— Главное — пройти этот лес... — тихо сказала Ксения. — Если нарвемся на засаду, бегите обратно. Я буду отстреливаться.

У Ксении револьвер и гранаты. В дорожной сумке она несет взрывчатку для подпольщиков. Но идут они не в Оболь, а куда-то в другом направлении. Зина идет налегке. Оружия у нее нет. Если их схватят, она должна сказать, что не знает своих спутниц, случайно встретила на дороге — это легенда, подсказанная начальником разведгруппы.

Вдруг Зина замерла, предостерегающе схватила Настю за руку. Глаза у нее испуганно расширились. Совсем рядом, на небольшой поляне, у осины, стоял, склонившись, черноволосый бородатый человек в ватнике.

— Он... мертвый, — услышала она шепот Насти.

И только теперь Зина разглядела веревку, которой человек был привязан к дереву. За деревом лежал другой труп. А вокруг были набросаны какие-то жестянки.

— Убивают наших и, заминировав, оставляют — хотят запугать, — объяснила Зине Ксения. — Надо запомнить хорошенько это место и сообщить в отряде.

Они шли еще более часа, пока лес и заросшее березняком болото не кончились. Остановились на опушке, перед которой простиралось обработанное поле. Были слышны людские голоса. За кустарником виднелись жилые постройки. На обочине дороги чернел обгоревший грузовик.

— Ты с нами, Зина, дальше не пойдешь. Останешься здесь. Будешь следить за дорогой! — приказала Ксения.

Будь все время начеку. Обязательно запоминай все, что увидишь и услышишь. — И, пытливо глядя на Зину, спросила: — Не побоишься?

Зина только обиженно вздернула плечами.

Машины и люди на дороге показывались довольно редко. Поэтому Зине легко было фиксировать в памяти все, что она видела.

Для лучшего обзора она взобралась на высокую ель. И все же, несмотря на свою неусыпную бдительность, она не уследила момента, когда спустя несколько часов Ксения и Настя бесшумно выросли рядом.

Ксения, внимательно слушая Зинин отчет, спросила:

— На елку лазила?

— Да... — удивилась Зина. — А вы откуда знаете?

Ксения улыбнулась, показала на свежую хвою под елкой и устало промолвила:

— От разведчика даже господь бог ничего утаить не может.

Они двинулись в обратный путь, когда густые вечерние сумерки окутали лес.

Зину поражала необыкновенная зрительная память Ксении и то, с какой легкостью она ночью отыскала их прежний след.

Девушки теперь крались, чутко прислушиваясь к каждому шороху.

— Ну вот, теперь это уже наш партизанский край, — тихо проговорила Ксения, когда они, преодолев несколько оврагов, дошли до густых хвойных зарослей.

Партизанский край! Удивительной была эта обширная озерно-лесистая зона. Раскинулся он на десятки километров в глубину и в ширину, от Полоцка и почти до Березины. Своеобразное Советское государство в глубоком тылу мощных немецких армий, окруженное со всех сторон полицейскими заставами, вражескими гарнизонами, имевшими на своем вооружении артиллерию и бронетранспортеры.

Партизанская армия насчитывала несколько десятков отрядов, собранных в бригады, вначале разрозненных, действовавших самостоятельно, на свой страх и риск, и затем сцементированных под одним общим командованием.

Под защитой этой народной армии в партизанском крае находилось более 80 тысяч мирных жителей. Для врага партизанская зона оставалась пока недоступной. Система различных оборонительных сооружений прикрывала территорию народных мстителей. Тут были и заминированные поля, и свои долговременные земляные укрепления, и окопы полного профиля. Партизанские патрули, дозоры, часовые охраняли подступы к бригадам и отрядам. У каждой бригады была своя зона, свои оборонительные границы, защищать которые от проникновения врагов партизаны были обязаны так же, как и население тех деревень, которые находились на территории бригады. Почти ежедневно то в одном, то в другом месте обширного партизанского края народные мстители вели оборонительные бои с оккупантами.

Но партизанские бригады не замыкались на своей территории, не ограничивались только обороной.

Они проникали отрядами, небольшими группами на занятую врагом территорию. Скрытно, а иногда и с боями пересекали шоссейные и железнодорожные магистрали, нападали на фашистские гарнизоны. Совершали и длительные рейды — за десятки километров от своих основных баз. Возвращались с трофеями, привозили продукты, пригоняли скот. Партизанская деятельность не прекращалась ни на один час. В то время, когда Зина пришла в отряд, в партизанском крае было относительное затишье, хотя боевая активность партизан все нарастала. Молниеносные удары по полицейским заставам и небольшим вражеским гарнизонам каждый раз были неожиданными и завершались успехом партизан. Но все понимали, затишье это кратковременное: немцы вот-вот должны были огрызнуться крупной карательной операци-

ей. В случае наступления врага партизанские отряды могли скрытно уйти в другие районы Белоруссии. Но как быть с населением, доверившим свою безопасность и жизнь народным мстителям? Все это заставляло руководство партизанского края всемерно усиливать и укреплять свою армию.

В свободное от боевых действий время партизаны занимались подготовкой к будущим боям. Рыли окопы, на танкоопасных местах — противотанковые рвы... Устраивали на лесных дорогах завалы.

Особенно остро сознавали надвигающуюся опасность в штабе оперативной группы, располагавшемся в центре партизанского края — районном поселке Ушачи (этой оперативной группе подчинялись все партизанские бригады и отряды Лепельско-Полоцкой зоны). Из разведывательных данных уже было известно, что немцы намереваются провести свою карательную операцию в декабре — январе. Фашистами уже формировались специальные карательные части. В пограничные с партизанским краем гарнизоны завозились дополнительные боеприпасы. Усилили свою деятельность агенты врага, пытаясь проникнуть в партизанскую зону и там осесть.

Партизаны усиленно готовились дать отпор карателям. Со строевым составом часто проводились учебные занятия. В одну из групп, учившихся владеть трофейным оружием, была зачислена приказом по партизанской бригаде и Зина.

Она уже получила боевое оружие — трофейный автомат и несколько гранат. Автомат она освоила сразу. Гораздо сложнее для нее оказалось стрелять из трофейного маузера. На всю учебную группу их было два. Поочередно они переходили из рук в руки.

— Непринужденно стоять! — командовал инструктор. — Подтянуться!.. Рука должна быть твердой... Держать на весу!..

Вытянув правую руку с тяжелым пистолетом, Зина,

как приказывал инструктор, закрывала один глаз, прицеливалась, но попадала неточно.

— Не совсем удачно,— отмечал инструктор, подойдя с Зиной к мишени.— Надо еще потренироваться.

Но запас трофейных боеприпасов небольшой. На каждого стрелка полагалась ограниченная норма.

— Доставайте у врага,— советовал инструктор.

Но как достать, если Зина еще не участвовала ни в одной боевой операции! Помог брат Фрузы — Николай Зеньков где-то раздобыл трофейные патроны. И уже через несколько дней Зина услышала от инструктора:

— Молодец! Ни одна пуля за «молоком» не пошла. Глаз у тебя, девочка, точный.

Зина все больше привыкала к партизанской жизни, к своим соседкам. Ей нравилась мягкость, доброта в характере Насти, стремление чем-нибудь услужить. Привыкла она и к целеустремленному, гордому нраву Ксении, властно подчинявшей себе других. Зина от Насти узнала, что у Ксении немцы заживо сожгли всю семью: отца, мать, младшего брата. Сама она случайно уцелела. С того дня в рыжеватые Ксенины косы и закралась седина.

Партизаны уходили, возвращались. В госпиталь привозили и приносили раненых... Убитых хоронили на деревенском кладбище. Часто объявлялась воздушная тревога. Немцы бомбили партизанскую землю. Почти после каждой такой бомбежки в госпитале появлялись новые раненые, а на кладбище — свежие могилы.

Глава третья

В декабре Зину вызвали на инструктаж недавно принятых в партизанскую бригаду. В избе собралось человек двадцать молодежи. Среди них Зина была самой юной.

Проводил занятие начальник штаба бригады, уже пожилой, со шпалой в петлицах гимнастерки. Седые, коротко стриженные волосы торчали у него на голове ежи-

ком. Он кратко рассказал о положении на фронте: под Сталинградом немцы в котле, но еще не разбиты; окруженная нашими войсками под Демянском 16-я армия гитлеровцев упорно сопротивляется...

Затем начальник штаба перешел к непосредственному инструктажу.

— Местность, которую защищает наша бригада, только частично лесная. У нас значительная территория — открытая — озера, болота. Это тоже наши природные укрепления. Мы, партизаны, по существу, все время находимся в окружении. И днем и ночью. Без взаимной помощи, без взаимной дружбы мы не можем существовать. Вы, наверное, слышали, что под защиту партизан в этот край идут тысячи местных жителей из окрестных селений.

Но под видом беженцев враг засылает к нам своих диверсантов, шпионов. На днях в соседнем отряде диверсантом убит командир взвода. Будьте внимательны! Присматривайтесь к каждому новому человеку.

Через несколько дней Зина впервые пошла на боевое задание. Накануне командир собрал отряд. В штабной избе столпилось много народу, и Зина услышала, что предстоит ночной поход километров за двадцать.

— По данным разведки, — сообщил он, — нас ожидает многочисленный гарнизон, большой склад боеприпасов. Немцы готовятся к наступлению. Наша задача — опередить врага.

В установленный час партизаны собрались на лесной опушке. Стало известно, что в нападении на вражеский гарнизон будет участвовать не один отряд, а несколько, и перед каждым — своя цель. Зина входила в разведывательную группу основного отряда, который во взаимодействии с другими подразделениями должен ворваться в селение с восточной стороны, выбив оттуда гарнизон.

— Одеться потеплее! Ночью мороз ожидается, — предупредил своих бойцов командир взвода, безусый парень

в потрепанном ватнике и серой папахе с красной ленточкой.

Партизанскую границу переходили глубокой ночью. Мороз крепчал. Коченели руки и ноги. На открытых местах ледяной ветер резал лицо. Зина старалась не отставать от идущих молча партизан. Только один раз она услышала, как кто-то рядом негромко звякнул автоматом и, видно запнувшись о корягу, шепотом выругался.

Передовую группу партизан-разведчиков, в которую входила Зина, вели двое проводников — местные жители, хорошо знавшие окрестные леса.

Под утро остановились на короткий отдых в ельнике у оврага. До ближайшего селения оставалось немного. Хвойный лес редел, постепенно переходя в березовое мелко-лесье. За ним начиналось заснеженное ровное поле...

К Зине подошел командир взвода.

— Не замерзла... держишься?

— Держусь... — едва слышно прошептала Зина, слабо улыбнувшись.

После небольшого отдыха разведгруппа отделилась от основного отряда и тронулась ползком к чернеющим вдали постройкам. Возле усадеб разведчики разделились. Четверо поползли снимать часовых, а трое, в их числе и Зина, свернули вправо, к дороге, где нужно было перерезать линию связи.

— Следи за дорогой! — шепнул старший Зине. — Если напоремся, прикрывай нас огнем!

Зина осталась одна в снежном поле. Она лежала, распластавшись в сугробе, прижимая к себе автомат. Легкий ветерок мел поземку. На небе в просветах облаков сверкали звезды... «Почему так долго ничего не слышно? — томилась тревожным ожиданием Зина. — Так и замерзнуть можно!» Прошло еще, наверное, минут двадцать. Зина совсем уже заоченела, когда наконец впереди на снегу зачернели, приближаясь, две живые точки... Это возвращались разведчики.

— Перерезали провода... — сообщили они, плюхнувшись рядом с ней в сугроб.

Теперь лежали втроем в сугробе и терпеливо ждали сигнала атаки.

«Скорее бы... — думала Зина, сжимая окоченевшими руками автомат. — Глаза слипаются... Сил уже нет...»

И тут предрассветную тишину нарушил трескучий взрыв гранаты... Автоматная очередь... другая. И почти сразу же в небе загорелась, рассыпалась блестящими искорками зеленая ракета... За ней — вторая, сигнал общей атаки. Какая-то невероятная сила подняла Зину на ноги. Вскочив, она ринулась вслед за партизанами к жилым постройкам.

В селе, казавшемся еще несколько минут назад вымершим, скрипели и трещали срываемые с петель двери, звенели разбитые стекла, из распахнутых настежь окон выскакивали и вываливались полуодетые люди. Слышались крики и вопли гитлеровцев, захваченных врасплох.

Зина стреляла из автомата на ходу туда, где мелькали убегавшие вражеские солдаты. Свой взвод Зина разыскала на площади возле школы, когда на подъехавшие розвальни клали убитых. На другой подводе увозили раненых, и среди них Зина увидела Николая Зенькова, с забинтованной головой, без шапки.

Огненно-белая дуга ракеты прочертила горизонт, означая, что пора отходить. Главное было сделано. Гарнизон разгромлен, склады боеприпасов и продовольствия опустошены и горели, подожженные партизанами. Обратный путь не показался Зине трудным и утомительным. Она испытывала необыкновенный душевный подъем: ведь сегодня она впервые участвовала в бою. Ее автомат не бездействовал.

Неделю спустя Ксению и Зину вызвали к командиру, и они получили задание вдвоем пойти во вражеский тыл.

— Это селение обходите стороной, — посоветовал начальник штаба отряда, склонившись над планом местности. — Вокруг полицейские заставы, задерживают каждого.

...Они вышли из деревни засветло. Одеты были, как беженки, в лаптях, в руках — по небольшому узелку. Ксения сама проинструктировала Зину, как вести себя при встрече с полицаями и немцами.

— Главное — стой и молчи. Помни: ты моя двоюродная сестра. Я и за тебя, и за себя буду говорить...

Они благополучно миновали наиболее опасный лесной участок и, пройдя с полчаса по полю, набрали на две большие завьюженные копны сена. Остановились.

— Следов к копнам не видно, — тихо сказала Ксения. — Значит, заночуем здесь.

Осторожно подрыли одну из копен. В образовавшуюся нору, остро пахнувшую мятой, зверобоем и еще какой-то неведомой травой, первой пролезла Зина, за ней протиснулась Ксения.

— А теперь спать... — тяжело дыша, сказала Ксения. — Ты расстегни шинель и разуйся. Ноги в сене не озябнут.

Зина послушалась, вытянула усталые ноги и, прижавшись к спине подруги, закрыла глаза. Мерное дыхание Ксении действовало успокаивающе, и вскоре Зина уснула.

На рассвете, хорошо отдохнув, они вылезли из копны и снова тронулись в путь. Шли теперь уже открыто, по большаку. Они миновали большую часть пути, не встретив ни одного человека.

Наконец впереди завиднелись жилые постройки, и девушки пошли медленнее.

— Здесь должна быть полицейская застава! — Ксения заметно забеспокоилась, заволновалась, перекладывая из одной руки в другую свой узелок.

— Сзади машина! — испуганно предупредила Зина, оглянувшись.

— Что ж, встретим! — сказала Ксения, останавливаясь у бревенчатого мостика через дорожную канаву.

Она подняла валявшееся рядом полено, оторвала от жакетки кусок черной подкладки, завернула полено и подложила сбоку под бревно мостика.

Небольшая машина пикап приближалась. Рядом с шофером сидел офицер в черной шинели, в очках и в фуражке с высокой тульей.

Ксения с поднятой рукой шагнула навстречу. Машина остановилась. Офицер выглянул в раскрытое окошко. Подскочив к машине, Ксения быстро заговорила, путая немецкие и русские слова, при этом жестами показывая, что мостик, очевидно, заминирован.

Офицер, вынув из кобуры парабеллум, вышел из машины и приказал шоферу объехать мостик стороной. Нотки испуга звучали в его голосе.

Тарахтя, машина с большим трудом снова выбралась из кювета на дорогу. И тут опять случилось для Зины неожиданное: Ксения попросила немцев довезти до селения. Офицер теперь потребовал предъявить ему документы. Ксения вынула какую-то завернутую в носовой платок бумагу. Офицер мельком взглянул на нее и разрешил девушкам сесть в машину. Они быстро доехали до селения. Вышедший навстречу машине дежурный полицейский заставы в черном романовском полушубке козырнул офицеру.

Офицер стал у него что-то расспрашивать, указывая назад, в сторону мостика. Ксения и Зина выскользнули из кузова машины. И опять новая выходка Ксении озадачила Зину. Девушка сама подошла к офицеру, по-немецки поблагодарила, прижав руку к груди. Офицер вежливо ответил, и разведчицы, не глядя на полицая, пошли по тропке мимо жилых построек. Снова выбрались на большак. Навстречу ехали грузовые машины, встречались прохожие. Разведчицы шли спокойно, на них никто не обращал внимания. И вдруг:

— Эй вы, красотки... документы!

Перед ними стояли два дюжих парня с белыми повязками на рукавах.

Девушки тоже остановились. Ксения решительно шагнула к полицейским:

— Чего кричите? Привыкли глотки драть! — и, не-

брежно глядя на опешивших полицаев, вынула из-за пазухи завернутый в платок документ. — Вот, видели... — И сунула чуть ли не под нос одному из них.

— А-а... Аусвайс! — негромко произнес он, глядя то на немецкий паспорт, то на Ксению, и обратился к Зине: — А у тебя?

— Дурак ты неотесанный! — снова закричала Ксения. — Полицай, а свои мозги на куриные сменял. Аусвайс-то несовершеннолетним не выдают. Неужели не знаешь?

Раскрасневшаяся Ксения, в сбившемся с головы платке, была необычайно красива в своей ярости. И как это ни странно, и ругань Ксении, и ее угрозы подействовали на полицаев. Они вернули ей аусвайс и, чертыхаясь, пошли, не оглядываясь, по дороге.

— Отделались, — пряча свой документ и успокаиваясь, облегченно вздохнула Ксения.

Шли они медленно. Сбоку пролегала железная дорога. Мимо с грохотом проследовал воинский эшелон. Вскоре прошел другой. Ксения еще замедлила шаг, как догадалась Зина, считая проходившие вагоны.

— Запоминай... — сказала она Зине. — Если тебе снова придется идти, здесь самое удобное место для наблюдения.

Большак свернул влево, в мелкий осинник. На пригорке раскинулось большое селение, с колокольней в центре.

Девушки медленно побрели вдоль посада. Ксения шла смело, уверенно, не обращая внимания на встречных.

— Кажется, здесь... — Ксения глядела на небольшую избу с высоким колодезным журавлем возле ворот. Вынула из кармана небольшое круглое зеркальце, посмотрелась, поправила на голове платок, волосы на лбу и снова спрятала его. Только потом Зина сообразила, что Ксения, не оборачиваясь, проверяла, не следит ли кто за ними сзади.

Ксения толкнула калитку. На небольшом крылечке остановилась, легонько постучала в дверь. В сенях раздались шаги, и слабый женский старческий голос спросил:

— Кто там?

— Лида дома?

Звякнул запор, дверь им открыла темноволосая женщина лет тридцати, в накинутом на плечи платке.

— Входите...— Она провела их в избу с потемневшей от старости широкой деревянной кроватью, голым столом, на котором стояли полуразбитые чашки, обгорелый чугунок и деревянная солонка. Возле кровати, на пружине, прикрепленной к матице, висела зыбка с грудным ребенком.

Пытливо скользнув взглядом по Зине, хозяйка проговорила:

— А мы ждали вас раньше.

— Раньше не смогли, только сегодня,— отозвалась Ксения и устало присела на лавку и развернула свой узелок. Глядя на нее, Зина тоже развернула свой и вынула замаскированную в краюшке хлеба небольшую мину в пластиковой оболочке.

Немного отогревшись, партизанки собрались уходить.

— Возможно, в следующий раз приду не я, а она.— Ксения указала на Зину.

Простившись, они вышли из избы.

Теперь они свернули с дороги в небольшой лес.

Ксения предупредила:

— Это самая опасная — пограничная зона. Теперь нам язык не поможет — только глаза и уши.

Разведчицы осторожно крались лесом, не выходя на открытые места и избегая идти по полузанесенным поземкой тропам. Только к утру они добрались в отряд.

Когда немного спустя Ксения доложила об их рейде командиру, тот спросил у Зины:

— Не боялась?

— Боялась,— призналась Зина.

— Значит, больше не пойдешь в разведку?

— Пойду,— вспыхнула Зина.

— Сможет она выполнять задания? — спросил он у Ксении.

— Сможет,— твердо ответила Ксения и, обняв Зину добавила: — Со мной Ромашка вела себя молодцом...

На следующий день Зина встретила на улице с секретарем подпольного райкома комсомола — Наташей.

— Поздравляю, Зиночка! Поздравляю, моя милая! — Лицо у Наташи сияло. — С большой радостью!

— С какой? — широко раскрыв глаза, спросила Зина. И тут узнала об огромном успехе Красной Армии под Ленинградом.

Наше наступление началось 12 января, а 18 января войска Волховского и Ленинградского фронтов уже соединились. Так была прорвана блокада Ленинграда.

Партизанский лагерь ликовал. Радостное известие о событиях под Ленинградом не осталось в стороне и от Гальки. Она примчалась к старшей сестре и отчеканила:

— Скоро поедем домой!

— Ку-уда?

— В Ленинград...

И тут же сестры принялись строить планы о возвращении в родной город.

— Поедем, конечно, поездом или на машине. Партизанский отряд даст нам отпуск. Напишут командировочное удостоверение,— обняв Гальку, мечтательно говорила Зина.

— И мне напишут?

— Конечно. Без увольнительного документа покидать отряд нельзя, иначе сочтут за дезертиров.

— А что про меня напишут?

— Напишут, что медицинская сестра Галина Портнова из партизанского госпиталя бригады имени Ленина командировается в Ленинград, чтобы повидать отца и мать.

А затем она вернется обратно окончательно добивать гитлеровцев до полной нашей победы.

Глаза у Гальки сияли.

За зиму 1943 года Зине пришлось побывать во многих местах партизанского края. Вместе с другими партизанами участвовать в боях. Несколько раз ходить во вражеский тыл с заданиями командира. Но ни разу она не попала в Оболь. Просить командира послать ее туда с заданием она не решалась. Наступала весна, а Зину томила полная неизвестность о судьбе родных.

Но вот однажды, уже в мае, Зину вызвали в штабную избу. Там находилась Валя Шашкова.

— Вы обе, кажется, из Оболи? — спросил командир.

— Да, из Оболи, — подтвердили девушки.

— Вот и хорошо! Завтра пойдете встречать беженцев.

Откуда и каких беженцев предстояло встретить, командир не разъяснил. Самим же спрашивать не полагалось. Сердце Зины сжалось от волнения. А что, если придет и бабушка с ребятами?

Когда Зина с Валею пришли на сторожевую заставу, два парня-партизана, тоже снаряженные для встречи беженцев, спокойно лежали на лужайке, курили.

Девушки подсели к ним.

— Не знаете, каких беженцев будем встречать? — поинтересовалась Зина.

— Знаем, — отозвался один из них. — Быка, по кличке Тимошка, и двух его рогатых подружек.

«Вот тоже зубоскал!» — обидевшись, сердито подумала Зина и отвернулась.

— Ведут, ведут наших беженцев, — дернул ее за рукав «зубоскал». — Пошли навстречу.

— Это что же, так много наших идет? — удивилась Зина, услышав в мелколесье треск валежника и сучьев.

— Будьте осторожны! — весело предупредил один из партизан. — На всякий случай приготовьте оружие...

— Есть, приготовить оружие! — отозвалась Зина, не понимая, что его так развеселило.

Треск сучьев слышался совсем рядом, и перед Велей и Зиной показался огромный бык с широко расставленными крутыми рогами. Вели быка на веревках-поводках хорошо знакомые подпольщики — Добрыня и Ефим. За быком спокойно шагали две коровы, которых вели Маша Ушакова и Катя Зенькова.

— А-а, Ромашка! Моя радость, здравствуй! — размахисто протянул Зине руку, улыбаясь, Добрыня. И, верный своей привычке подтрунивать над Зиной, сказал: — Сплел было тебе, моя ненаглядная, лапотки, загляденье, как шелковые, да вот пришлось отдать этому рогатому черту. Еле обул его.

Только теперь Зина заметила на ногах быка круглые, как решето, лапти. На ноги коров тоже были надеты сплетенные из лыка лапти.

— Так мы заметаем следы, — пояснил Добрыня.

Встреча была короткой. Передав партизанам свое стадо, подпольщики спешили до темноты вернуться в Оболь. Все же Зина успела узнать от Маши и Кати, что бабушка жива, «братья-разбойники» живут у нее в деревне. А дядю Ваню сломила болезнь — он скончался.

На следующий день ничего не подозревавшая о новой Зининой глубокой печали Галька, забежав к ней, весело тараторила:

— У нас при госпитале теперь свои коровы есть... Партизаны пригнали из лесу. Знаешь какое вкусное молочко! Мне немного дают.

Глава четвертая

В партизанском крае готовились к наступательной операции. Решение партизан нанести особо ощутимый удар по гитлеровцам обуславливалось обстановкой на фронтах

Великой Отечественной войны. Всеми силами, которые находились в распоряжении партизан, нужно было помочь Красной Армии в готовящемся генеральном сражении на Орловско-Курской дуге.

По заданию ЦК Компартии Белоруссии Республиканский штаб партизанского движения разработал план организованного общего наступления всех партизанских отрядов Белоруссии. Этот план предусматривал так называемую рельсовую войну под кодовым названием «Концерт». Дня за два до выступления командир отряда, в котором находилась Зина, собрал партизан на поляне рядом с опушкой леса. Все пришли в полном боевом вооружении.

Спокойно оглядев собравшихся, командир сказал:

— Выступаем через час. Предстоит сделать тридцатикилометровый бросок по занятой врагом территории к линии железной дороги. Ни в коем случае не обнаруживать себя, стараться не ввязываться ни в какую схватку с гитлеровцами или полицейскими. Обходить заставы стороной.

В путь тронулись повзводно. Партизаны тянулись гуськом по лесной тропе. Зина, с автоматом на груди, со взрывчаткой в подсумке, шла в числе первых. В густых вечерних сумерках скрытно, не обнаруженные врагом, перешли границу партизанской зоны.

Они обходили стороной попадавшиеся на пути селения. Разговаривали шепотом. Курить запрещалось. Часа через три отряд вышел из лесу, маскируясь в кустарнике. Дальше простиралась кочковатая луговина. Впереди за кустарником, на возвышенности, тускло поблескивали железнодорожные рельсы.

По шпалам прошел парный патруль. Солдаты, в тяжелых кованых ботинках, в коротких серых куртках, с автоматами на груди, шли спокойно, размеренным, уверенным шагом, не подозревая, что за ними со стороны уже следят десятки глаз. К немцам бесшумно метнулось несколько человек. Зина услышала сдавленный вскрик, и снова кругом воцарилась тишина.

По звеньям передали друг другу команду: «Подойти ближе!»

Ползком партизаны приблизились почти к самому полотну. Где-то вдали, на линии, отрывисто зарокотал пулемет, залаяли сторожевые собаки, и сразу же, зашипев, взвилась в небо зеленая ракета — сигнал выступления.

Зина вместе с товарищами метнулась вперед, скатилась в кювет, поднялась. Перед глазами стальная колея... Вставив капсюль, заложила шашку под стык рельсов. По всей линии так же действовали остальные партизаны.

Словно откуда-то сверху Зина услышала голос командира взвода:

— Спокойно! Все в порядке.

Не прошло и пяти минут, как сразу же в разных местах на полотне загремели взрывы. В небо взвилась теперь белая ракета — сигнал отхода.

...В эту ночь партизанами отряда, в котором находилась Зина, были подорваны рельсы на железнодорожном пути Полоцк—Витебск, на расстоянии двух километров. В лагерь вернулись без потерь.

А днем стало тревожно. По светлому, безоблачному небу с оглушительным ревом рыскали вражеские самолеты... В отместку за проведение железнодорожной диверсии фашисты ожесточенно бомбили партизанские деревни.

Неожиданно Зина увидела в партизанском лагере всю семью Дементьевых. Встреча была радостной, трогательной. Зина бросилась к ним, обнимая, целуя.

— Ушли... — скорбно, со слезами на глазах жаловалась Анна Андреевна. — Всю нашу семью хотели забрать. Спасибо Нине Азолиной, выручила — предупредила.

А через несколько дней к партизанам с разрешения подпольной комсомольской организации пришли Катя Зенькова, Иван Галошкин (Добрыня) и Ефим Лемнев. Всем им угрожал арест.

— Ну, теперь вас, юных мстителей, здесь целая колония, — сказала секретарь подпольного райкома комсомола Наташа.

Едва она собралась побеседовать со вновь прибывшими комсомольцами, как в штабную избу влетела разыскивающая Зину Галька:

— К нам самолет прилетел! Наш! С красными звездами!

Это было такое событие, которое не могло оставить спокойным ни одного партизана. Все побежали смотреть прилетевший с Большой земли самолет.

Он стоял на лесной поляне, прикрытый маскировочными сетями, ельником. Вокруг толпились партизаны. Сколько было радости! Самолет привез с Большой земли не только оружие, боеприпасы, медикаменты, потребность в которых была особенно большая, но и письма...

Вполне понятно, что сестры Портновы не ждали письма. Их адрес на Большой земле не был известен. Но кто-то подсказал девочкам:

— Напишите и вы родным.

Сестры сразу же побежали домой — ведь времени в обрез. Зина писала письмо, а Галька диктовала ей.

— Напиши, что я стала большая! — требовала она, подперев кулачками голову.

— Ладно, ладно... — соглашалась старшая сестра. — Не слушаешься ты только...

— Как не слушаюсь?! — изумилась Галя, широко раскрыв глаза, и от обиды даже покраснела. — Наговариваешь все на меня...

— Ладно, ладно, слушаешься. — Зина, боясь, что Галька разревется, поспешила ее успокоить: — Лучше давай прочту, что я написала.

«Здравствуйте, мамочка и папочка!

Мы живы и здоровы, чего и вам желаем. Мама, мы сейчас находимся в партизанском отряде, вместе со всеми бьем немецких фашистских оккупантов. Галочка тоже вме-

сте со мной. Мамочка, пока писать много не буду, так как не знаю, получите ли эту записку. Как получите, так сейчас же напишите ответ.

С приветом!

Ваши дочери Зина и Галя.
27.8.43 г.».

— Видишь, и про тебя написала, и привет передала.

— Хорошо! — Глаза у Гали сияли от радости.

Зина сложила лист треугольником, старательно вывела: «Полевая очта 05400 — 17. Бригада имени Ленина, 3-й отряд» — и тяжело вздохнула: не верилось, что этот листок попадет в руки родителей.

— Теперь будем ждать ответа, — погладила Зина сестру по щеке.

— А скоро? — допытывалась Галька.

Ей казалось, что раз письмо повезет красnozвездный самолет, он в тот же день опустится в Ленинграде. К самолету подойдет почтальон с большой кожаной сумкой, заберет письма. Затем поднимется на третий этаж дома по Балтийской улице. Навстречу выйдут одновременно отец и мать.

— Вам письмо от Зины и Гали, — скажет почтальон и протянет сложенное треугольником письмо.

Зина слушала наивный Галькин лепет и грустно качала головой. Неизвестно еще, живы ли там родные?

Глава пятая

— Ромашка, ты в Оболи знаешь Нину Азолину? — спросил однажды Зину командир отряда, вызвав ее в штаб.

— Знаю, товарищ командир! У нее подпольная кличка Василек, — ответила Зина.

Сидевшие за столом переглянулись.

— Очень хорошо, — произнес командир. — Хочу послать тебя, Ромашка, со срочным заданием к юным мсти-

телям в Оболь. Отнесешь подпольщикам письмо. Как, сумеешь?

— Ваше задание будет выполнено! — четко произнесла Зина, очень обрадовавшись: наконец-то она пойдет в Оболь!

— Пока можешь быть свободна, а через час заглянешь к нам... Задание весьма срочное, пойдешь сегодня.

Когда Зина ушла, в избе возобновилось прерванное ее приходом совещание.

— Почему ты решил послать именно ее? — спросил секретарь подпольного райкома партии.

— Да девчонка больно толковая... — задумчиво отзывался командир. — И потом немцы и полицейские на подrostков все же меньше обращают внимания... Но ей придется идти кружным путем. Прежний путь теперь опасен.

— А что, если не успеет предупредить?.. — озабоченно нахмурился комиссар.

Только что они через связного получили от своего человека сообщение, что Нине Азолиной грозит арест. Ни связной, передававший это сообщение, ни в партизанском штабе еще не знали, что под угрозой ареста находится не одна Азолина, а вся подпольная организация.

Когда ровно через час Зина вернулась в штабную избу, она застала там только командира.

— Так вот, Васильку теперь угрожает опасность. Немцы подозревают, что она помогает партизанам. Нужно предупредить, чтобы она срочно уходила к нам. Как думаешь с ней связаться в Оболи?

— Думаю, мне лучше сначала зайти к Фрузе Зеньковой, — ответила Зина.

Командир задумался. Положение осложнялось тем, что, как он узнал от комиссара отряда, Фруза получила задание подпольного райкома партии на этих днях побывать в Полоцке. Уехала ли она, вернулась ли, благополучно ли

прошла поездка — никто в партизанском отряде пока не знал.

— Вероятно, ты не сможешь встретиться с Фрузой, ее может не оказаться дома.

Тогда, несмело переминаясь с ноги на ногу, Зина предложила:

— А может быть, вы мне разрешите зайти в Зую к бабушке? Василек живет рядом, за изгородью. Я могу ее сразу предупредить.

— А если не сможешь передать?

— Тогда я постараюсь встретиться с кем-либо из наших подпольщиков. Они все меня знают, и передам ваше сообщение на словах, а письмо оставлю в нашем старом тайнике. — И Зина рассказала про существовавший на усадьбе в дупле липы тайник.

— Дельное предложение... — согласился командир.

Он протянул Зине зашифрованную записку, которую она должна была, заучив на память, передать по назначению. Затем командир с ласковой теплотой посмотрел на Зину и пожал ей руку:

— Ну, желаю удачи! Сейчас пойдешь к комиссару, он подробно объяснит тебе, как пройти в Оболь кружным путем: короткий теперь блокирован немцами. Будь, девочка, осторожна.

Зина смущенно смотрела на него, не решаясь что-то сказать.

— Ты хочешь о чем-то спросить меня?

И Зина осмелилась:

— Разрешите мне на обратном пути забрать моих двоюродных братьев. Они остались одни, без матери... — Говорила торопливо, горячо, с мольбой глядя на командира: — Бабушка старая-престарая. Ей трудно всех содержать. Если я мальчишек возьму с собой, то бабушке с одной Любочкой будет полегче.

— Ну что ж, выполнишь задание и приводи.

По пути на инструктаж Зина завернула к сестренке в

госпиталь, предупредила, что уходит на задание, и, не стерпев, пообещала:

— Обратно, может быть, приду не одна. Приведу с собой Нестерку и Леньку.

— Вот хорошо-то! — просияла Гальяка.

Помочь Зине пройти через партизанскую зону вызвались старик партизан и Добрыня. Время уже приближалось к полуночи, когда они миновали два последних дозорных поста.

Небо завесили густые, кучевые облака, предвещавшие дождливую погоду. На обрывистом берегу Западной Двины остановились. Здесь предстояло расстаться с провожаемыми.

Добрыня, поцеловав Зину в щеку, шепнул на прощание:

— Возвращайся быстрее. Буду ждать тебя.

Зина осталась одна. В кустах разделась, связала свое белье. Держа узел над головой, осторожно вошла в воду и, тихонько гребя свободной рукой, поплыла. Хорошо плавать она научилась еще в Ленинграде, поэтому довольно легко преодолела реку. Ползком по песчаной отмели пробралась к кустарнику. И, стараясь неосторожным шорохом не выдать себя, оделась.

Она кралась зарослями ольшаника, уходя все дальше от опасного берега реки. И вдруг совсем близко услышала голоса. Очевидно, полицаи. Счастье, что она не нарвалась на них. Зина опустилась на землю и поползла в сторону.

Кончилось мелколесье. Впереди темнело покрытое росой обширное поле. На ощупь Зина определила — рожь, с тяжелыми, набухшими от влаги колосьями. Значит, вышла удачно, — точно, как ее инструктировали накануне.

Теперь никуда не сворачивать, идти прямо.

В мокром ржаном поле ее не было видно. Но позади оставался заметный след, по которому ее могли легко обнаружить даже теперь, в темноте. И все же в густой ржи идти было не так страшно. Она вышла к проезжей дороге.

Остановилась, пригляделась, наконец решившись, перебежала ее и замерла, услышав немецкое: «Хальт!» Значит, патруль наткнулся на ее след!

Прозвучал выстрел, и тут же длинная автоматная очередь полоснула, казалось, совсем над головой.

«Заметили!..» — ужаснулась Зина. Стрельба так же внезапно прекратилась. Где, пригнувшись, бегом, где ползком — Зина уходила все дальше и дальше от опасного места. Поле кончилось. Спасительный, как ей казалось, кустарник вырос перед глазами. Продираясь сквозь цепкий можжевельник, она то и дело проваливалась в густую, липкую жижу... «Болото, — вспоминала она слова инструкторовавшего ее комиссара, — гиблая трясина! Не входить, пробираться стороной!» Но теперь предостережение утратило свой смысл. Только болото могло спасти от преследования.

Она уже с трудом вытаскивала отяжелевшие ноги из торфянистой гущи и, хватаясь за ветки кустарника, выбиралась на кочки.

Совершенно неожиданно — так, что замерло сердце, — загрохотало небо и расколелось пополам, огненная стрела прорезала черные облака. И в свете молнии Зина совсем рядом увидела заросли ельника. Значит, она шла по краю болота. За ельником начинался высокий хвойный лес. Вокруг, как орудийная стрельба, гремели раскаты грома, и огненно-красные молнии разрезали небо в черных провалах.

...Серый утренний рассвет застал Зину уже далеко от Западной Двины. Она перемотала мокрые, сбившиеся ону-чи, чувствуя, что сильно натерла ноги. Влажная юбка прилипла к телу. Зине было холодно, ее знобило.

Заросшая высокой травой сеча сменилась лиственным мелколесьем, а за ним открывалась широкая равнина. По всем признакам, здесь недавно существовала деревня: колодец возле дороги, среди лопухов и высокой травы — развалины обгорелых бревен, кучи щебня.

Встретилась одичавшая, с облезлой шерстью и большими зелеными глазами, серая кошка. Зина уловила запах свежего дымка. Из небольшого бугорка торчал обломок чугунной трубы. Значит, жилая землянка.

Зина колебалась: уходить или подождать? И пока она размышляла, из землянки вылезла седая, с суровым лицом, женщина в рваном черном, заношенном платье. Она тащила за собой на веревке козочку.

— Как ваше селение называется? — спросила Зина, подойдя ближе.

— Было селение, да сплыло. Одна я теперь здесь живу. — Голос пожилой женщины звучал надтреснуто. — Сожгли немцы всю деревню, а людей угнали еще в прошлом году.

И тут Зина заметила приближающихся по проселку немцев с пилами в руках. Их было человек пять... очевидно, саперы. Бежать в лес было поздно.

Зина выхватила из рук женщины веревку с козой.

— Я сама... Только молчите... — умоляюще прошептала Зина и пошла навстречу немцам, потащив за собой упиравшуюся козу. Еще секунда понадобилась Зине, чтобы, низко нагнувшись, вытащить из-за пазухи носовой платок с запиской командира и сунуть его в густые лопухи. — Пошли, пошли, моя милая! — громко уговаривала она козу.

Немцы прошли мимо, не обратив внимания на Зину. Она едва успела перевести дух, как на дороге снова показались солдаты — другая партия. Женщина испуганно затряслась:

— Иди скорей в землянку...

Зина, подхватив свой узелок, быстро спустилась по земляным ступенькам. Оказавшись в сыром, темном помещении, обшитом изнутри досками, Зина огляделась.

Застланная серой дерюгой койка, маленькая грубка с трубой и с чугуном на конфорке, а под крошечным застекленным окошком — ящик, служивший, видимо, столом. Зине сначала показалось, что в низкой, мрачной зем-

лянке никого нет. Но, привыкнув к сумраку, она заметила в углу смуглую большеглазую девочку лет пяти.

— Ты кто? — подала голос девочка.

— Беженка, — ответила Зина.

— А я — Юлька, — сообщила девочка, доверчиво глядя на Зину.

Опираясь тонкими ручонками на самодельный костылек, Юлька боком вылезла из своего угла. Одной ножки у нее не было. Из-под короткого ветхого серого сарафанчика высывалась сине-багровая культя.

— Осколком мины у нее ножку оторвало, — пояснила, спускаясь вниз, хозяйка землянки. — Мать немцы застрелили, а ее осколком...

Девочка пытливо глядела на Зину. Ее большие глаза в ореоле темных ресниц смотрели диковато.

— Так вот и живем вдвоем с Юлькой, — сказала женщина, наливая в консервную банку молока и ставя на ящик глиняную плошку со спелой лесной малиной. — Ешьте, — предложила она Юльке и Зине. — Козочка у меня доится. Сама дивлюсь, как это немцы ее не отобрали!

Выпив необыкновенно вкусного козьего молока со спелой малиной, Зина поблагодарила хозяйку и отдала часть своего хлеба из узелка Юльке.

Кажется, теперь, когда опасность миновала, можно было уходить. Хозяйка, осторожно выглянув из землянки, внимательно осмотрелась вокруг и неожиданно сказала:

— Не позабудь, возьми, что спрятала в лопухах.

Зина невольно вздрогнула. Значит, женщина все заметила...

Сердечно поблагодарив и распрощавшись с Юлькой, Зина двинулась в путь. Она прошла километра два.

В глухом, заваленном буреломом лесу часто попадались ржавые консервные банки, винтовки с разбитыми прикладами, солдатские каски, пустые поломанные ящики из-под снарядов. Вокруг было столько малины и грибов, словно сюда никто не заходил. Зина не сразу сообрази-

да, что идет по заминированному лесу. Круто свернув в сторону, она прошла заросшую орешником вырубку и оказалась перед большим полем.

Время близилось к полудню. На поле работали люди. По проселочной дороге пылила машина, за ней — другая... Пробираться по закрайкам стало опаснее, чем идти открыто по дороге. Где-то совсем рядом загудел паровоз. До Ободательную вышку с часовым на косогоре, где весь кудстарник был, видно, недавно вырублен. Зина немного отдохнула, соображая, как безопаснее пробраться в деревню. По знакомой тропинке пересекла поле желтеющей пшеницы. Все ближе и ближе она подходила к деревне.

Вот и усадьба бабушки. Легко проскользнув под слегами изгороди, она прокралась к старой липе. Положила записку в дупло и легла между грядками картофеля, обратив внимание, как, словно хлопья саж, с тревожным криком кружились над усадьбой испуганные галки.

«Чего это они так раскричались?» — едва успела подумать Зина и тут же услышала шум и немецкую речь. Немного приподняв голову, выглянула и замерла. В закоулке между избами урчала грузовая машина, а из дома Азолиных полицаи выводили родных Нины и заталкивали в грузовик. Двое эсэсовцев отдавали приказания.

«Опоздала!» — со страхом подумала Зина. Остановившимися от ужаса глазами она следила, как полицаи выводили теперь ее бабушку. Бабушка семенила, согнувшись, на ходу повязывая платок. Из избы выбежала маленькая шустрая Любаша в коротком ситцевом платье.

— Бабуля! Бабуля! Куда же ты? Возьми и меня!

Машина, затарахтев, тронулась с места и, все ускоряя ход, покатила в сторону Оболи.

Из закоулка выскочил в рваной ковбойке какой-то парнишка. «Нестерка!..» — не сразу узнала его Зина.

Нестерка поднял с земли громко рыдавшую Любашу и понес на руках домой, громко уговаривая:

— Не плачь! Не плачь! Успокойся!..
Через несколько минут Зина прокралась в избу.

— Зина! — в один голос изумленно произнесли ребята, не веря своим глазам, и бросились к ней.

А Нестерка, плача, стал рассказывать:

— Бабушку полицаи забрали. Всех Азолиных и Слышенковых тоже забрали и увезли в Оболь.

— Я все видела... Скорее собирайтесь! — Зина заметалась по избе, поспешно хватая на ходу что попадало под руку из одежды. И спохватилась: — А Ленька где? Мы сейчас уйдем.

— Не знаю, — испуганно сказал Нестерка. — Он с утра куда-то исчез.

— Где же он?.. Где?.. — плачущим голосом спрашивала Зина, не зная, что делать.

Нестерка сбегал на улицу, но Леньку не обнаружил.

— Надо уходить, — не без колебания решила Зина. — Полицаи могут с минуты на минуту снова нагрянуть в избу, и тогда всем нам — крышка.

Втроем, крадучись, они стали пробираться к лесу. А на бабушкиной кровати в избе осталась лежать поспешно написанная Нестеркой записка: «Ленька! Мы ушли с Зиной и Любочкой в лес. Бабушку немцы забрали».

Добравшись до леса, ребята прилегли в кустах. Сил идти у Зины уже не было. Да и теплилась слабая надежда, что Ленька их догонит. Они ждали довольно долго, но Ленька не пришел. Им предстоял длинный, утомительный путь по лесным тропам. Выходить на дорогу, показываться на глаза людям Зина с ребятами уже не решалась. Так они — где лесом, где опушкой, где оврагом — брели долго. Недалеко от пограничной зоны решили немного отдохнуть и подкрепиться перед опасным участком пути. Зина развязала свой узелок. Там еще оставались кусок хлеба и несколько огурцов. Разделила на всех.

На лесной лужайке было тихо, спокойно. Краснели среди высокой травы крупные спелые ягоды земляники,

которые, ползая на коленях, принялась собирать Любочка. Где-то в стороне негромко постукивал дятел, кружились в воздухе разноцветные мотыльки...

Зина лежала на траве, мучительно размышляя о том, что произошло в деревне. И вдруг рядом зашевелился можжевельник. Зина испуганно вскочила.

— Это же собака, — успокоил Зину тоже насторожившийся было Нестерка.

Из кустарника выглянула небольшая рыжая морда, а затем показалась и вся собака. Она глядела на ребят большими влажными глазами и слегка виляла хвостом.

— Есть хочешь, песик-барбосик? — Зина отломил от хлеба корочку.

Собака, осмелившись, приблизилась, с жадностью проглотила хлеб и снова глядела на Зину, виляя хвостом.

— Больше ничего нет, — развела руки Зина. — Ну-у, до свидания, рыжий песик! Как тебя зовут? Лисичка?

Она и в самом деле была похожа на лисичку, эта собака, — пушистый хвост, острая мордочка, уши торчком.

Ребята снова отправились в путь. Нестерка нес Любочку на закорках.

Собака плелась за ними.

— Не ходи! — тихонько приказала Зина, взмахнув рукой и даже топнув.

Собака отбежала в сторону. Пройдя немного, Зина оглянулась — собака как ни в чем не бывало трусила за ними. Шуметь, отгонять ее Зина не решилась.

— Что делать? — растерялась Зина. — Вдруг она залает? Выдаст нас!

Нестерка молчал. Ему так же, как и Зине, было жаль собаку. Идет за ними... Хочет спастись. Очевидно, бездомная, бесприютная. Может быть, немцы расстреляли или сожгли хозяев, а Лисичка уцелела.

Вскоре случилось то, чего они опасались. Собака, залав, выдала их... Двое полицейских из сторожевой заставы задержали ребят.

— Кто такие?.. Куда идете?.. Почему лесом, а не по дороге?..

Любочку держал за руку Нестерка, а Зина отвечала, пытаюсь разжалобить полицейских, что родители у ней погибли, идет издалека с братишкой и сестренкой в деревню, к родным. Зина наугад назвала деревню, находившуюся, как она знала, на партизанской территории.

— Отпустите... — хныкал Нестерка, помогая сестре.

— А не врете? — подозрительно взглянул на них полицейский, злой и нахмуренный.

Но другой небрежно отмахнулся:

— Пускай идут... Не тащиться же с ними в гарнизон.

На всякий случай обыскав ребят, они отпустили их.

Зина взяла на руки Любочку, и ребята поплелись дальше.

В сумерках они благополучно переправились на противоположный берег и уже утром, измученные и усталые, предстали перед Аграфеной Кузьминичной, хозяйкой избы, вместе с Лисичкой. Зина сразу же побежала к командиру, рассказала, что происходит в Оболи.

— Я уже знаю... — печально отозвался он. — Опоздали мы...

Через несколько дней два партизана привели к Зине в избу оборванного, босоногого долговязого парнишку. Это был Ленька. Судьба бабушки оставалась неизвестной.

Глава шестая

Двадцать восьмого августа 1943 года гестапо в Оболи провело массовую карательную операцию. Подготовка к разгрому молодежной подпольной организации велась гитлеровцами чрезвычайно секретно.

Первой, как только явилась на работу в комендатуру, была арестована Нина Азолина. В это же время наряды полиции и гитлеровцев появились в других местах Оболи, Зуе, Ушалах, Мостище и в окрестных селениях.

Володю Езовитова взяли дома. Евгений Езовитов, предупрежденный старшим братом, попытался скрыться, но по дороге был схвачен гитлеровцами. Федя Слышенков, когда на усадьбе появились полицейские, выстрелом из нагана ранил одного, но сам был схвачен.

Вслед за арестованными на машинах в гестапо стали отвозить и их родственников. Всего в этот день было арестовано шестьдесят восемь человек.

На столбах и заборах станционного поселка появились расклеенные объявления, гласившие, что «обезврежена большая группа советских бандитов».

Фрузы Зеньковой в это время не было дома. Она и прежде уже несколько раз ездила в Полоцк по заданию подпольного райкома партии. Ездила под предлогом обмена продуктов на необходимые семье вещи. Боевая, бойкая, речистая, девятнадцатилетняя Фруза, умевшая не только толково поговорить, но и с обаятельной улыбкой пошутить, обладала помимо личной храбрости также умением вести торговые операции.

Только у нее одной из подпольщиков имелся пропуск на право поездки по железной дороге. Был у нее и аусвайс, тоже выданный ей по делам общины.

В Полоцке Фруза бывала и до войны. Но при оккупантах город стал неузнаваем. Полуразрушенный вокзал, всюду разбитые снарядами постройки. Не было ни трамваев, ни автобусов. Самые лучшие уцелевшие дома заняты немцами. На здании, где раньше был кинотеатр, надпись: «Только для граждан германского рейха». На городской площади, среди разрушенных строений, висели на телеграфных столбах два трупа: парень и девушка. «А это для нас, белорусов», — с горечью подумала Фруза.

Сразу же за площадью ее остановил патруль. Сердце екнуло. Фруза вынула свой аусвайс и пропуск. Патруль, проверив документы, даже откозырял ей и удалился. Фру-

за прошла по главной улице через весь город и выбралась на окраину.

Вот и знакомый одноэтажный с почерневшей драночной крышей домишко с двумя окнами. Прошла по улице дальше — не следят ли? Вернулась. Негромко постучала в калитку. Дверь открыла худощавая седая женщина, и, хотя они уже знали друг друга, Фруза назвала пароль. Ей ответили... И она облегченно вздохнула: можно входить.

Немного спустя Фруза вышла из дома на улицу. Внимательно осмотрелась по сторонам. Улица безлюдная... Вокруг — руины, пепелища... заросшая травой мостовая.

Главное сделано, от основной ноши в корзине она избавилась, теперь можно и на базар.

...На базарной площади шла бойкая торговля. Все были покупатели и все продавцы. На хлеб обменивали разные вещи, махорку, мыло, самогонку, соль. Только и было слышно: «Меняю...» Фруза тоже теперь меняла захваченные с собой продукты на соль и кремни для зажигалок, в которых особенно нуждались партизаны.

Чтобы не вызвать подозрений, она старалась яростно торговаться. Ей удалось обменять кусок свинины на отрез ситца, а потом этот ситец опять сменять уже на соль.

В этот день она не смогла вернуться в Оболь. Поезд на Витебск уже ушел. Фруза переночевала у подпольщиков и на следующий день, забрав с собой запалы для мин, ушла на вокзал. В Оболи на станции ее должен был встретить Аркадий Барбашов и забрать эти запалы.

Аркадий Барбашов пришел в поселок Оболь, не подозревая, что в комендатуре гестапо имеется приказ о его аресте, что полицейские уже поехали в деревню Ферма, где он жил.

Самое удивительное было то, что, явившись в поселок, он спокойно ходил по улицам мимо гитлеровцев, коротая время до прихода поезда из Полоцка, который, как обычно, запаздывал. И никто на него не обратил внимания.

День стоял солнечный, жаркий, но небо наливалось

густой синевой, обещавшей грозу. Аркадий спустился к реке, выкупался и залег в кустарнике рядом с дорогой.

Мимо проезжали машины, подводы... проходили пешеходы. Все было обычным. Но тут впереди запылil грузовой. Рядом с шофером сидел эсэсовец. Немного приподнявшись, Аркадий увидел в кузове Зину Лузгину и ее родственников под охраной полицейских. Сразу же показался другой грузовик. Там в кузове в окружении полицейских находились Евгений и Володя. Аркадий сразу понял, что ребята арестованы и везут их в Оболь.

И в это время на линии со стороны Полоцка загрохотал поезд. Растерявшись, Аркадий не знал, что делать. Он выбрался на дорогу, но тут же вернулся. Идти на станцию не имело смысла — там он будет на виду. Если Фрузу не схватили, она пройдет здесь.

...Фруза в это время спокойно сошла с поезда. Она очень устала от поездки, от нервного напряжения и, видимо, поэтому не обратила внимания на усиленный наряд полицейских на перегоне.

На площади стоял грузовик кирпичного завода со знакомым ей шофером. Пассажиры уже забирались через борта в кузов машины. Фруза, спросив у водителя, куда он едет, тоже полезла в кузов, устроившись на борту.

Старенький, ветхий грузовик тронулся с места и, поскрипывая, подпрыгивая на ухабах, покати л по дороге. Быстро миновав поселок, проехали мост. И тут Фруза увидела Аркадия. Он стоял на обочине. Фруза махнула ему рукой, давая понять, что все в порядке, что она заметила его. И вдруг случилось непонятное, запрещенное правилами конспирации: Аркадий сорвался с места, подбежал к грузовику, и она услышала:

— Слезай!.. Слезай, тебе говорю!.. Скорее слезай!

Аркадий бежал рядом, хватаясь за борт.

Крикнув водителю, чтобы тот остановил машину, Фруза, схватив свои вещи, спрыгнула. К ней подскочил взволнованный, запыхавшийся Аркадий. На нем не было лица.

— Наших забрали... Не ездй домой... — сказал он торопливо, на ходу принимая у нее вещи, и оба бросились к ближайшему лесу.

Не понимая толком, что же произошло, но не менее напуганная, чем Аркадий, Фруза сразу никак не могла сообразить, что теперь делать.

Остановились на опушке. Немного отдышавшись, стали совещаться.

— Тебе опасно идти домой, — стоял на своем Аркадий. — Я же своими глазами видел, наших ребят повезли... Нужно немедленно уходить.

Фруза колебалась. Как же она может уйти, не узнав, в чем дело, не предупредив ребят. И, подумав, она решила дойти лесом до Ушал, пробраться к себе в избу и через своих домашних попытаться что-либо выяснить. Договорились, что Аркадий будет дожидаться ее в лесу, у сторожевой вышки.

Фруза налегке, без вещей, напрямик через лесное болото помчалась к себе в деревню.

Когда показались впереди постройки, пошла медленным шагом, с трудом переводя дух. Пот катился с нее градом. Оврагом пробралась к своей усадьбе. Вот краснеет знакомая рябина на усадьбе. Развесистый тополь в пуху. Фруза перелезла через плетень и увидела отца.

Заметив дочь, Савелий Михайлович бросился к ней. Бледное лицо его было перекошено, губы тряслись.

— Уходи скорее! За тобой уже полицаи приходили! Они в деревне... Я тебя здесь уже давно поджидаю... Мы с матерью тоже уйдем!

Отец побежал в избу, и через минуту оттуда на усадьбу выскочила мать, подбежала к Фрузе:

— Кровинушка ты моя... За тобой приходили!

Лицо матери было в слезах, она еще что-то говорила, причитая, но Фруза резко остановила ее.

— Возьмите с отцом что-нибудь самое необходимое и быстро сюда... Уйдем в лес.

Фруза осталась ждать их у тополя. Прошло несколько минут, они показались Фрузе вечностью. Наконец на огороде появился отец с узелком в руках, за ним семенила мать, тоже с узлом... Но, очевидно про что-то вспомнив, бросила узел на землю, метнулась обратно в избу.

— Скорее! Скорее! — мысленно торопила Фруза. И тут заметила за изгородью на дороге солдат, полицейских. Они шли к избе.

— Скорее, скорее... — шептала Фруза.

Вот мелькнуло белое платье матери. Она уже спускается с крыльца с узелком в руках...

— Стой!.. Куда?.. — раздался резкий окрик.

Перемахнув через изгородь, полицейский догнал мать, схватил за руку и повел обратно в избу.

Фруза с отцом, видя, что дольше оставаться невозможно, спустились в овраг и закрайками торопливо побежали к лесу.

Фруза с отцом и Аркадий пришли к партизанам раньше, чем явились туда Зина с ребятами. Не ожидавшая встречи Зина кинулась к Фрузе:

— Таня... Что происходит в Оболи? Ты знаешь?.. — и заплакала.

Но Фруза и сама знала не больше Ромашки. Обычно румяное лицо Фрузы теперь осунулось, потемнело, глаза опухли от слез. Ее угнетала не только судьба подполья, но и свое личное горе — неизвестность о судьбе матери.

События в Оболи очень встревожили партизанское командование. Не было сомнений — аресты подпольщиков не случайность. Об этом шел разговор на совещании, где помимо уцелевших юных мстителей находились и секретари подпольных райкомов партии и комсомола.

— Твое мнение? — обратился к Фрузе командир. — Почему так внезапно начались аресты? Были ли до этого какие-либо признаки, что гестапо догадывается о существовании подполья?

— Таких признаков никто из нас не замечал. Все надежды были на Василька — думали, она внесет ясность, но, оказывается, и ее тоже забрали... — Голос Фрузы сорвался от волнения.

— Просуществовали вы довольно долго. Шестьсот десять дней боролись с гитлеровцами, активно нам помогали, — сказал секретарь райкома. — В конце концов гестапо могло и само догадаться о подполье. Там сидят не дураки. Ни одна из подпольных групп у нас так долго не продержалась, как ваша. Шестьсот десять дней!.. — снова повторил секретарь. — Конечно, большую роль тут играла помощь Нины Азолиной. Но и вы все действовали смело и, пожалуй, слишком рискованно.

— Мы и теперь будем действовать! — подал реплику Илья, недавно чудом спасшийся после диверсии.

— Разрешите мне вернуться в Оболю? — обратилась к командованию Фруза. — Я все на месте узнаю...

— Нет, не разрешаю. Кстати, пойти в Оболю просились и Аркадий с Ильей. Но теперь, когда полиция и гестапо разыскивают вас, было бы неразумно появляться в Оболи, — сказал командир отряда в конце заседания.

Оставшись одни, ребята долго не расходились. Вопрос секретаря райкома о причинах ареста подпольщиков заставил каждого задуматься. Кто-то снова высказал мысль о предательстве. Но Фруза отвергла ее.

— В предательство я не верю, — сказала она, волнуясь. — Не было в рядах юных мстителей предателей.

— Просто раньше все наши диверсии приписывали «людям из леса», — подала голос Надя Дементьева. — Но когда мы по их прямому указанию почти в одно и то же время взорвали водокачку, электростанцию, подорвали воинский эшелон в пути, вывели из строя машины на торфяном и кирпичном заводах, подожгли лен на складе... гестаповцы, очевидно, не поверили, что везде действуют «люди из леса». Они поняли, что в Оболи существует подпольная организация... Начали выслеживать...

— Я согласна с нею, — поддержала Надину версию секретарь райкома Наташа. — Ходят слухи, весьма разноречивые и безрадостные. Фашисты арестовывают в Оболи и окружающих деревнях очень многих, главным образом молодежь, подростков. И уже стали отсеивать арестованных, оставляя тех, против кого уже имелись какие-то подозрения... Полиция разыскивает теперь зрелых людей, которые, по мнению гестапо, руководили на месте подпольем и были связаны как с партизанами, так и с фронтовой разведкой.

Особое внимание гитлеровцы обратили на сарай усадьбы Хребтенко. Там на воротах нарисован черт. Они, видимо, думают, что по этому знаку связные партизан и фронтовой разведки легко разыскивали дом подпольщиков.

Теперь, когда на партизанской территории были двоюродные братья и сестренка Любочка, Зина терзалась душой о бабушке. Особенно тоскливо ей бывало по вечерам, в полутемной избушке едва тлела коптилка. Огонек метался из стороны в сторону, причудливые тени плясали по бревенчатой стене. И казалось Зине, что на лавке сидит бабушка, Ефросинья Ивановна, за широким старинным пластичным гребнем и расчесывает льняную кудель.

— Бабушка!.. Милая, дорогая, где ты теперь?.. Что с тобой? — шептала Зина, уткнувшись лицом в подушку, обливаясь слезами.

А вскоре свалилась новая беда: выяснилась наконец судьба долго не возвращавшихся из разведки Ксении и Насти. Партизаны нашли трупы Ксении и Насти вблизи своей зоны. Девушки нарвались на полицейскую заставу и были расстреляны.

Со слезами на глазах стояла Зина на кладбище возле свежей могилы. В сознании никак не укладывалось, что этих девушек, ставших за короткое время ей такими близкими, уже нет в живых. Зина собрала на опушке

ромашек, васильков и поставила в жестяной банке на могилу. Глядя на васильки, невольно вспомнила Нину Азолину. «Бедная, каково ей теперь там, в тюрьме? А может, ее тоже нет в живых?..»

Как всегда, в тяжелые минуты ее потянуло к самому родному человечку. И Зина решила заглянуть в госпиталь. Остановилась в сенях. В раскрытую дверь донесся тоненький, звонкий голосок Гальки:

— Хотите, я вам песенку спою?

— Спой, Галочка, спой, — отозвались раненые.

В своем белом халатике, без платка, рассыпав по плечам кудряшки, Галя стояла в проходе и пела песню про юного барабанщика.

Когда Галя пропела последние слова песни:

Погиб наш юный барабанщик,
Но песня о нем не умрет! —

какое-то гнетущее, тяжелое предчувствие охватило Зину, и ее сознание пронзила не по-детски скорбная мысль: «Галочка, моя дорогая! Если ты выживешь и станешь большой, никогда не забывай того, что мы с тобой испытывали...»

Глава седьмая

До самой осени в партизанском отряде была неизвестна судьба арестованных юных мстителей.

И вот однажды октябрьским утром отряд собрали в полном составе на опушке леса, возле деревни. Зина, одевшись по-походному, с автоматом на груди, стояла в одной шеренге рядом с Машей и Надей Дементьевыми, рядом с Ильей, Аркадием и Фрузой.

«Будут зачитывать приказ!» — поняли партизаны, когда перед шеренгой вышли и остановились командир и комиссар отряда.

День был солнечный, по-летнему теплый. На опушке желтели березы и клены. Пестрела луговина, осыпанная опавшей листвой. Сверкала на ветвях кустарника, смоченных недавним дождем, узорчатая паутина.

— Товарищи! — обратился к партизанам комиссар. — На днях в местечке Боровуха-2 под Полоцком гитлеровцы расстреляли наших партизан, выполнявших диверсионную работу в подполье. Расстреляли участников комсомольской организации «Юные мстители». Вы должны знать их имена... Комиссар читал приказ медленно, непривычно глухим голосом, делая большие паузы после каждой фамилии:

— Азолина Нина... Алексеев Николай... Езовитов Владимир... Езовитов Евгений... Лузгина Зинаида... Софончик Воя... Слышенков Федор... Хребтенко Дмитрий... Хребтенко Мария...

— Мы пока знаем еще не все имена, — каким-то чужим голосом продолжал командир, — но нам известно, что погибшие держались в фашистском застенке стойко. Никто из них не выдал своих товарищей, не оговорил других. Особенно трудно было Нине Азолиной и Володе Езовитову. Их пытали больше всех... Арестованы матери и отцы, братья и сестры юных мстителей. Может, к списку расстрелянных прибавятся еще новые имена...

Скорбным молчанием, сняв шапки, склонив головы, партизаны почтили память своих погибших товарищей. Долго не расходились.

— Давайте еще постоим! — предложила своим друзьям Фруза.

На опушке леса возле молоденьких березок стояли Зина, Илья, Аркадий и другие юные мстители... Словно снова собрались они на свою подпольную сходку. Из тридцати восьми осталось их совсем немного. Общее горе еще более породнило, сблизило ребят. Вспомнили, что из Нины могла бы получиться талантливая актриса. На школьных спектаклях она выделялась... Что Володя

умел очень хорошо играть в шахматы... Что лучше всех плясала «цыганочку» Маша Хребтенко. Что Зоя Софончик обладала талантом певицы, особенно хорошо она пела народные песни...

Слезы стояли на глазах девушек.

— Давайте лучше думать, как мы отомстим за них!.. — прервал тяжелое молчание Илья.

Его поддержали Аркадий, Добрыня:

— Надо доказать фашистским гадам, что организация действует.

Вечером того же дня секретарь подпольного райкома комсомола собрала всех оставшихся обольцев.

— Мы посовещались и решили вашу подпольную комсомольскую организацию «Юные мстители» считать действующей, — сообщила она. — По-прежнему считаем секретарем вашу Таню.

Посыпались предложения, как восстановить подполье в Оболи. Илья предлагал отправиться в Оболь и привлечь там в организацию новых подпольщиков.

— У нас же многие были подготовлены, — напомнил и Аркадий. — Некоторые ребята сами догадывались о нашем существовании.

— Вот и плохо, что они догадывались, — остановила его Наташа. — В Оболь сейчас идти нельзя. У вас и здесь есть неотложные комсомольские дела. В первую очередь обсудите, за счет кого должна расти ваша организация здесь. — Она обвела всех глазами и остановилась на Зине: — Почему у вас до сих пор Ромашка не в комсомоле?

Вопрос этот всех застал врасплох.

Зина заметно смутилась.

— Как не в комсомоле?.. — изумился Аркадий. — Но мы же ее выбрали в комитет.

— Она не подавала заявления, — попыталась оправдаться Фруза.

— А вы с ней в Оболи разговаривали, советовали подать заявление?

— Нет... — чистосердечно призналась Фруза. — У нас в пионерах все еще ходит и Белка. Ей тоже пора вступать в комсомол.

— Вот видите, выходит, комсомольской организации есть чем заняться? — И Наташа посоветовала на прощание: — Не медлите с приемом!

Был поздний вечер, хмурый, сырой... Зина, накинув на плечи ватник, сидела в избе за непокрытым столом. Маленькая, из сплющенного винтовочного патрона коптилка освещала ее задумчивое, повзрослевшее за последнее время лицо. Перед ней — лист бумаги из ученической тетради, пузырек с чернилами. Что она напишет в заявлении? Рекомендацию ей дают секретарь подпольного райкома комсомола и Маша Дементьева. Фруза должна написать на нее характеристику. Кажется, так просто: «Прошу принять меня в ряды Ленинского комсомола!» И в то же время так трудно что-то сказать дальше! Написанное должно идти от души, от сердца. Она должна дать клятву всей своей дальнейшей жизнью, своей боевой деятельностью в партизанском отряде оправдать звание комсомольца. А если и придется погибнуть, то она уйдет из жизни так же смело и гордо, с презрением к врагам своей Родины, как ушли из жизни многие ее друзья.

Ровным разборчивым почерком Зина пишет:

Заявление

о приеме в члены ВЛКСМ

октябрь 1943 г.

Прошу принять меня в ряды Ленинского комсомола. Я хочу громить врага членом комсомола, беспощадно мстить врагу за издевательства над нашим народом, за разрушенные города и села. Буду бороться до последних сил, не жалея крови. Я не боюсь отдать жизнь за свою любимую Родину. И если придется погибнуть, я уйду из жизни верной дочерью народа».

Недели через две в штабной избе состоялось комсо-

мольское собрание. Когда Зина вошла, за большим столом на лавках, стоявших вдоль стен, уже сидели партизаны-комсомольцы. Из своих она увидела Фрузу, Илью, Аркадия, Катю Лузгину, Орлика...

— Садись рядом, — пригласила Зину Орлик, подвигаясь и освобождая место.

Зина обрадовалась: со своими легче, не так волнуешься.

Все время разговаривала-скрипела входная дверь — народ все прибывал. Наконец пришла секретарь подпольного райкома комсомола Наташа, и собрание открыли. Она выступила первой с небольшой информацией. Рассказала, какое теперь положение на фронтах Великой Отечественной войны. Сведения были приятные. Особенно сообщение о действиях ближайшего к партизанам 1-го Прибалтийского фронта. К большой радости Зины, упомянула Наташа и о положении на фронтах под Ленинградом. После того как там прорвали блокаду, положение там стабилизировалось.

Перешли к заявлению Зины.

Она кратко рассказала о себе.

Кто-то из девушек спросил, была ли Зина на выборных должностях.

— Старостой в классе, — ответила Зина, недоумевая, о каких еще выборных должностях может идти речь. И тут вспомнила — о самом-то важном она и позабыла сказать. — В Оболи в подпольной комсомольской организации была членом комитета.

Вопросов больше не задавали. Многие в отряде уже хорошо знали Зину.

Выступили рекомендующие... проголосовали. И Зина полной грудью радостно вздохнула. Она — комсомолка!

После собрания радостная Зина побежала к Гальке в госпиталь. Там было шумно — привезли новых раненых. Галька была уже на ногах. В своем белом халатике и в белом платочке на рыжеватой кудлатой голове, заметно вытянувшаяся за последний год, Галька показалась Зине

очень повзрослевшей. Зина сообщила сестренке, что стала комсомолкой.

— Меня тоже скоро примут, — отозвалась Галка, спокойно восприняв сообщение сестры.

— Куда?

— В пионеры... Мне врач сказал, что всех, кто усердно работает в госпитале, будут награждать. А я тоже усердно работаю. Меня тоже наградят. Дадут мне медаль.

На следующий день Зина должна была идти на задание. Оно оказалось трудным. Немцы усилили сторожевые посты, появились и новые полицейские заставы в неожиданных местах. Чтобы не выдать себя, пришлось обходить опасную зону стороной. На это ушло много времени, но все же партизанам удалось подорвать два вражеских грузовика. Кроме того, партизаны обстреляли машину с немецкими солдатами из строительного батальона.

Возвращалась Зина с задания в передовой разведгруппе. Шли уже днем, тщательно маскируясь. Зина вышла первой из густого дубняка на опушку и в радостном изумлении вскрикнула:

— Наши!..

По тропинке полем шагали люди в красноармейских шинелях, со звездочками на шапках-ушанках.

Пожилый партизан толкнул Зину в спину:

— Молчи!.. Надо проверить, что за люди.

Их было человек двадцать. Они шли как-то очень уж свободно: совершенно не маскируясь и не оглядываясь по сторонам. Очевидно, они направлялись к ближайшему селению.

— Надо точнее установить, что это за деревня, — решил командир.

Зина вызвалась добраться до околицы и там первого встречного расспросить.

Посоветовавшись, партизаны согласились послать в разведку ее: она мало похожа на партизанку, неболь-

шая девчонка. Пожалуй, ей проще не вызывать подозрений.

Она осторожно кралась по луговине, заросшей мелким кустарником, чутко прислушиваясь. Постройки совсем рядом. У околицы звякнули ведра. Очевидно, из колодца набирали воду. Зина подползла ближе. Но пожилая женщина в ватнике уже понесла на коромысле ведра...

Крикнуть, остановить — опасно. Зина снова затаилась в кустарнике. Кто-нибудь должен еще подойти, раз рядом колодец. Что же это за люди в красноармейской форме? Может быть, это все же свои — десантники. Ищут партизан... Вдруг она заметила мальчишку лет двенадцати, гнавшего с речки хворостиной гусей.

Зина вышла из кустарника. Мальчишка, раскрыв рот, удивленно уставился на нее.

— Мальчик, как ваше селение называется?

— А ты кто? — спросил он, переложив из одной руки в другую свою хворостину.

И тут Зина решила действовать в открытую.

— Партизанка!

У мальчишки восхищенно загорелись глаза. Он назвал деревню и тут же предостерег:

— Не ходи к нам, у нас полицаи.

— А что это за люди пришли к вам в красноармейской форме?

— Да эдак полицаи маскируются...

Поблагодарив мальчика, Зина юркнула в кусты.

Партизаны уже беспокоились и бросились навстречу, завидев Зину:

— Жива!.. Мы уже хотели тебя выручать.

Полученные Зиной сведения заставили командира задуматься.

— Как, братва?.. Будем уходить или прощупаем их? — обратился он к товарищам.

— Надо их разоблачить, — предложил старик партизан. — Иначе они сколько зла могут жителям причинить.

Решили оставить на опушке леса несколько человек. Они должны привлечь к себе внимание переодетых полицейских, а основные силы отряда, пробравшись ближе к селению, огорошат врага огнем с тыла.

Примерно через час оставшиеся на опушке партизаны (Зина была с ними) открыли стрельбу, имитируя, что кто-то из них убегает, а другие, громко крича, преследуют. Переодетые полицейские попали на эту удочку и, встреченные перекрестным огнем, были почти все уничтожены. В этом кратковременном, но кровавом бою Зина едва не погибла. Легевшую в нее вражескую пулю принял на себя ее товарищ по отряду, загородив собой Зину.

Двое убитых и четверо раненых — такова была партизанская плата за расправу над коварным врагом.

Глава восьмая

Партизанский отряд, в котором находились теперь юные мстители, входил в состав бригады имени В. И. Ленина, занимавшей выгодную для обороны местность. Естественной преградой служила река Западная Двина, прикрывавшая партизанский край. А за рекой, километрах в тридцати, была Оболя. 1-й Прибалтийский фронт проходил в полутора километрах от Оболи.

В августе 16-я немецкая армия частично вышла из окружения, прорвавшись в районе Старой Руссы к основным своим силам. Нашим войскам не удалось разгромить ее полностью. Но зато были освобождены Спас-Демянск и Ельня. Во второй половине сентября был взят Смоленск. Группа вражеских армий «Центр» понесла тяжелые потери, но все еще представляла внушительную силу — более миллиона человек. Осенью советские войска на этом фронте освободили от оккупантов сорок районов Белоруссии. В октябре ожесточенные бои шли на участке от Невеля до устья реки Припять. Седьмого октября был освобожден Невель. В тяжелых условиях лесисто-болотистой местности наши части за несколько дней продвинулись

западнее километров на тридцать и были нацелены на районный центр Городок, который лежал напротив Оболи.

Гитлеровцы оказывались в постепенно сужающемся коридоре — между советскими войсками и партизанской армией. Поэтому они в целях безопасности своих армий готовились разгромить партизан, ликвидировав полностью партизанскую зону. В обширном партизанском крае площадью 3200 квадратных километров с большой тревогой ждали вражеского наступления. Командование партизанской армии понимало, как трудно будет противоборствовать мощной технике врага: танкам, бронетранспортерам, тяжелой артиллерии, авиации, не говоря уже об огромном численном превосходстве вражеских сил. Как потом стало известно, к моменту перехода врага в наступление (а оно началось значительно позже, чем ожидали партизаны) враг сосредоточил против партизан 60 тысяч человек, 137 танков, 235 орудий, 70 самолетов, два бронепоезда.

В партизанской же армии насчитывалось всего 17 485 бойцов, на вооружении которых были в основном автоматы, ручные и станковые пулеметы, а также противотанковые ружья. Общая протяженность оборонительных сооружений партизан составляла 200 километров. Партизаны рыли окопы полного и неполного профиля, противотанковые рвы, строили системы надолб, эскарпов, дзотов, огневых точек. Въездные пути на партизанскую территорию были уничтожены — мосты разобраны, дороги перекопаны, объезды заминированы. В этой гигантской оборонительной работе, не прекращающейся ни на один день, принимало участие все население края. Большое значение партизаны придавали деятельности подпольных организаций и диверсионных групп, которых были десятки вокруг партизанской зоны. В их число входила Обольская подпольная комсомольская организация.

Даже спустя месяц после того как большая группа комсомольцев из молодежной организации «Юные мсти-

тели» была расстреляна оккупантами, в партизанском крае не имелось точных сведений, кто из подпольщиков остался на свободе. Узнать это было можно, только побывав в Оболи. На этот раз к командиру отряда явились вчетвером. Фруза, Илья, Орлик и Ромашка.

— Что хотят от меня юные мстители? — шутливо спросил командир, видя, что ребята чем-то очень взбудоражены.

— Хотим сходить в Оболь и там на месте установить связь с нашими товарищами! — решительно заявила Фруза.

— Ишь какие вы прятки!.. Думаете, мы ничего не предпринимаем? — И командир рассказал, что он недавно посылал двух связных в Оболь, но они нарвались на засаду. Один из них убит. Другой, раненный, с трудом вернулся.

— Но у нас свой план... — сказал Илья.

— Что же за такой особый план? — спросил командир.

Фруза объяснила. Незадолго до ухода к партизанам она договорилась в Мостищах с Верой Лузгиной о том, что Вера будет связной у подпольщиков.

— Об этом, кроме меня, никто не знает, — сказала Фруза. — Я не сомневаюсь, Вера на свободе. Девушка она тихая, малозаметная, она поможет нам.

— Вижу, у вас огромное желание возродить свою организацию, но нужно считаться с обстановкой в Оболи, — заметил командир и, вынув из папки какую-то плотную серую бумагу протянул ее Фрузе: — Читай, это расклеено в Оболи на всех столбах и заборах.

Ребята быстро пробежали текст объявления. За поимку «атаманши» (так именовали гитлеровцы Ефросинью Зенькову) или тому, кто укажет место, где она скрывается, обещалась большая награда.

— Дорого тебя оценили! — горько усмехнулся начальник штаба отряда, находившийся в штабе вместе с командиром.

И Фруза поняла: путь в Оболь ей закрыт.

Глава девятая

Сообщение Фрузы о Вере Лузгиной заинтересовало командира. После долгих размышлений он решил рискнуть послать Машу Дементьеву, Зину Портнову и Илью Езовитова в Оболь.

— Ваша задача побывать у Веры Лузгиной. Узнать что можно. Дадите ей задание установить связь с оставшимися на свободе товарищами. Завтра можете отправляться в путь.

Ребята получили на всякий случай фиктивные документы. Зине выдали справку с печатью комендатуры гестапо на имя Марии Козловой — работницы кирпичного завода. Каждого снабдили легендой.

Фруза подробно объяснила ребятам, как начать разговор с Верой Лузгиной, предупредив:

— Все к ней в дом не ходите. Кто-нибудь один. — И тихо попросила: — Постарайтесь разузнать, что стало с моей мамой.

Вечером Зина зашла в избу партизанского госпиталя к сестренке.

Галька уже укладывалась спать, но, когда увидела сестру, повисла у нее на шее.

— Ухожу на задание, Галочка.

— Опять! — Сестренка недовольно сморщилась, слезы заблестели у нее на глазах.

А у Зины защемило сердце и перехватило дыхание.

Галька на этот раз вела себя как-то особенно неспокойно. Прильнув к Зине и обхватив ее за шею, громко, навзрыд, заплакала:

— Я тебя не пущу!

— Как это так?

— Не отпущу, и все! А если тебя немцы убьют или заберут к себе? Я сразу же умру, слышишь?

— Глупая ты еще. Успокойся. Я скоро вернусь цела и невредима, — успокаивала, как могла, Зина сестренку.

В сумерках ребята миновали партизанский дозор. На тревожный повелительный оклик Илья кратко ответил пароль, после чего заранее предупрежденные патрульные выпустили их с партизанской территории.

— Счастливого пути! — напутствовали они.

Стояла хмурая погода, сыпал мокрый снег. В такую погоду и немцы, и полицейские неохотно выходят из теплого помещения.

Ребята шли, соблюдая необходимую осторожность. Зина уже научилась ходить так, что ни одна веточка не хрустнет под ногой, а уши и глаза настороже — ничего, заслуживающего внимания, не пропустят. Илья и Маша такой способностью еще не обладали и заметно нервничали. Илья в темноте то и дело спотыкался о коряги и шепотом чертыхался.

Шли прежним коротким и знакомым путем, которым в свое время явились в партизанский край. Они не ощущали особой тревоги и страха: идут не в одиночку и вооруженные — могут дать отпор, если нарвутся на врага. К утру они уже подходили к деревне Мостище. На опушке в кустарнике, рядом с дорогой, остановились. Светало. Вдали сквозь серый морозный туман чернели постройки. Было слышно, как перекликались петухи. Теперь им предстояло самое ответственное и опасное — пройти в деревню к связной Вере Лузгиной.

Но кто пойдет? Какого-либо указания на этот счет от командира они не получили. Решить должны были сами ребята, судя по обстоятельствам. И теперь, отдыхая, они молча поглядывали друг на друга. Илья полагал, что, как мужчина, он должен идти сам. Но он из соседней деревни. И его в Мостище хорошо знают. Еще опаснее было идти Маше. Ее узнает каждый встречный не только в лицо, но и по походке. К тому же в деревне было известно, что она с матерью и сестрами ушла к партизанам. Поэтому она могла навлечь прямую опасность на дом Лузгиных.

Сподручнее всего было идти Зине, но сложность состояла в том, что ей придется отыскивать избу, да и Веру она даже не знает в лицо.

— Я могу пойти, я не побоюсь, — сказала Зина. — Ты лучше объясни мне, как можно сразу определить избу Лузгиных.

— Ты, Зинок, только долго не задерживайся, — попросил Илья. Он словно чувствовал какую-то неловкость перед Зиной. — В случае чего мы тебя выручим. Будем ждать тебя здесь. — И они с Машей наперебой принялись ей объяснять, как с первого взгляда узнать избу Лузгиных.

Они стояли в жухлом, безлистном кустарнике, недалеко от безлюдной проселочной дороги, по которой Зине теперь предстояло одной идти в деревню. Теперь, когда умолкли петухи, деревня казалась вымершей, только кое-где из труб курчавились дымки...

Зина неохотно передала ребятам свой автомат, гранаты — с оружием она чувствовала себя увереннее. Поправила платок на голове. Смущенно улыбнулась:

— Ну, я пошла. — Она обняла и поцеловала в щеку сперва Илью, потом Машу.

— Будь осторожнее... — попросила Маша.

— Счастливо! — заметно волнуясь, вымолвил Илья.

Илья и Маша напряженно следили, как небольшая фигурка в сером платке, в черной железнодорожной шинельке, в подшитых валенках мелькала среди кустарника. Вот Зина вышла на проселочную дорогу, огляделась по сторонам. И, уже больше не таясь, пошла к деревне. Илья и Маша остались вдвоем.

Глава десятая

Зина старалась идти спокойно, не торопясь. Дорога была пустынна. Это хорошо. Возле околицы пошла по тропке вдоль посада.

Вот и почерневшая от времени изба с боковым окош-

ком и небольшим покосившимся крыльцом. Так ей описывали ребята избу, в которую она должна теперь войти.

Бесшумно открыв калитку, Зина поднялась на крыльцо. Осторожно постучала... Все тихо. Наверное, не слышат. Снова постучала, но уже громче. Ей открыли не сразу. На пороге стояла пожилая женщина в очках, в ветхой овчинной безрукавке, в валенках.

— Вера дома? Я к ней.

— Проходи, — пытливо взглянув на Зину, отозвалась женщина, пропуская ее в темные со скрипучими половицами сени.

Оказалось, что Вера знает Зину: она как-то видела ее, когда та приходила к сестрам Дементьевым. Поэтому и нисколько не усомнилась, что Зина пришла от Фрузы, и сразу доверилась ей.

То, что услышала от нее Зина, было горькими сведениями. Вера назвала ей много имен арестованных местных жителей. Большинство из них уже были расстреляны, остальные находились в гестаповском застенке. Связаны ли арестованные с подпольной организацией, Зина не могла сама определить — прошло слишком много времени, как она покинула Оболь. Услышала она и несколько знакомых имен: в лагерь Освенцим на каторжные работы увезли Машу Ушакову, мать Феди Слышенкова, Степаниду Гавриловну, и его сестру — Шуру...

О судьбе этих людей партизаны еще ничего не знали.

Все названные имена Зина должна была запомнить, чтобы доложить командованию.

Узнала она и о своей бабушке, Ефросинье Ивановне. К счастью, немцы не стали ее долго держать в тюрьме, выпустили, но она была теперь совсем плоха.

— У многих были обыски, — рассказывала Вера, — и к нам приходили. Но нас не тронули.

Немного спустя, отогревшись и передав все, что было поручено, Вере, Зина вышла из избы. Накинув на плечи ватник, Вера проводила ее до калитки.

Они настороженно огляделись по сторонам. Проселочная дорога уже не была безлюдной — проехал грузовик с березовыми чурбанами, по дороге шел какой-то мужчина, от колодца две женщины, громко разговаривая, на коромыслах несли ведра с водой.

— Иди огородами. Там незаметнее, — предупредила Вера и, проследив, как Зина пошла по тропинке, вернулась в избу.

Зина уже почти дошла до околицы, но тут одна из женщин ее окликнула:

— Зина! Это ты? Бабушка-то здорова?

Пришлось остановиться, ответить. Она почти не знала говорившую. Видимо, это была какая-то очень дальняя родственница бабушки. Уже за спиной Зина услышала, как та объяснила своей соседке:

— Это Яблокова приходила, из Зуи...

К несчастью, эту реплику слышали и проходившие по дороге полицаи. Остановились. Фамилия Яблоковых им была знакома. И едва Зина, не подозревавшая об опасности, вышла на проселочную дорогу, как сзади прозвучал повелительный хриплый голос:

— Эй ты, девка!.. Куда идешь?

Полицейские уже почти настигали ее.

Зина остановилась. До леса, где дожидаются свои, совсем близко. Очевидно, Илья и Маша уже заметили, что на дороге полицаи.

— Стой! Документы есть?

От полицейских, несмотря на ранний час, разило самогонкой.

Зина спокойно вынула документы на имя Марии Козловой, предъявила:

— Вот, смотрите. Иду в поселок кирпичного завода.

Документы были в порядке, но Зина показалась полицейским подозрительной. Оглядев девушку, они приказали:

- Пойдешь с нами, там разберемся.
- Куда? — спросила Зина, немного побледнев.
- В участок, в Оболь...

И полицейши повели Зину в Оболь. Они поравнялись с лесной опушкой, когда где-то в ее глубине затрещало поваленное дерево. Сердце Зины учащенно забилося. Рядом — свои. Зина украдкой оглянулась на кустарник, где с оружием в руках ее должны были поджидать Илья и Маша.

Вот они поравнялись с этим местом... Прошли мимо... Но почему ребята молчат?... У них же автоматы, гранаты!.. А что, если сейчас юркнуть в сторону, бежать? Но в руках полицейшев наганы — сразу же застрелят... Может, крикнуть, позвать ребят? Но тогда она навлечет опасность на них.

Случилось что-то непонятное! Она снова оглянулась, но полицейский грубо толкнул ее в спину и выругался сквозь зубы.

Зина никак не могла понять, в чем дело. Может быть, Маша и Илья рассчитывают стрелять полицейским в спину? Или не стреляют, боясь зацепить и ее? Стараясь идти медленнее, Зина все еще ждала помощи. Она надеялась на выручку ребят, пока не кончился лес и не началось вспаханное под озимь поле, а за ним — постройки соседней деревни. Тут она поняла: с ребятами, очевидно, что-то случилось. Иначе они обязательно стреляли бы в полицейских. Они должны были попытаться освободить ее. Ведь для этого и шли на задание втроем.

Теперь на какую-либо помощь ей надеяться не приходилось. И тут она горько пожалела, что не оставила при себе хотя бы одну гранату.

Впереди, у перекрестка, Зина заметила группу людей, и надежда вспыхнула снова: может, это свои, партизаны. Но, приглядевшись, поняла: обычная деревенская картина. На обочине дороги стояли три закутанные в какую-то ветошь старухи. Как только показалась гру-

зовая военная машина, одна из женщин подняла руку, в которой держала берестяной коробок с куриными яйцами, другая выставила крынку молока, третья — живую курицу... Они меняли продукты у проезжих шоферов на керосин, бензин и соль...

Машина, не останавливаясь, пропылила дальше. Зину провели мимо, и старушки, кажется, не обратили на нее никакого внимания... А Оболь была уже рядом.

Илья и Маша ждали Зину, следя за дорогой и разговаривая шепотом. Сколько времени ждали — было трудно понять. Очевидно, долго. Когда разговариваешь, времени не замечаешь.

Тишину, которая царила вокруг, нарушил какой-то треск в глубине опушки. Партизаны насторожились.

— Я пойду посмотрю... — забеспокоился Илья.

— Я тоже с тобой, — пошла за ним Маша.

Выяснилось, что ничего опасного на той стороне леса не было. Просто рухнуло сломанное бурей дерево.

Илья и Маша вернулись на прежнее место. Им не пришло и в голову, что когда они отлучались, на какое-то время проселочная дорога была ими упущена.

Прошел час... другой... Зины все не видно. Ребята стали беспокоиться. Теперь они уже не спускали с дороги глаз. Погода портилась — подул сердитый северный ветер. С хмурого неба сыпался снег. Но они терпеливо ждали. А Зины не было.

— Наверное, заговорила с Верой... Ждет, может быть, сумерек, — пытался объяснить причину долгого отсутствия Зины Илья.

— Нет... Чует мое сердце, нет... — вздыхала Маша, беспокойно поглядывая на лежавшее рядом в густом можжевельнике оружие Зины.

Прошел третий час, четвертый... Зины все не было.

В сумерках, запрятав в кустах свои автоматы и ору-

жие Зины, взяв с собой только гранаты, Илья и Маша пробрались в деревню к Вере Лузгиной.

Там их огорошило известие, что Зина была еще утром и вскоре ушла.

— А что, если она ушла другой дорогой? — попыталась ухватиться за спасительную мысль Маша.

— Нет. Не могла она оставить свое оружие. Я этого не допускаю.

В этот момент у Ильи закралось сомнение, что, быть может, Зина — поскольку это совсем рядом — решила побывать в своей деревне, у бабушки. Но тут же отбросил его, зная характер Зины, ее необыкновенно серьезное отношение к делу.

Ребята явились в отряд утром, когда рассвело, расстроенные, не зная, как доложить о случившемся.

Принесли с собой и оружие Зины — автомат и гранаты. У них еще теплилась слабая надежда: может, Зина уже в отряде? Но ее не было.

Пришлось докладывать командиру, что Зина пропала. Командир смотрел на ребят испытующе. Случаи, когда партизаны, отправившись в разведку, пропадали без вести, бывали и раньше. Но случай с Зиной необычный... Снова и снова заставил он Машу и Илью рассказывать все подробности, но исчезновение Зины оставалось загадочным.

Днем к Маше и Илье прибежала из госпиталя Галя:

— А Зина где? Почему она не пришла?

— Придет позднее, — тихо отозвалась Маша.

— Придет, — обнадежил ее и Илья.

Но Зина не вернулась.

Посланные командиром разведчики уже донесли, что по дороге из Мостищ в Оболь полицейскими была схвачена какая-то девушка. По описанию, она была похожа на Зину. Илья и Маша терзались догадками, но никак сами не могли понять, что же все-таки произошло. Ведь другой дороги на Оболь не было.

Но когда командир расспросил их снова, они вспомнили про короткий эпизод с поваленным деревом. Теперь командир не сомневался, что арестована именно Зина, ребята пропустили момент, когда ее вели.

Тщательно скрывали партизаны случившееся от Гали, а она каждое утро прибегала в избу, где жила Зина.

— Не пришла? — спрашивала Галька хозяйку.

Старушка отрицательно качала головой:

— Нет, милая, не возвращалась еще. Сама беспокоюсь, не случилось ли что.

В госпиталь к Гале теперь то и дело заглядывали двоюродные братья, Ленька и Нестерка, как могли, старались они успокоить сестренку.

Но когда Ленька узнал от партизан правду, пришел проститься с Галей и пообещал ей, что сам разыщет Зину, и ушел из партизанской деревни.

Глава одиннадцатая

Полицейские привели Зину в Оболь, в гестапо. Короткий допрос: кто? откуда? куда и зачем шла?

Зина старалась держаться спокойно. Полученный в партизанском отряде документ на имя Марии Козловой не вызывал еще сомнений. Зина поняла: пока она не опознана.

После допроса ее поместили в одиночную камеру.

Зина огляделась: забранное ржавой массивной решеткой окошко, загаженный пол, в углу смятая, с рыжими пятнами засохшей крови, солома. Обессиленная, Зина опустилась на нее.

Что-то теперь делает Галька? Наверное, ждет... И острая, щемящая боль охватила душу: увидит ли она еще сестренку? Ведь Галька останется одна-одинешенька, маленькая, еще глупая девчонка.

Было обидно, что так нелепо — без борьбы, без сопротивления — попала в лапы врага. Почему она не по-

пыталась убежать? Ну пускай застрелили бы! Все же лучше, чем живой попасть к врагу.

На следующий день Зину снова привели на допрос. Увидав рядом с гестаповцем знакомую седую немку-переводчицу, бывшую соседку по бараку, Зина вздрогнула. Теперь ей вряд ли удастся вырваться отсюда. Ее опознали! Уже не было никакого смысла выдавать себя за работницу кирпичного завода Марию Козлову. Переводчица слишком хорошо знала Зину и сразу подтвердила по-немецки и по-русски:

— Да, это моя соседка по жилому дому.

— Кто же ты теперь? Мария Козлова или Зинаида Портнова? — спросил гестаповец Зину.

Зина медлила с ответом. Полученная в партизанском отряде справка на имя Марии Козловой теперь ей вредила, служила главной уликой, подтверждавшей, что она пришла из партизанского края. И она решила изменить тактику своего поведения на допросе и дать показания с большей долей достоверности.

...Да, она Зинаида Портнова, бывшая школьница из Ленинграда. Из-за войны застряла здесь, в Оболи, с младшей сестренкой.

...Да, она работала в подвале кухни в офицерской столовой. Но когда там случилось отравление и ее заставили есть отравленный суп, она, еле живая, с трудом добралась до соседней деревни, где ее напоили молоком. Больше она в столовую не являлась, так как боялась, что опять заставят есть отравленный суп.

...Все это время она жила в находящейся в партизанской зоне дальней деревне, у родственников бабушки. Никакого участия в партизанской деятельности она не принимала, так как по возрасту еще несовершеннолетняя. А шла она в Зую, чтобы узнать о судьбе бабушки — Ефросиньи Ивановны Яблоковой.

...В подпольной группе «Юные мстители» не состояла и не знала, что такая группа существует.

...Справку на имя Марии Козловой взяла у знакомой девушки, потому что сама никаких документов не имеет, а без документов боялась идти.

Большого, сколько ее ни допрашивали, ни били, от нее не могли добиться. Ленинградская школьница оказалась девочкой с твердым характером.

После недельных пыток и допросов в обольском полицейском участке гитлеровцы повезли Зину в Горяны.

Ее ввели под конвоем в приземистое серое здание, где, как она поняла по форме стоявшего у крыльца часового, находилось гестапо. Ее ввели в большую комнату с двумя окнами, забранными частой решеткой. Два письменных стола: один большой, под зеленым сукном, — у окна; другой, поменьше, — в углу. Там рылся в бумагах офицер.

За большим столом, развалившись в кресле, сидел другой гестаповец, видно чином повыше, в черном мундире, с белой повязкой на рукаве, на которой чернела фашистская свастика. Зина почему-то подумала, что это тот самый гестаповец, который допрашивал и пытал ее погибших товарищей. Это он выкручивал руки и избивал Нину. Это он мучил Евгения, Зою, Машеньку...

Зина стояла перед ним в разорванном полушалке и в расстегнутой черной шинельке. А гестаповец смотрел на нее каким-то стылым взглядом и молчал. Так Зина стояла перед ним одну минуту, другую, третью. Самое непостижимое и страшное заключалось в том, что гестаповец ничего не спрашивал, только глядел на нее. Глядел пытливо ей в глаза, словно ощупывая острыми, черными зрачками.

Вот он расстегнул кобуру, вынул массивный пистолет, очевидно для устрашения. Положив сбоку перед собой на стол, прикрыл листом бумаги.

— Шваль! — вдруг громко, как-то трескуче крикнул он, рванувшись с кресла.

От неожиданности Зина вздрогнула, вытянулась.

«Бить будет», — невольно подумала она. Но он бить не стал. Видимо удовлетворенный ее испугом, гестаповец неожиданно чисто произнес по-русски:

— В каком партизанском отряде ты была?

— Я не была в партизанском отряде, — ответила Зина и снова повторила то, что твердила на допросах в Оболи.

Гестаповец недоверчиво глядел на нее.

И тут на дороге послышался шум подъехавшей машины. Гестаповец подошел к окну. А Зина, метнувшись к столу, схватила пистолет. Очевидно уловив шорох, офицер порывисто обернулся, но пистолет был уже в ее руке. Она нажала курок. Выстрела почему-то не слышала. Только увидела, как гестаповец, схватившись руками за грудь, свалился на пол, а второй, сидевший за боковым столом, вскочил со стула и трясущимися руками торопливо отстегивал кобуру револьвера. Она направила пистолет и на этого гестаповца и снова, почти не целясь, нажала курок.

Бросившись к выходу, Зина рванула на себя дверь, выскочила в соседнюю комнату и оттуда в полуоткрытую дверь коридора на крыльцо. Там она почти в упор выстрелила в часового. Выбежав из здания комендатуры, Зина вихрем помчалась вниз по тропинке, к реке.

«Только бы добежать до реки».

А сзади уже слышался шум погони...

«Почему они не стреляют?»

Совсем рядом рябилась от ветра серо-свинцовая гладь воды. За рекой чернел лес.

Она услышала звук автоматной стрельбы, и что-то колющее пронзило ногу. Зина упала на речной песок. У нее еще хватило сил, слегка приподнявшись, выстрелить... Последнюю пулю она берегла для себя.

Когда они подбежали совсем близко, она решила, что все кончено, и направила пистолет себе на грудь. Нажала курок. Но выстрела не последовало: осечка. Фашист вышиб пистолет из ее слабеющих рук.

Глава двенадцатая

Делом обольской подпольщицы-партизанки теперь занимались гестаповцы чином выше, чем в Горянах. Зину сразу же перевезли в Полоцк. Допрашивали ее самые изощренные в жестоких пытках палачи. Больше месяца Зину избивали, загоняли под ногти иголки, жгли каленым железом. После пыток, едва она немного приходила в себя, ее снова приводили на допрос. Допрашивали, как правило, ночью. Ей обещали сохранить жизнь, если только юная партизанка во всем признается, назовет имена всех известных ей подпольщиков и партизан. И опять гестаповцы встречались с удивлявшей их непоколебимой твердостью этой упрямой девочки, которая в их протоколах именовалась «советской бандиткой».

Зина, измученная пытками, отказывалась отвечать на вопросы, надеясь, что так ее быстрее убьют. Смерть теперь ей казалась самым легким избавлением от пыток.

Однажды на тюремном дворе заключенные видели, как совсем седая девочка, когда ее вели на очередной допрос-пытку, бросилась под колеса проезжавшего грузовика. Но машину остановили, седую девчонку вытащили из-под колес и снова повели на допрос.

...В начале января в полоцкой тюрьме стало известно, что юная партизанка приговорена к расстрелу. Она знала, что утром ее расстреляют.

Вновь переведенная в одиночную камеру, свою последнюю ночь Зина провела в полузабытьи.

Она уже ничего не видит. У нее выколоты глаза... Фашистские изверги отрезали ей уши... У нее вывернуты руки, раздроблены пальцы... Неужели когда-нибудь придет конец ее мукам!.. Завтра все должно кончиться. И все же эти палачи ничего от нее не добились. Она давала клятву в верности Родине и сдержала ее. Она клялась мстить беспощадно врагу за то горе, которое он принес советским людям. И она отомстила как смогла.

Мысль о сестренке снова и снова заставляла трепетать ее сердце. «Милая Галочка! Ты осталась одна... Вспоминай меня, если останешься в живых... Мамочка, отец, помните свою Зину».

Слезы, смешиваясь с кровью, вытекали из изувеченных глаз — плакать Зина еще могла...

Наступило утро, морозное и солнечное... Приговоренных к расстрелу, их было шесть человек, вывели во двор тюрьмы. Кто-то из товарищей подхватил Зину под руки, помог идти. У тюремной стены, окруженной тремя рядами колючей проволоки, с раннего утра толпились старики, женщины с детьми. Одни принесли арестованным передачу, другие ждали, что среди узников, которых выводили на работу, они смогут увидеть и своих близких. Среди этих людей стоял парнишка в стоптанных валенках и разодранном в клочья ватнике. У него не было никакой передачи. Его самого только накануне выпустили из этой тюрьмы. Он был задержан во время облавы, когда пробирался из партизанской зоны к линии фронта. Посадили его в тюрьму за то, что при нем не было документов.

По укатанной белыми сугробами улице проехала повозка с бочкой — в тюрьму привезли воду.

Через несколько минут ворота раскрылись снова, и автоматчики-конвоиры вывели шесть человек. Среди них в седой и слепой девушке парнишка с трудом узнал свою сестру... Она шла, спотыкаясь босыми почерневшими ногами, по снегу. Какой-то черноусый мужчина поддерживал ее за плечи.

«Зина!» — хотел крикнуть Ленька. Но голос его прервался.

Зину вместе с другими приговоренными к смерти расстреляли утром 10 января 1944 года вблизи тюрьмы, на площади.

ЭПИЛОГ

Весть о том, что Зины Портновой уже нет в живых, не скоро дошла до партизан, так как гитлеровцы предприняли мощное наступление на партизанский край. Сжатые в двухсоткилометровом огненном кольце, партизаны яростно защищались. Напряжение боев изо дня в день возрастало. Битва принимала все более ожесточенный характер, но кольцо смерти постепенно сужалось.

Население партизанского края почти поголовно снималось с мест и уходило вместе с партизанами.

Тех, кто не смог уйти, каратели расстреливали, жилые постройки сжигали. Все проселочные дороги, все лесные и болотные тропы были запружены беженцами. На небольшом пространстве теперь сосредоточивалось более сотни тысяч людей, обреченных врагом на смерть.

Горела земля, с треском валялись расщепленные взрывами деревья. В сплошном грохоте, лязге танковых гусениц, пулеметной трескотне, реве пикировавших самолетов порой было трудно понять, день это или ночь. Вражеские орудия разных калибров били прямой наводкой и навесным огнем по партизанским позициям, а сверху, прижимая все живое к земле, лились огненные пулеметные струи, сыпались бомбы. Среди такого крошечного ада на одной из полян, где струдившиеся беженцы после взрыва авиационной бомбы были обращены в кровавое месиво, случайно обнаружили живого ребенка — десятилетнюю девочку. Как она уцелела — никто не мог понять. Один из партизан узнал в ней Галю Портнову.

Галю удалось пристроить на самолет, прилетевший в партизанский край с Большой земли за ранеными. Так

на последнем из партизанского края самолете Галя попала на смоленскую землю, в детский дом.

Десятки тысяч людей погибли в эти страшные дни. Десятки тысяч других, ошеломив немцев своей яростью, прорвали кольцо окружения... Прорвавшиеся снова занимали боевые позиции, маленькие группы быстро обрастали народными мстителями, формировались в новые партизанские отряды.

А вскоре перешел в стремительное наступление 1-й Прибалтийский фронт. Началась крупная операция советских войск, носившая название «Багратион». Миллионная группировка вражеских армий была разгромлена. Советские войска с помощью партизан освободили белорусскую землю от фашистов. О подвигах юных мстителей советский народ узнал пятнадцать лет спустя, когда в июле 1958 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР. За подвиги и мужество, проявленные во время Великой Отечественной войны, большая группа участников Обольской подпольной комсомольской организации «Юные мстители» была награждена орденами Советского Союза. А на груди руководителя организации Ефросиньи Савельевны Зеньковой засверкала Золотая Звезда Героя Советского Союза. Этой высокой награды Родины была удостоена посмертно и самая юная подпольщица, отважная дочь Ленинграда, легендарная Ромашка — Зина Портнова. Возле Оболи, у автострады, среди зеленых молодых деревьев и цветов, установлен высокий гранитный памятник. На нем золотыми буквами высечены имена погибших юных мстителей:

Зинаида Портнова
Нина Азолина
Мария Дементьева
Евгений Езовитов
Владимир Езовитов
Мария Лузгина

Николай Алексеев
Надежда Дементьева
Нина Давыдова
Федор Слышенков
Валентина Шашкова
Зоя Софончик
Дмитрий Хребтенко
Мария Хребтенко

В Ленинграде, на тихой Балтийской улице, сохранился дом, в котором жила легендарная Ромашка. Рядом школа, в которой она училась. А немного подальше, среди новостроек, широкая улица имени Зины Портновой, на которой установлена мраморная стена с ее барельефом.

Годы идут, но память о юных героях вечно жива в сердце народа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Первая часть. Среди юных мстителей	5
Вторая часть. В партизанском отряде	154
Эпилог	220

Смирнов В. И.

С50 Зина Портнова: Повесть.—М.: Воениздат, 1980.—
223 с.

В пер.: 50 коп.

Книга посвящена юной героине Великой Отечественной войны —
Зине Портновой, удостоенной звания Героя Советского Союза.

Автор собрал большой материал о маленькой подпольщице, ее
родных и близких, сумел правдиво рассказать о короткой, но яр-
кой жизни Зины, ее участии в борьбе с фашистскими захватчиками.

С 70302-193 — БЗВ № 9-21.80.4702010200.
068(02)-80

ББК84Р7

Р2

Василий Иванович Смирнов

ЗИНА ПОРТНОВА

Редактор С. А. Бабинская
Художник Н. Н. Захаржевский
Художественный редактор Г. В. Гречиго
Технический редактор Ю. Н. Чистякова
Корректор К. В. Смирнова

ИБ № 779

Сдано в набор 28.09.79. Подписано в печать 16.04.80. Г-32302
Формат 70×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура обычн. новая.
Высокая печать. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 9,80. Уч.-изд. л. 10,244.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 4/6456. Зак. 525. Цена 50 коп.

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

ат, 1980.

ной войн-
ижа.
дпольни-
откой, по
защитник

ББК84Р

Р

32302
ыкн. новиз.
10,244.
оп.

м 3

50 коп

В.СТАМЦОВ • ЗИНА ИОПТОВА

